

ДОНЧАН

ДЕМОСТІН ПУЧИННЫ

САЛЫК

БАЛАНС

Annotation

Конан — король Аквилонии вступает в неравный поединок с демоном, что отравил воду в Хороте и околдовал королеву Зенобию...

- [Стефан Корджи](#)
    - [Вступление](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)
    - [Глава 17](#)
    - [Глава 18](#)
    - [Глава 19](#)
    - [Эпилог](#)
-

Стефан Корджи

Демон пучины

Вступление

Королева Зенобия, задумчиво расчесывая свои прекрасные волосы, сидела у зеркала. Лицу женщины, отражавшемуся в отполированном металле, могла позавидовать любая красавица Аквилонии. Даже прожитые годы не смогли изменить этого гордого разлета бровей и согнать со щек нежный персиковый румянец. Рядом с зеркалом были разложены драгоценности. Солнечный луч, заглянувший в окно, как ребенок, играл жемчугами, загораясь в рубинах и обжигаясь бриллиантами.

Проворная служанка принесла кувшин сладкого питья, вазу с фруктами и в ожидании застыла около стола.

— Иди, Фрасина, сегодня я сама себе сделаю прическу, — не оборачиваясь, произнесла Зенобия. Подождав, пока за девушкой закроется дверь, королева взяла со столика небольшую шкатулку с затейливым узором. Она не хранила в себе никакой тайны, и браслет, который там лежал, не нужно было прятать от посторонних глаз, как дар тайного возлюбленного. Широкое кольцо, усыпанное рубинами и искусно переплетенное золотыми нитями, было свадебным подарком ее мужа — короля Конана. В последнее время Зенобия, всегда обладавшая сильным сдержаным характером, просто не могла сдерживать слез при взгляде на этот знак внимания ее любимого. Гордость и занимаемое положение не позволяли показывать свою слабость подданным, хотя в королевском дворце, — и это мало отличало его от деревенской усадьбы, — трудно было что-либо скрыть. Самый последний забитый помощник помощника младшего подавальщика утренней обуви мог с ходу ответить, сколько ночей за прошлый месяц оставалась безмолвной королевская супружеская спальня, и после которого кувшина вина прошлым вечером его величество изволили метким выстрелом из арбалета сбить большую парадную люстру.

Королева нахмурилась. Что-то неладное творилось в Аквилонии. Да и не только в ней. Страшные истории приносили из самых разных мест испуганные странники. Неизвестно изменился король. У Зенобии хватало ума смотреть на него не только глазами обиженной женщины, — уже не раз ей приходилось брать на себя ответственность за очень важные решения, от которых Конан отмахивался, как от надоедливой мухи.

Лицо человека, которого вели на казнь, выражало нечто большее, чем просто страх смерти. Живые умные глаза его, полные отчаяния и боли, с надеждой смотрели в толпу. Он как будто искал кого-то, словно безумный,

повторяя одно и то же:

— Почему я не вижу короля? Где наш справедливый король Конан?

Мрачные стражники, лениво подталкивая осужденного в спину, не обращали никакого внимания на его вопросы. И только когда на площади был прочитан приговор и последняя искра надежды угасла на лице несчастного, один из охранников, зевнув, огляделся по сторонам и насмешливо бросил:

— Забудь ты эти сказки про справедливого короля.

— Да он и так уже скоро все забудет, — хохотнув, отозвался другой, наблюдая за приготовлениями к казни.

— Но он должен разобраться, — скорей, по инерции тихо проговорил человек, опускаясь на колени.

— Ну, и глуп же ты, парень. Господа нам ничего не должны. А уж воля короля — и вовсе не наше дело. Хочет — суд вершит, а не хочет — вино пьет.

Веселый стражник двусмысленно хмыкнул, давая понять, что он-то об этом знает больше других.

Глава 1

Конан сам не знал, зачем они заехали в такую глушь. Обуявшая его в последнее время скука гнала его из дворца, заставляя делать необдуманные и зачастую опасные или просто глупые поступки. Сколько золота было уже выкинуто на ветер во время диких развлечений короля Конана, скольких женщин оставил он в слезах и сколько мужчин вернулись домой покалеченными. Выпитое измерялось морями, съеденной дичью можно было заселить огромный лес, необъятные хлебные поля и бескрайние сады опустошались ради праздных пустых пирам. Проверенные в боях воины теперь получали раны во время пьяных драк, а назавтра снова сидели за столами со вчерашними обидчиками и бахвалились своими прошлыми победами. Юноши, еще не знающие запаха битвы, в сотый раз выслушивали истории о героизме старших товарищней, но зная о нем только с их слов, не испытывали особого уважения. Когда вино уже проливалось мимо ртов, начинали чесаться кулаки, летела посуда, падали лавки и какой-нибудь достойный воин отползал в сторону, чтобы забыться тяжелым пьяным сном, а на утро, обводя мутным взглядом грязный стол, пытался вспомнить, за что вчера его так огрел по уху лучший друг.

Конан смутно помнил, чем закончилось последнее веселье, но утро оглушило его такой черной тоской, что, вылив на себя два ведра ледяной воды и наспех надев самую простую, но чистую одежду, он растолкал первого попавшегося слугу и приказал немедленно готовиться к охоте.

Они выезжали из города, провожаемые опасливыми взглядами жителей, хорошо знакомых с буйным нравом богатых господ. Уже на самой окраине Конан, которого начинала мучить жажда, остановился около небольшой лавки и, не слезая с коня, потребовал вина. Пожилая женщина с широким добрым лицом вынесла кувшин. Вино было холодное и терпкое. С наслаждением допивая последний глоток, Конан почти прогнал свою утреннюю тоску. Теплая волна благодуния уже начала разливаться по телу. Расщедрившись, он достал несколько серебряных монет, и, предвкушая радость женщины, небрежно кинул их на землю. Она спокойно, без суety, собрала деньги, сдула с них пыль, а потом, зажав в кулак, подняла на Конана взгляд, полный такого презрения, что у него закружилась голова и зашумело в ушах. С трудом сдерживая бешенство, он пришпорил коня и больше часа скакал в таком темпе, что наверняка загнал бы, не окажись на его пути река. Дорога обрывалась на крутом берегу так,

как будто была проложена толпами самоубийц, подъезжавших по ней к реке и с ходу бросавшихся в воду. Нигде не было видно ничего даже похожего на мост или переправу. Глядя вниз с высоты, трудно было представить, что в этом месте находится брод. Запыхавшийся слуга догнал, наконец, Конана и в недоумении остановился на краю обрыва.

— Ничего не понимаю, — сказал он, — здесь всегда был мост. Мы с братом еще мальчишками вечно тут торчали, с него на рыб глазели. — Лицо его прояснилось. Со свойственной всем простолюдинам непосредственностью он переключился на воспоминания детства. — Хорот — богатая река! Сколько рыбы здесь брали! Бывало, после хорошего улова что съедим, а что и стухнет — впрок-то не готовили — вся деревня провоняет — мочи нет!

Конан остановил его болтовню одним суровым взглядом. Начинавшеее понемногу отступать бешенство вновь поднималось в нем. Он не привык, чтобы в его спокойном королевстве творились такие странные дела. Он все-таки король Аквилонии и никому не позволит над собой издеваться и сносить мосты на его дороге!

На другом берегу, совсем недалеко, призывно зеленел лес, наполненный хлопотливыми птичьими голосами и шорохами издавна пуганной дичи. Прохладные тени высоких деревьев манили к себе, обещая отдых большой душе и работу зорким глазам и сильным рукам. Конан нетерпеливо дернул плечами:

— Как нам перебраться на другой берег?

Слуга засопел и важно выпятил подбородок:

— Есть тут путь, внизу, через брод, да только никто им не ездил, через мост-то ближе, — тут он снова оторопело посмотрел на реку. — Куда ж он подевался-то? Да и вода какая-то мутная...

— Показывай, — коротко приказал Конан. Слуга покорно повернулся коня и поехал по обрыву вдоль реки. Временами он что-то бурчал себе под нос, то ли опять вспоминая детство, то ли продолжая удивляться исчезновению моста.

Брод оказался недалеко. Слуга, видно, хорошо знал местность, уверенно спустившись к реке узкой тропинкой, которую Конан никогда бы не заметил, проезжая мимо. Мутные волны плескались о берег, быстрое течение вертело какие-то обломки досок, вырванную с корнем траву, тряпки. Река выглядела неприветливо, киммериец засомневался, смогут ли они перейти на другой берег, но упрямство уже заговорило в нем, не в привычках короля было поворачивать назад. Кони неохотно пошли в воду, на середине реки, когда вода уже дошла им почти до брюха, жеребец

Конана внезапно рванулся в сторону и, оступившись, чуть не упал. Довольно сильное течение подтолкнуло его в бок и удержало на ногах, но и хорошенько окатило седока. Киммериец ругнулся сквозь зубы, хотя в жаркий день после бешеной скачки это было даже приятно. Удивляло поведение коней — Конан не помнил, чтобы его вороной так боялся воды. За спиной одновременно захрипел конь и раздалось сдавленное «Ох!» Обернувшись, он не сразу сообразил, что случилось, и собрался, как обычно, прикрикнуть на туповатого малого, жалея, что в спешке взял с собой его. Но, проследив за остекленевшим взглядом слуги, проглотил вдруг появившийся в горле кислый ком. Мимо проплывала бледная распухшая человеческая рука. Жутко покачиваясь и мотаясь, она, как живая, куда-то показывала, маня за собой. Конан понял, что еще немного, и он останется без слуги. Парень бросил поводья и мог вот-вот сползти с коня. Ему бы сейчас помогла хорошая оплеуха, имей киммериец руки раза в два длиннее. Медлить было нельзя. Набрав в легкие побольше воздуха, Конан гаркнул что есть мочи:

— А ну, держи коня, придурок!

От его мощного крика вздрогнули, кажется, не только кони и одуревший от страха слуга: вдалеке послышался тяжелый грохот, река, и без того бурная, заходила мутными волнами. Животные оказались храбрей человека, хрипя и рассекая грудью волны, они почти одновременно вынесли всадников на берег, вслед им, словно зверь, злящийся на упущенную добычу, плеснула огромная волна.

Король уже почти жалел, что отправился на охоту. Глядя на слезшего с коня парня, очумело ворочавшего головой, он сердито спросил:

— Ты что, рук отрубленных никогда не видел? По возрасту-то, небось, не мальчишка, что, войны на тебя не хватило? — И, сообразив, что тот его до сих пор не слышит, спешился, подошел к слуге и, тряхнув его за плечо, повернул к себе. На лице у парня был написан такой детский ужас, что король не стал повторять свой вопрос, а только подтолкнул его к коню, решив в следующий раз не уезжать так спешно, а найти кого-нибудь из верных слуг.

Лес оказался дальше, чем думал Конан. Места казались незнакомыми, что было странно для короля, знавшего свою страну вдоль и поперек. Мелкий кустарник, полный стрекота потревоженных насекомых, отвлек внимание киммерийца, а когда он снова поднял голову, лес, словно подкравшись, неожиданно накрыл их своей прохладной тенью. Но встретил не веселым пением птиц и жужжанием мошек, а неестественной пугающей тишиной. Зоркий глаз бывалого охотника

выхватывал из сочной буйной зелени следы зверей, казалось, только что сорвавшихся с места. Обломанные ветки, вывороченный пласт дерна, тяжелый запах кабана, клок рыжей шерсти — как будто неведомый вихрь, пронесшийся по лесу, унес все живое. Впрочем, больше это походило на бегство, в укромном гнезде остался крошечный птенец, беззвучно открывавший рот, словно от страха затянув глаза лиловатой пленкой.

Все это было очень странно, голова была пустая, не хотелось думать ни о чем. Конан обратил внимание, что слуга, вытянувшись, как в столбняке, сидит на своем коне, не обращая внимания ни на хлещущие по лицу ветки, ни на неровный шаг коня по тропе.

— Эй! — При этом крике короля парень вздрогнул, но, видимо, пришел в себя, ухватившись за поводья и испуганно обернувшись. — Тебя как зовут-то?

— Зубник, господин, — громко и охотно ответил тот, словно радуясь звукам своего голоса. У него было широкое глуповатое лицо с большим подвижным ртом и торчащие вразные стороны непонятного цвета волосы.

— Что за дурацкое имя! — Конан раздраженно ударил коня по бокам.

— А у нас вся семья — Зубники, — начал слуга, поудобней устраиваясь в седле, и Конан понял, что оторопь с парня уже сошла и сейчас начнется возбужденная болтовня. Он не ошибся, но прерывать не стал, деревенский говорок нарушал неприятную тишину леса, ехать было веселей. — А деревня наша называется Лекаря, на Чудном Холме стоит. Старики его Эолуйоном зовут, а простому люду разве такое выговорить? Там давным-давно женщина одна жила, еще до королевства нашего, то есть, королей вообще, как есть, не было. — Зубник опасливо покосился на Конана. — Она чудеса всякие делала, со зверями дружбу водила, с нечистью всякой — и водяной, и подземной, ох, — теперь он, оглянувшись по сторонам, выпустил поводья и, крепко зажмутившись, растопырил пальцы левой руки, а правой сильно дернул себя вначале за одно, потом за другое ухо. Киммериец, с усмешкой наблюдал, как суеверный простолюдин отгоняет от себя злых духов. На своем веку он повидал уже столько чудес и сталкивался с такими нечеловеческими силами, что подобные ухищрения выглядели просто смешными.

— Да, трусоват ты, парень, ладно тебе, продолжай, кому ты нужен в этом заброшенном лесу?

— Ох, господин, не говорите, нужен — не нужен, а поопаситься надо. Да и лес-то, ваша правда, заброшенный, нехороший.

— Хватит трястись, рассказывай, — Конан чуть повысил голос.

— Я и говорю — волшебница жила. Людей не любила — жуть. Если

кто придет к ней за советом, или с просьбой, а то и нечаянно забредет — все, считай, нет человека!

— Куда ж она их девала? Ела, что ли?

— Не-е, есть не ела, а так — взглядом поведет, тот и вовсе без ума, в лес ушел и сгинул, — легко объяснил Зубник. — Вот она и решила, чтоб не досаждали ей, собрать все хвори людские, да и наслать на мир. Слуг своих темных разослава, чтоб никакая гадость от нее не ускользнула. И все в шкатулку складывала. Да только куда уж бабе против мира идти, хоть и волшебнице! Нашелся чародей, вовремя подоспел, да и все ее козни против нее и повернул: только она свою шкатулку открыла, мордой ее туда и сунул! Тут-то она от злости поганой слизью по холму и растеклась! — Парень довольно ухмыльнулся, и Конан решил, что в родных Лекарях женщины не особо баловали его вниманием, а, скорей всего, и обижали. — А потом уж, много лет прошло, позабыли ее, тут и люди поселились, да только замечать стали — кто на холме живет, тот не простую силу имеет — и боль заговаривает, и кости правит, и корешки-травки разбирает. Так наша деревня и пошла. Да только каждая семья по-своему умеет, и свое лечит. Раньше это просто прозвища были, а потом уж и имена забылись, зато и понятно: зубы схватило — иди к Зубникам, живот крутит — Брюхачи через дом от нас живут...

Конан, запрокинув голову, с удовольствием захохотал, представив, как зовут некоторых жителей этой необычной деревни, а отсмеявшись, с интересом спросил:

— Так говоришь, силу имеешь?

— Хвастать не буду, а что правда, то правда. — Зубник расплылся в довольной ухмылке.

— А доказать можешь? — Конана забавлял этот пустой разговор с недалеким деревенским парнем.

— Что ж тут доказывать? — удивился тот. — Сам я зубами никогда не маялся, да и у вас, господин, с ними все в порядке. Правда, с год назад помучил один, но, видно, знающий человек заговорил.

Конан не сразу сообразил, о чем идет речь. Потом вспомнил свои мучения, когда ноющий зуб трое суток не давал ему спать, заставляя метаться по дворцу в поисках хотя бы минуты покоя, и непроницаемое лицо стигийского лекаря из пленных, произносящего странные тягучие слова у его изголовья. Ни одна рана не приносила киммерийцу столько мук, и никогда еще он не испытывал такого облегчения, когда боль отступила. Конечно, из этой истории никто не делал тайны, но как мог этот ограниченный увалень так ловко вставить ее в свою хвастливую байку?

Конан нахмурился. Он терпеть не мог пустых болтунов. Не дело, конечно, королю спорить с подданными, но этого он выведет на чистую воду. С силой проведя языком по зубам, Конан нащупал клык, так досаждавший ему, и с издевкой спросил:

— Ну, умник, может, скажешь, какой именно зуб болел?

— А что тут скрывать? Вы сами изволили его только что языком потрогать, клык это наверху справа. — Проехавший чуть вперед парень обернулся и внимательно посмотрел в лицо королю. Конан почти с ужасом почувствовал, как чьи-то сильные пальцы сдавили и покачивают зуб. «Наваждение», — подумал он, тряхнув головой, и, сильно пришпорив коня, поскакал дальше. Разговаривать расхотелось, наступившее молчание вновь напомнило о странной тишине, заполнившей лес. Обычные вещи приобрели зловещий смысл: корни, вылезшие из-под земли, походили на заколдованных змей, знакомые деревья сменились странными небывалой высоты стволами с удивительной светлой корой, напоминавшей шелушащуюся кожу. Хруст сучка под копытом, казалось, грохотом разносился по всему лесу. Скоро исчезла трава, верхушки совсем закрыли небо. Кони стали все чаще, вздрагивая, останавливаться.

— Простите, господин, — осмелился заговорить Зубник, — мы заехали уже слишком далеко, здесь нет дичи. Скоро начнутся болота, там кони не пройдут. — Лицо слуги выражало тревогу, он нервно оглядывался, несколько раз украдкой вытер потные руки о короткие охотничьи штаны. Конан замечал странности окружающего леса, но какая-то неведомая сила гнала его все дальше, несмотря на повисшую вокруг тревогу. Постепенно в звенящую тишину леса стал проникать легкий гул, как будто где-то далеко по степи несся табун коней. Насколько помнил Конан, нигде в округе не было не то что степей, но и просто открытых пространств. Местность понижалась, и похлюпывающая почва под ногами предвещала болото, но никак не поля. Киммериец двигался вперед уже не ради охоты, а из-за тревожного, почти болезненного любопытства. Никогда еще он не забирался так далеко, местность была совершенно незнакомой.

Мрачный лес внезапно кончился, сменившись нежно-зеленым ковром мхов с часто воткнутыми чахлыми деревцами, но светлее не стало. «Неужели уже вечер?» — удивился Конан. Гул усилился, от него кружилась голова и закладывало уши. Кони переступали ногами, Зубник, втянув голову в плечи, криво сидел в седле, всем своим видом показывая, что страшно трусит и, будь его воля, вихрем умчался бы домой.

Земля заходила ходуном, верхушки деревьев мелко затряслись, кони попятились, приседая на задние ноги. Конан, почему-то не испытывая ни

малейшего страха, только краем глаза заметив, что слуга свалился и лежит на земле, жадно смотрел вперед, где посреди болота происходило что-то ужасное. Вначале мшистая поверхность задышала и задвигалась, как хорошо забродившее тесто, потом в центре лопнул огромный пузырь, раскидав ошметки травы и мокрой земли. Что-то огромное двигалось из глубины, сотрясая все вокруг. Кони не выдержали напряжения, первым ускакал в лес гнедой Зубника. Сам лекарь лежал на земле, не реагируя на происходящее. С трудом сдерживая рвущегося вороного, Конан боролся с искущением спешиться и отпустить обезумевшее животное. Он чувствовал, что должен остаться и досмотреть, чем все кончится, но понимал и рискованность такого шага, ведь в случае опасности далеко убежать он не сможет. Конь кружился на месте, вставал на дыбы, стараясь сбросить всадника. Не соображая, что делает, и чуть не свернув себе шею, Конан соскочил на землю. В одно мгновение конь умчался в лес, скорей всего проклиная сумасшедших двуногих, готовых ради любопытства рисковать собственной шкурой.

Болото ходило ходуном. Наконец, выворачивая целые пласти влажной почвы, медленно и натужно из-под земли появилась целая скала. Не веря своим глазам, Конан с удивлением обнаружил, что формой она напоминает чудовищной величины руку с указательным пальцем, вытянутым к небу. Невольно проследив за ним, киммериец, запрокинув голову, посмотрел вверх. Плотные низкие тучи, казалось, цеплялись за верхушки деревьев. Прямо по направлению каменного перста в грязно-серых облаках голубела идеально круглая дыра ясного неба. Недоумевая, что бы это могло значить, король огляделся. Гул утих, земля больше не дрожала под ногами. И тут же, как по команде, зачирикали невесть откуда взявшиеся птицы, заяц, прижимая на бегу уши, прошмыгнул мимо, совсем рядом с ногой скользнула змея.

Зашевелился и Зубник, опасливо приподнял голову, быстро огляделся и встал.

— Ох, ну и дела, господин, — отряхиваясь, все еще дрожащим голосом обратился он к Конану. — Жуть-то какая! — Обернувшись, парень инстинктивно сделал резкий шаг назад и чуть не упал. Что и говорить, скала, поднимавшаяся из болота, производила сильное впечатление. Так же, как и Конан, Зубник посмотрел вверх и с криком снова рухнул на траву, закрывая голову руками, словно ожидая, что гнев богов сейчас обрушится на него через это голубое окно. Однако, ничего страшного или необычного больше не происходило. Более того, скоро в лесу послышалось веселое ржание, и вороной Конана, как ни в чем не бывало, прискакал и стал рядом

с хозяином. Позднее нашелся и конь слуги — взмыленный и все еще дрожащий, под стать своему хозяину.

В отличие от Зубника, произшедшее нисколько не испугало Конана, а, скорей, позабавило. За свою бурную жизнь киммериец привык обращать внимание на события, реально грозящие его жизни. Судьба уже не раз сводила его с магами и чародеями, демонами и ведьмами, но таков уж был характер варвара — больше доверять своей силе и хитрости, чем ухищрениям волшебников. Недаром в свои сорок с небольшим Конан был королем, его слава давно перешагнула границы Аквилонии, а от побежденных им магов остались, в лучшем случае, лишь имена.

Ни о какой охоте уже не было и речи. Бурно проведенная ночь давала о себе знать. Конан устал и проголодался. Вскочив на коня и взгляном приказав слуге следовать за ним, король углубился в лес.

Глава 2

На обратном пути они немного сбились с дороги и выехали из леса в незнакомом месте. Невдалеке виднелась река. Куда-то подевались плотные низкие тучи, над путниками ясно голубело совершенно чистое небо. Невидимая пичуга что-то хлопотливо объясняла на своем птичьем языке. Местность повышалась, и за холмами в голубоватой дымке можно было даже разглядеть горы.

— Эй, — Конан обернулся к Зубнику. Пережитое в лесу состарило лекаря лет на десять. — Где-нибудь рядом есть деревня? У меня в животе бурчит, и язык уже присох к небу.

Голос короля, как всегда, разом вывел слугу из оцепенения, в котором тот пребывал всю обратную дорогу.

— А как же! Во-о-он там, на берегу. Онда называется.

Конан и сам уже заметил какие-то строения у подножия холма и пустил коня вскачь. Чем ближе подъезжали они к деревне, тем медленнее становился их шаг. Не заметно было никакого движения, хотя Конан прекрасно помнил, что такие деревни всегда напоминали ему муравейники, наполненные шумом, гомоном, смехом и криками оравы ребятишек, звонкими голосами переговаривающихся через несколько домов женщин. Ясно было, что случилось что-то неладное. У первого же дома лежал мертвый человек с разбитой головой. При появлении всадников от него с визгом отбежали несколько собак. Дома выглядели нежилыми, хотя иногда Конану казалось, что он слышит то ли плач, то ли тоскливо пение. Несколько раз дорогу им препрятствовали лежавшие посреди дороги разбитые лавки, видимо, выброшенные из окон. Еще двое мертвцев с посиневшими лицами, вцепившись друг другу в горло, словно обнявшись, лежали у дверей богатого дома. Улица сбегала к реке, заканчиваясь широкой площадью и небольшой пристанью. Выехав на открытое пространство, киммериец даже присвистнул: видно, жаркий бой кипел здесь совсем недавно. Вокруг валялись обломки досок, камни, ножи и пики. И не меньше десятка трупов. Один из них, привязанный за ногу к причалу, трепала и била о бревна мутная быстрая река.

— Давай-ка, посмотри, есть кто живой, — приказал Конан Зубнику, спешиваясь. Теперь стало понятно, откуда появилась отрубленная рука, так напугавшая его слугу на переправе. Но что здесь произошло? На всем лежал отпечаток какой-то нечеловеческой злобы. Раны были ужасными,

самое страшное, что у некоторых Зубник обнаружил следы укусов. Но не звериных, а человеческих.

— Кром! Чего же они не поделили? — воскликнул киммериец, убедившись, что живых здесь искать бесполезно.

Словно отвечая на его вопрос, из-под перевернутой лодки с трудом выполз человек. Лицо его напоминало багровую маску с узкими прорезями для глаз. Подтягиваясь на руках, он волочил за собой перебитые ноги. Из горла вырывалось хриплое дыхание. От него не удалось добиться ничего путного. Всего два слова вытолкнул он из разбитого рта:

— Ненавижу... всех... — После чего обмяк на руках у Зубника.

— Умер, — констатировал лекарь. — Хоть я только по зубам могу, но чую, внутри у него все разбито. Ногами били. И дубиной.

Судя по одежде, все убитые были не воинами, а простыми людьми: пастух в короткой овечьей безрукавке мехом наружу, трактирщик в фартуке, на котором пятна вина теперь смешались с пятнами крови, несколько ремесленников. Непонятно, кто мог напасть на мирных людей и с такой жестокостью их уничтожить? Конан почувствовал, как внутри начинает медленно закипать ярость. Жители Онды были его подданными, а, значит, могли рассчитывать на его помощь как короля, и просто как смелого человека. Правда, в этом уже никто здесь, вроде, не нуждался. Неужели никто?

— Надо осмотреть деревню. Должны быть живые, — коротко приказал король и первым, привязав коня к какому-то забору, пошел вверх по улице. За высокими белыми заборами, насколько он помнил, скрывались уютные дворики, прохладные даже в летнюю жару. Из первого же такого дворика бледный, как смерть, Зубник, прямо-таки вывалился обратно на улицу:

— Упаси меня, Митра, еще раз увидеть такое!

Судя по всему, в этом доме проживала многодетная семья. Трупы семи или восьми детишек самого разного возраста валялись на земле. Здесь же лежала в луже крови, видимо, мать с горлом, перерезанным от уха до уха. От такого зрелища замутило даже видавшего виды Конана.

— Да что же здесь произошло?!

Вопрос повис в воздухе.

Слуга наотрез отказался заходить куда-либо еще. Руки у него тряслись, на лбу выступила испарина. На подгибающихся ногах он шел позади короля, борясь с желанием если не убежать, то хотя бы схватить киммерийца за руку.

Внезапно чей-то громкий голос нарушил мертвую, во всех смыслах,

тишину деревни. Из-за угла показался крупный краснолицый мужчина, который, держась за стену и распевая лихую песню, двигался прямо на них. Конан резко остановился и инстинктивно схватился за нож. Зубник за его спиной икнул от страха. Судя по всему, встретившийся им человек был совершенно здоров, но в стельку пьян. Увидев киммерийца со слугой, он радостно ухмыльнулся, попытался поклониться, но не удержался на ногах и рухнул на колени.

— Кто ты такой? — сурово спросил Конан, все еще сжимая кинжал. — Что здесь произошло?

Пьяный таращил глаза, глупо хихикал, по его напрягшемуся лицу было видно, что он бы хотел ответить, но не может произнести ни слова. Он не походил на безумного и уж совсем не был похож на виновника случившейся трагедии.

— Ты будешь говорить, или я разрублю тебя на куски! — рявкнул король, закипая от злости. — Кто-нибудь здесь мне скажет, что случилось?!

— Мне кажется, я смогу ответить на твой вопрос, Конан, — произнес печальный голос справа.

Киммериец мгновенно обернулся. Ему показалось, что часть белой стены отделилась и движется на него.

Это был высокий худой старик в белоснежном одеянии. Красивое скорбное лицо его покрывала густая сеть морщин. Длинная седая борода спускалась почти до колен. На руках он нес грудного ребенка. Тот спал, положив голову старику на сгиб руки.

— А ты — кто такой? — Конан уважал пожилых людей, но терпеть не мог магов. Он был готов поклясться, что этот человек только что вышел прямо из стены. — Откуда ты знаешь мое имя?

— Кто же не знает Конана-варвара, — в тихом голосе старика послышались ироничные ноты.

— Я — король Аквилонии, — киммерийцу самому не понравилась та надменность, с которой он это произнес, но сбавлять тон не стал. — Может, все же представишься и объяснишь, наконец, в чем здесь дело?

— Рассказ мой будет очень долг, но, увы, на разговоры у нас совсем нет времени. Сейчас ты должен спасать свою столицу. Река отравлена, и вода эта совсем скоро польется в ведра и чаши жителей Тарантии. — Старец чуть повернул голову в сторону пьяного, который все еще безуспешно пытался встать. — Ему повезло в одном: со вчерашнего вечера он не пил ничего, кроме вина. Но разум вернется к нему ненадолго, он не успеет похоронить и половины своих родственников и друзей, как сойдет с ума. — Проведя рукой по светлой головке ребенка, лежащего у него руках,

странный прорицатель добавил: — Этому повезло больше: мать успела покормить его перед смертью своим молоком. И я позабочусь о том, чтобы он ничего не узнал о страшной судьбе деревни Онда.

Тут голос его стал властным и сильным. Глядя прямо в глаза Конану и, словно гипнотизируя, старик произнес:

— Поспеши. Поставленная мной плотина скоро не выдержит. Я дам силу твоему коню, ты должен опередить отравленную воду и не позволять никому приближаться к реке три недели. Выставь охрану. А самым недоверчивым можешь рассказать о том, что ты здесь видел. Все эти люди пили из реки воду, зараженную ненавистью. Матери убивали детей, мужья — жен, старики — молодых, невесты — женихов. В живых осталось только двое. Спеши, не допусти еще большей трагедии.

С этими словами старик повернулся и, пройдя мимо Конана, стал спускаться к пристани.

Вороной мотал головой, пытаясь вырваться и ускакать с этой жуткой площади, но, увидев мага, тут же успокоился и потянулся к нему мордой. От прикосновения тонкой руки конь чихнул и так выразительно посмотрел на хозяина, будто удивляясь, что тот еще не в пути. Конан, словно не по своей воле, взлетел в седло и, уже уносясь прочь, ясно услышал тихие слова:

— Меня зовут Гардевир. Мы еще встретимся с тобой, король Аквилонии.

Глава 3

В Тарантии царила паника. Вороной конь короля, вихрем промчавшийся по улицам, до полусмерти напугал мирных обывателей, но то, что последовало за этим, заставило сомневаться в его рассудке. Отборные воины, сильные и до зубов вооруженные, были расставлены вдоль берега Хорота на расстоянии пяти шагов друг от друга. Под страхом смертной казни им запрещалось пить из реки и подпускать кого бы то ни было к воде. Томящиеся от жары солдаты вяло переругивались друг с другом, недоумевая, что могло найти на Конана, отдавшего столь странный приказ. Одновременно с этим юркие шемиты, испокон веков состоявшие при дворе в качестве кладовщиков и менял, шныряли по городу, выспрашивая и записывая на огромные листы количество воды, вин, соков, молока и любых других жидкостей, годных для питья. Под ошарашенными взглядами горожан самые сильные воины с непроницаемыми лицами выносили из домов и грузили на телеги кувшины с обнаруженными излишками. Они не отвечали ни на какие вопросы, и только иногда стражник, непреклонно отодвинув особо разбушевавшуюся хозяйку, не разжимая зубов, цедил: «Приказ короля». Повсеместно запрещалось мыться, стирать белье и поливать цветы. Люди выходили на улицы, бесполково бродили от дома к дому, спрашивая у таких же ничего не понимающих соседей, какая такая злобная муха укусила умного и справедливого короля Конана, чтоб так издеваться над подданными. Самые отчаянные головорезы из Шумных кварталов подбивали народ сопротивляться «произволу одуревших от своего богатства господ». Ночью было отмечено несколько драк охранников с особо горячими и недоверчивыми жителями. Самые жуткие и нелепые слухи несколько раз облетали город. Кроме детей и маломощных стариков почти никто в эту ночь не ложился спать.

Добрившийся, наконец, Зубник застал столицу полной огней и тревоги. Больше всего ему хотелось забиться в какой-нибудь тихий укромный уголок и отдохнуть, как следует, от событий прошедшего дня, а еще лучше — сейчас же рвануть в родную деревню, как обычно, лечить и заговаривать зубы, ловить рыбу с братом и жениться, наконец, на рыженькой Ушиньке. Это, к сожалению, было совершенно невозможно, потому что именно для выполнения последнего желания Зубник и оказался в Тарантии. Дальний родственник его соседей Задырей, уже давно живший

при дворе и сменивший имя на более благозвучное Альтернунций, но не утративший специализации, пристроил его охотничьим слугой. Работа была не тяжелая, денежная и на воздухе. Зубник особо не выделялся из толпы, трудился на совесть, в свободное время либо тихо сидел в уголке, разговаривая с собаками, либо прогуливался по столице, обходя стороной веселые кварталы, полные соблазнов большого города. Сейчас он проклинал тот утренний час, когда попался на глаза королю.

Нарочно медленно подъезжая к дворцу и почти падая от усталости, Зубник надеялся, что в поднявшейся суматохе Конан забудет о своем скромном попутчике, не догадываясь о том, что вихрь самых невероятных и удивительных событий уже захватил его и вот-вот оторвет от родных мест, унося... Митра знает, куда.

Дворец бурлил и кипел, как разноцветный бестолковый суп. Растревавшиеся придворные толкались по залам и коридорам, старательно мешая тем немногим, кто все-таки занимался делом.

В большом зале-столовой несколько самых верных и сдержаных соратников короля молча наблюдали, как Зенобия уговаривала Конана поесть. Мрачный киммериец осушал уже четвертый кувшин вина, нисколько не пьянел и только молча отодвигал очередное блюдо, предложенное женой. Королева, наконец, отступилась и, сев рядом с мужем в резное старинное кресло, взглядом разрешила придворным говорить с королем.

— Нужно собрать у людей излишки воды и сделать запасы во дворце!

— Охрана может не выдержать, если начнется бунт!

— Люди не верят, что вода отравлена, ходят слухи, что король готовит новый налог на воду!

— Горожане стоят у воды и уговаривают солдат уйти!

— Надо выйти к народу и объяснить, что происходит!

Король как будто не заметил поднявшегося вокруг шума. С прежним мрачным выражением на лице он сидел за столом, полностью уйдя в свои мысли. «Если окажется, что проклятый маг меня обманул, я окажусь полным идиотом в глазах своих подданных, надутым индюком, который утопает в роскоши и бесится с жиру в своем дворце. Да, я видел зверски убитых людей, но никто не подтвердил мне, что в этом виновата река. Что значит — отравлена ненавистью? — Конан видел самые разные болезни — и человеческие, и магические, но что-то не припоминал такого массового помешательства. — Маг, — как его там? — Гардевир, скорее всего, настоящий. Без его помощи конь никогда бы не смог так быстро и без отдыха доскакать до столицы. Плотина на реке тоже была. Но это все не

доказательства».

У Конана мелькнула гадкая мысль, что кто-то из его врагов связался с магом и пытается таким образом подорвать авторитет короля. В нем говорило как вечное недоверие к волшебникам, живущим по своим странным законам, так и не ставший привычным опыт придворных интриг.

На улице послышался все нарастающий шум. Ясно было, что целая толпа двигается к дворцу. «Начинается», — тоскливо подумал киммериец и подошел к окну. За спиной он услышал громкий топот бегущих ног и, обернувшись, увидел начальника стражи Малгуина. Крепкий высокий мужчина, забыв, что к королю нельзя входить с оружием, сжимал в руке короткий кинжал. Одежда на нем была изорвана в клочья, багровые полосы покрывали грудь, правый глаз распух и почти закрылся.

— Мой король, — с трудом переводя дух, заговорил Малгин, ничуть не смущаясь нарушением этикета, — двое солдат, охранявших реку, поддавшись на уговоры толпы, попробовали воду из реки! — Он кинул взгляд на окно позади Конана, из которого несся рев и крики, и быстро продолжил: — Я не знаю, сколько они успели уничтожить людей — они ведь были хорошо вооружены, — нам удалось скрутить их. Народ приволок их сюда, ко дворцу.

Решительно отдернув тяжелую, расшитую золотом портьеру, Конан вышел на широкий балкон. Прямо под ним на площади волновалось освещенное сотнями факелов людское море с крохотным островком посередине. На земле лежали двое связанных мужчин. Один из них, то ли мертвый, то ли без сознания, неловко уткнулся лицом в пыль. Другого, спутанного по рукам и ногам ремнями и веревками — видно, всем, что попалось под руку, — трудно было даже принять за человека. Грязный и окровавленный, он извивался всем телом, как огромный червяк, издавая жуткие визги-хлюпающие звуки. Видно было, что люди, стоящие вокруг, сдерживаются из последних сил, ожидая только знака своего короля, чтобы растерзать преступников.

Через минуту на площади воцарилась полная тишина, в которой особенно страшно слышались стоны связанного солдата.

— Я не люблю и не умею говорить, я привык действовать, — начал Конан. Великолепная акустика позволяла слышать его негромкий суровый голос в каждом уголке огромной площади. — Вы хотели знать, что происходит в городе? Вот вам ответ. Вы сами притащили их сюда. Запомните, такими людей делает отправленная вода. В человеке остается только ненависть, и он убивает все, что видит. Река будет непригодной для питья еще три недели. — Он не знал, что еще добавить. — Берегите воду. И

не забывайте, что солдаты охраняют вас от вас самих, не опускайтесь до паники.

Тяжкий вздох прокатился по толпе. Конан повернулся, чтобы уйти, но вдруг заметил внизу знакомое лицо.

— Пусть-ка Зубник расскажет, что видел в деревне Онда. В живых там остались только пьяный мужик и грудной ребенок. Я сделаю все, чтобы не допустить этого в Тарантии.

Народ заколыхался вокруг тут же ставшего центром внимания простого деревенского лекаря. Начальник стражи дал знак унести с прощали отравившихся солдат. Никто не знал, можно ли их вылечить, но и отдать несчастных на растерзание толпы тоже было бесчеловечно.

Остаток ночи прошел в заботах. Каждую минуту возникали тысячи самых разных и, порой, неожиданных вопросов. Испуганные и ошарашенные люди, видя в короле спасителя, шли со своими проблемами прямо к нему. Немного растерявшись, Конан вначале терпеливо выслушал несколько человек, но после вопроса молодой женщины, где ей брать воду для подмывания ребенка, обсыпавшегося зелеными яблоками, рассвирепел. Но тут вмешалась Зенобия и предложила все запасы воды разделить на несколько частей, которыми будут распоряжаться поставленные королем люди.

— Я могу взять на себя женщин и детей, — мягко закончила королева, с любовью глядя на мужа. Тот ответил ей благодарным взглядом. На мгновение Зенобия забыла об опасности, нависшей над городом. Горячая волна радости прокатилась по всему телу, чуть не выплеснувшись слезами. Снова рядом был прежний Конан — сильный, немногословный, чуть грубоватый, но живой и родной.

Глава 4

Солнце, словно издеваясь над осажденным городом, палило немилосердно, в секунду слизывало каждую упавшую каплю и с легкостью заправского вора проникало в плохо накрытые ведра. Лошади, с трудом дотащив до города бочки, наполненные в окрестных колодцах, готовы были выпить всю привезенную воду. Люди держались из последних сил.

На двадцатый день вечером, когда уже стало казаться, что беда никогда не уйдет из города, на "Гарантию" обрушился ливень. Потоки воды торжествующе барабанили по крышам, выгоняя жителей на улицы, моя, моя, смывая всю пыль и тоску, накопившуюся за эти показавшиеся вечностью два десятка дней. Взявшись за руки, люди танцевали под дождем, понимая, что пришло избавление и жизнь продолжается, ах, нет, как будто начинается снова.

У огромного дворцового окна стоял похудевший усталый король и счастливыми глазами смотрел на улицу. Испытания не состарили Конана, наоборот — мужчина в простой одежде с царственной осанкой мог бы сойти за сына того, двадцать дней назад ускакавшего на охоту за реку. Синие глаза, может, лишь чуть-чуть потемневшие к сорока годам, почти не заметная седина в жестких черных волосах, и только горькая складка у губ могла выдать, сколько пережил этот все еще молодой человек. «Я должен благодарить судьбу, которая в тот странный день увела меня так далеко от дворца, — думал киммериец, всей грудью вдыхая свежий влажный воздух. — И, конечно, странного мага, ведь это его заслуга, что Тарантия живет, а не превратилась в кровавое побоище».

— Моя заслуга здесь невелика, — произнес у него за спиной знакомый тихий голос.

Проклиная дурацкую привычку волшебников появляться внезапно, Конан обернулся. Старик сидел в кресле с высокой спинкой.

— Велика твоя заслуга или мала, я должен поблагодарить тебя. Будь моим гостем, расположайся. Я прикажу принести вина и еды. — Из своего опыта общения с магами киммериец знал, что повелители и темных, и светлых сил не чужды человеческих слабостей и могут быть настоящими гурманами.

— Благодарю тебя, король, я бы предпочел немного фруктов.

Старик молчал, пока счастливые мокрые слуги расставляли на столе вазы, взял яблоко, но есть не стал, а задумчиво на него посмотрел.

— Завтра после полудня река очистится, — сказал он после продолжительной паузы. — Я думаю, тебя все же интересует, откуда на ваш город обрушилась такая напасть?

— Любопытно было бы знать, — не скрывая сарказма, ответил Конан. Все трудности были позади, и теперь он мог послушать и какую-нибудь страшную сказку.

Не сводя взгляда с яблока, словно читая на его румяной кожице, Гардевир начал свой рассказ:

— Давным-давно ужасная катастрофа унесла на дно океана огромный материк Атлантиду. Многие погибли, но многим удалось спастись. У атлантов был хороший флот, беженцы сотнями высаживались на новый надежный берег. Никто не знает, как это случилось, но однажды, прошло уже много времени после того, как последний корабль бросил якорь и высадил людей, прибой выбросил на песок бесчувственную женщину. Ее нашли, откачали. Женщина напрочь потеряла память. Она не помнила, кто она, откуда, как оказалась в море. Решили, что ее смыло волной с одного из кораблей, а счастливый случай помог добраться до берега. Никого ее судьба особо не занимала — забот и так хватало. Если бы они знали, кого спасли, то немедленно выбросили бы чудовище обратно в море. Хотя это уже не помогло бы. Прошло время, люди понемногу стали устраиваться на новом месте, но тут их настигла новая беда: однажды ночью ужасной силы землетрясение снесло недавно построенные убогие дома. Из трещин в земле выплескивалась раскаленная лава, заживо сжигая людей. Никто не видел, как на совершенно не тронутом клочке земли при вспышках багрового света эта странная женщина родила двоих детей: мальчика и девочку. Так они и появились на свет — Октогирам и Панора, одни из самых злобных волшебников на земле. Их отцом был Од'О — демон Океана, а материю — низкая развратная женщина из атлантов, давно уже продавшая не только свое тело, но и душу черным силам.

Од'О — один из самых могущественных демонов на свете. Но вся его сила в воде — от крошечного родника, родившегося из трещины в камне, до страшных океанских штормов. Не поручусь, что именно он приложил руку к ужасной гибели Атлантиды, но знаю, что просто так море никогда не пойдет против земли. Великие Боги, создававшие мир, были мудры и добры. Изначальный Мир пребывал в согласии с самим собой, и только последующие распри Богов и Демонов привнесли в него противоречия и страдания.

Я не знаю, как и когда получил Од'О свою огромную власть над океаном, но то, что это один из самых злобных и дерзких демонов в мире,

известно всем живущим ныне волшебникам. Не раз он пытался бросить вызов даже Богам, но, видно, ему не хватало могущества. Все его замыслы отличаются дьявольской изобретательностью. И двое его детей не были плодом любви или страсти к земной женщине, они должны были помочь Од'О утвердиться на земле.

Его дочь — Панора — не отличалась особой магической силой. От матери она унаследовала непомерную похоть, а от отца — демонические знания и ненависть к людям. Ее коньком были всевозможные болезни и хвори, особенно мастерски она насыпала мор на скот и губила на корню урожай. Другое дело — Октогиум. Он появился на свет первым, и вся сила страшного землетрясения, унесшего тысячи жизней, перешла к нему. Не зря он был любимцем Од'О, если только этот злодей способен на такое человеческое чувство. Главным развлечением сынка стало переделывание земли. Он мог за ночь сровнять или возвести гору, мог расколоть равнину, — добрый папаша услужливо заполнял трещину водой, — и появлялась новая река...

Но мир давно бы рассыпался в пыль, не будь Великого Равновесия. Раз в пять столетий на земле появляется на свет мальчик, которого, независимо от страны рождения, называют Гардевир. Его главная задача — а последние четыреста лет и моя — следить за братом и сестрой и не давать им вершить свои гнусные дела. Пока все получалось неплохо. Панору даже удалось уничтожить, ну, ты об этом уже знаешь...

Конан, удобно устроившись в кресле и потягивая вино, при этих словах недоуменно взглянул на мага. По лицу старика промелькнуло что-то похожее на улыбку:

— Это та самая злодейка, которую мой пра-пра-прадед ткнул лицом в ее же собственную мерзкую шкатулку. Зубник тебе все правильно рассказал.

Король чуть заметно нахмурился. Забавная история, но уж больно не любил киммериец, когда все так гладко да тесно скручивалось вокруг него. Не заметив недовольства Конана, волшебник продолжал:

— Октогиум был существом на редкость склонным. Кроме гадостей людям он норовил напакостить и своим. Но маги обидчивы и очень мстительны. — Тут взгляд Гардевира стал задумчивым, словно ушедшем в далекое прошлое. — Среди диких гор, почти на границе Гандерланда и Немедии, давным-давно стоял храм. То есть, храмом его называли те немногие люди, которым посчастливилось увидеть это удивительное сооружение на вершине. На самом деле там стоял Магический Замок Демона Небесных Вод. Даже я не знаю его имени. Нечасто он жалует

землю своим посещением, хотя каждая капля дождя, пока она еще не упала на землю, повинуется ему, туман над рекой и горячий пар над котлом, облака и грозовые тучи — все в его власти. Он один знает великий секрет Радуги. Демон Небесных Вод — великий меланхолик, всегда равнодушно взирал он на земную суету, может, и не догадываясь, какую лютую ненависть испытывал к нему Од'О. То ли сам Октогирам полез на рожон, то ли папаша подучил способного сынка, но однажды средь бела дня Магический Замок рухнул в пропасть. Весь мир содрогнулся от такого страшного злодеяния. Но и виновник получил свое: превратился в глыбу льда. И поставлен был в самой глубокой пещере в горах, чтобы и памяти о нем не сохранилось. — Гардевир чуть улыбнулся. — Для меня настала спокойная жизнь. Я бродил по земле, придумывал новые цветы, помогал влюбленным, укачивал беспокойных детей. Но вот недавно что-то страшное почудилось мне в багровом закате, а потом и случилось: гора вдруг раскололась ровно пополам, как будто разрезанная ножом. Глыба-Октогирам покатилась прямо на ледник, а оттуда — в реку. Я был далеко, и чуть не опоздал. Ведь замерзшей-то не вода была, а одна сплошная ненависть.

— Ничего не понимаю, — перебил плавный рассказ Гардевира Конан, — ну, понятно, ненависть. Но лед ведь плавает. А она, что — утонула, что ли? Почему мы тут три недели мучаемся?

— Глыбу вынесло на камни немного выше Онды по течению. Хорот там еще мелкий. Она лежала и таяла. Я рассчитал, сколько это будет продолжаться, и не ошибся.

— Подожди-ка, — Конан поразился, что эта мысль не пришла ему в голову раньше, — но если река отравлена, то что сейчас творится внизу, в Мессантии?

— Не тревожься, вода Хорота к тому моменту уже многократно разбавлена другими реками, да и я, — скромно добавил Гардевир, — кое-чем помог тем, кто ниже по течению. Тяжелые испытания выпали только на долю Онды и Тарантии, и тут уж моя вина, не успел.

— Кром! — начал злиться киммериец. — А нельзя было просто расколоть эту ледышку на куски и сплавить, по-быстрому, в море?

— У нас свои правила, — высокомерно ответил старик и откусил-таки яблоко. — Это вы, люди, работаете руками, инструмент магов — голова.

— То-то, из-за твоей головы я чуть не лишился своей столицы, — буркнул Конан. — А каменными пальцами из болота в небо тыкать — это тоже твои штучки? Какой-нибудь недоступный людям вид развлечений?

Гардевир выглядел не просто удивленным, он страшно испугался.

— Где ты видел каменный палец?!

— Я думал, ты знаешь. Не очень далеко от Онды, в лесу, на самом краю болота.

Маг внезапно заторопился. Странно было видеть его суетящимся. Забыв свои трюки с прохождением сквозь стены, он бросился к двери, успев крикнуть на ходу:

— Берегись, Конан! Идут страшные времена!

Киммериец равнодушно посмотрел ему вслед и задумчиво произнес:

— Эх, не зря я этих магов не люблю. Вот, пожалуйста: пришел — не поздоровался, и ушел — не попрощался.

Глава 5

Дверь королевской спальни была приоткрыта. Зенобия, сидевшая на краешке кровати, устала прислушиваться, в коридоре было тихо. С улицы доносились крики, шум и громкое пение — в городе праздновали. С обычной беспечностью людей, только что переживших горе, все радовались избавлению, строили планы на будущее, будто кто-то верно пообещал им: это ваше последнее испытание, дальше вы будете жить долго и счастливо.

Голова была легкая, а настроение бесшабашное, как в юности. За обедом королева выпила несколько бокалов легкого вина. Уходя в спальню из столовой, она спиной почувствовала тот знаменитый взгляд Конана, которым он раздевал любую понравившуюся ему женщину. Но сейчас она была уверена — причиной этому было не простое влечение, подогретое вином. К ней возвращался прежний любящий муж.

Темная фигура, внезапно появившаяся рядом с Зенобией, заставила ее вздрогнуть. Тут же сильные, но ласковые руки обняли ее так, что перехватило дыхание.

— Я ждала, но не слышала, как ты вошел, — слабея, проговорила королева в самое ухо Конана.

— Ты забыла, милая, что я в молодости был вором. Прокрадываться незаметно — моя профессия.

— И что же ты хочешь украсть сейчас? Золото, драгоценности? Ты выбрал удачно — в королевском дворце есть что взять. — Зенобия получала острое наслаждение от этого ночного разговора с любимым мужчиной, не выпускавшим ее из объятий. В каком-то странном тягучем сладострастном подобии танца они двигались к постели, — умудренные опытом, а потому оттягивая сладкий миг близости.

— Нет, сегодня я пришел не за сокровищами, — голос Конана чуть прерывался, ему самому нравилась эта игра, — где-то здесь во дворце, я слышал, есть женщина. Говорят, красивей ее нет во всей Аквилонии. Я украду ее.

— Женщина? — притворно удивилась Зенобия. — И кто же она?

— Королева! — жарко выдохнул ей в ухо ночной гость и, подхватив на руки, почти теряющую сознание, отнес на кровать.

Наступившее утро можно было бы назвать настоящей идилией. За столом все казалось удивительно вкусным и свежим. Король и королева,

сидя за поздним завтраком, как новобрачные, вздрагивали от любого прикосновения рук и не смели поднять друг на друга глаза. Когда Зенобия говорила что-то, обращаясь к мужу, он так откровенно смотрел на ее губы, что она тут же, покраснев, умолкла. Заметив на руке жены золотой браслет, Конан вспомнил, что давным-давно это был его свадебный подарок. К своему стыду, он не смог бы точно назвать дату. Проследив за взглядом мужа, Зенобия улыбнулась и тихо сказала:

— Он всегда был для меня талисманом. Я почти никогда не снимала его. — Она умолчала о том, что значило «почти», хотя в это короткое слово вместились ее бессонные ночи, черное от пьянства лицо мужа и очередная наглая красотка, с хозяйствским видом ерзающая у него на коленях. Но даже самая гордая женщина умеет прощать. Во взгляде Зенобии, обращенном на короля, не было ни следа упрека. Так же тихо, но вложив всю свою прошлую горечь, она закончила:

— Я надела его, как только беда ушла из нашего города. И надеюсь больше не снимать.

Конан оценил тактичность жены и понял намек. Разряжая обстановку, он, притворно хмурясь, спросил:

— Так это, значит, своему свадебному подарку я обязан царапинами на спине?

Зенобия вновь покраснела. «Я чувствую себя девчонкой под его темным взглядом», — подумала она, и радуясь, и боясь спугнуть вновь обретенное счастье.

Конан вызвал слугу и приказал немедленно вызвать во дворец самого лучшего ювелира в городе.

— И пусть захватит все самое лучшее и дорогое, что у него есть!

После этого на площади перед дворцом было объявлено, что в ближайшие три дня певцы, музыканты, акробаты и фокусники получат деньги из королевской казны, если будут без устали развлекать горожан, и награду лично от короля за лучшее посвящение королеве.

Дворцовая кухня напоминала жерло вулкана. Горы мяса и овощей лежали на столах в ожидании умелых рук кулинаров. Кондитеры, задыхаясь в облаках сахарной пудры и ароматных специй, лезли из кожи вон, стараясь поразить гостей праздничного ужина своим искусством. Придворные дамы загоняли служанок, примеряя многочисленные платья, досталось и нерадивым мужьям, не позаботившимся вовремя о новых нарядах и украшениях.

Вечером, кроме королевского стола, накрытого в парадном зале, сотни изысканных блюд и кувшинов тончайшего вина были вынесены прямо на

площадь перед дворцом.

В память о спасенной столице король первой осушил чашу, наполненную водой Хорота.

Королева сияла во главе стола рядом со своим повелителем, и никто из присутствующих ни на мгновение не усомнился бы в том, что это самая красивая женщина в Аквилонии.

— Любой твой каприз будет исполнен немедленно, только прикажи, — шепнул Конан, любуясь маленьkim точеным ушком любимой.

Зенобия ответила ему сияющим взглядом, в котором так ясно читалось ее желание, что киммерийца пробрала дрожь до самых кончиков пальцев.

— Но мы не можем сейчас оставить праздник...

— Хорошо, — смеясь, сказала королева, откровенно любуясь его замешательством, — тогда лучше я тебе что-нибудь подарю.

— Что? — удивился Конан.

— Прикажи нарисовать мой портрет и повесь его в парадном зале!

— Прекрасная мысль! Завтра же найду лучшего художника!

Пир продолжался. К общей радости, он не имел ничего общего с теми недавними застольями без повода и без меры. В середине вечера король с королевой, как им показалось, незамеченными, покинули праздник. Придворные переглянулись: кто понимающе, кто удивленно, а кто — и с завистью.

Внизу на площади в компании веселых горожан пил вино счастливый Зубник, изредка проверяя широкий боковой карман, где позывали в кожаном мешочке пожалованные королем золотые монеты, и борясь с искушением немедленно побежать домой и пересчитать. Он уже заранее прикидывал, на сколько сможет сократиться срок его службы благодаря щедрому подарку Конана.

Веселье заканчивалось, горожане возвращались к своим обычным делам, лишь во дворце праздник, казалось, задержался надолго. Каждое утро, тихо напевая, Зенобия сама украшала столовую цветами, сияющим взглядом встречая Конана, вернувшегося с утренней конной прогулки или купания. Все государственные дела улаживались сами собой, отнимая совсем немного времени, после чего, умирая от любопытства, король спешил на южную галерею дворца, узнать, как продвигается работа над портретом жены.

Художник — черноволосый коренастый мужчина с большими руками и грубоватыми повадками, похожий, скорей, на кузнеца, работал молча и даже на вопросы отвечал коротко и не сразу. Он почти не улыбался и в разговоре никогда не смотрел в лицо собеседнику. Несмотря на это даже те

короткие ответы, которые удалось вытащить из него любезной Зенобии, говорили о хорошем воспитании и недюжинном уме мастера. Он назывался Иш-шой и о себе сообщил только, что родом из Турана. При взгляде на неоконченный портрет жены Конана каждый раз охватывало детское чувство восторга, почему-то смешанного с тревогой. Казалось чудом, как из хлопотливых маленьких мазков краски на холсте получается улыбка, глаза, волосы красивой молодой женщины. Однажды киммериец случайно застал художника смеющимся какой-то шутке Зенобии и неприятно поразился почти полному отсутствию у него зубов. Заметив пристальный взгляд короля, тот смешался и пробурчал что-то невразумительное о долгой жизни на севере, голодных краях и болезни. Наконец, портрет был готов. Стоя рядом с мужем, Зенобия любовалась прекрасной работой, даже чуть-чуть сомневаясь, что изображенная красавица с цветами в руках — она сама. Был тихий теплый вечер из тех, что располагают к негромкой душевной беседе и навевают дремоту.

— Завтра утром повесим его в парадном зале, — заглядывая в глаза Конану, сказала королева и улыбнулась.

— Если хочешь, мы можем это сделать прямо сейчас.

— Нет, нет, пусть постоит здесь. Пойдем, у нас еще много дел, — Зенобия взяла мужа за руку и потянула за собой. Киммериец в очередной раз поразился произошедшей в них обоих перемене. Как будто светлая сила содрала с них груз прожитых лет и обид, выполоскала души, согрела сердца и вновь соединила их руки. От одного взгляда на стоящую рядом с ним женщину кровь начинала кипеть в жилах, губы пересыхали от страсти, в голове мутлилось.

— Не забудь щедро наградить Иш-шу, — говорила Зенобия, уже идя по коридору в спальню.

Утро деликатно заглядывало в королевскую спальню. Солнечный луч, пройдя сквозь тонкий полог кровати, казалось, порозовел от смущения, увидев разметавшихся по постели обнаженных любовников. Оба проснулись быстро.

— Прикажи сейчас же повесить портрет и накрыть стол. Я сегодня хочу завтракать в парадном зале, — Зенобия с улыбкой собирала разбросанную по полу одежду. — Если хочешь, можешь искупаться вместе со мной, а я потом позабочусь о цветах.

Конан с интересом наблюдал, как мастер вставляет картину в приготовленную дорогую раму. Художника рядом не было, и никто из слуг еще не видел Иш-шу нынешним утром. Повесить портрет на стену король решил сам, он не хотел, чтобы, даже нарисованной, его жены касались

чужие руки. Двое слуг помогали ему, поддерживая раму снизу. Конан снова залюбовался прекрасным лицом Зенобии.

В тот самый момент, когда картина заняла свое место, душераздирающий вопль, приникая сквозь стены, донесся до короля.

Глава 6

Никто не смог бы узнать в этом жутком вое голос Зенобии, но сердце подсказало Конану: что-то случилось именно с ней. Сбивая с ног слуг и придворных, король бежал в покой жены. Дверь была заперта, Фрасина, молоденькая служанка королевы, без сознания лежала в коридоре. От нее ничего добиться не удалось, прия в себя, она не смогла даже говорить, а только мычала и бесполково махала руками. Разума в ней осталось не больше, чем у новорожденного котенка. Начиная терять терпение, Конан приказал ломать двери. Но тут с другой стороны послышался глухой голос, едва напоминавший голос Зенобии:

— Не надо ломать. Я открою. Войдет только мой муж. Любого другого, кто попытается это сделать, я убью.

Послышался короткий шорох, и одна из створок немного приоткрылась. В другое время киммериец надолго бы задумался, если бы у него спросили, что такое страх. Он догадывался, что там, за дверью с его близким человеком произошло что-то ужасное. Сейчас ответом на этот вопрос было бы его теперешнее состояние, когда нога не поднимается, чтобы шагнуть в приоткрытую дверь. Эти мысли вихрем пронеслись у Конана в голове, но он взял себя в руки и вошел в темноту. Почему-то плотными шторами были закрыты все окна, первые несколько шагов он сделал, не видя, куда идет, и больно ударился коленкой. Тут же за спиной послышался шум: дверь снова задвинули чем-то тяжелым. Рядом прошуршали одеждой.

— Зенобия! — позвал король в темноту, — Ты здесь? Что случилось?

Ответом ему был тяжелый то ли вздох, то ли всхлип. Глаза быстро привыкли к темноте, и уже можно было различить женский силуэт в глубине комнаты около низкого столика.

— Зенобия! Не молчи! Скажи что-нибудь, — Конан двинулся прямо к ней.

Хриплый голос, захлебываясь словами, заставил его остановиться:

— Не смей подходить! Стой там, где стоишь! Я не знаю, что я с собой сделаю! Найди скорей этого проклятого художника! Это он, он сделал!

Наливаясь яростью, киммериец сделал шаг вперед:

— Что он сделал?! Почему здесь темно? Ты боишься подойти ко мне? Говори, что он сделал?

— Он колдун, найди его, спаси меня, спаси! — Голос сорвался,

послышались рыдания, и король снова попытался подойти к жене.

— Нет! Не подходи! Я убью себя, если ты сделаешь еще хоть шаг!

Конан стал сомневаться в рассудке Зенобии. В конце концов, мужчиной здесь был он, поэтому, не слушая истошных криков, он двумя прыжками преодолел разделявшее их расстояние, крепко схватил женщину за руки — она выронила кинжал, но сопротивлялась, как пантера, глухо рыча и извиваясь всем телом. Сильно обхватив ее правой рукой, король протащил упирающуюся женщину несколько шагов к окну и рванул портьеру.

Два вопля прозвучали одновременно. Кричал Конан и страшно верещал упавший на пол неописуемый монстр, которого он выпустил из рук. Огромная шишковатая голова, покрытая зеленоватой кожей с гноящимися бородавками, пустые тусклые глаза, дыра на месте носа — самым жутким было то, что на чудовище было надето женское платье, и, наконец, похолодев, киммериец заметил на двупалой склизкой клешне золотой браслет жены. Желтые дымящиеся слезы катились по его лицу, если эту уродливую, вызывающую содрогание маску можно было назвать лицом.

— Это... Ты кто?... — Конан уже не испытывал страха, а только сводящее скулы омерзение.

Вместо ответа чудовище всхлипнуло и отвернулось.

— Почему на тебе браслет моей жены? — Киммериец обманывал сам себя, зная ответы на свои вопросы, но не решаясь в этом признаться.

— Не смотри на меня, — глухо попросил оборотень. — Задерни штору, тебе будет легче меня выслушать.

Конан послушно зашторил окно. Комната снова погрузилась во мрак, чудовище отступило в глубь комнаты, растворившись в темноте.

— Ты ушел в столовую, я приказала готовить купальню. Служанка была какая-то неуклюжая, все роняла, мне показалось, что вода слишком горячая, — голос вновь сорвался на рыдания, — я только попробовала воду! Мне показалось, что она закипела! Что-то плеснуло мне в лицо, а потом, потом...

Конан стоял, боясь пошевельнуться. Где-то совсем рядом рыдала Зенобия, он ясно слышал ее голос, интонации, безысходность, но не мог заставить себя подойти. В глазах оставался кошмарный образ чудовища в женском платье.

— Я слышала, есть такие колдуны, они насылают порчу через портреты. Зачем я. только все это придумала! Найди его, Конан, спаси меня! Я не перенесу такого ужаса, Фрасина вошла и потеряла сознание, а

когда я увидела себя в зеркале, я думала, что умру на месте! — Голос стал захлебываться, переходя в леденящую душу вой. Киммериец вновь засомневался, настолько нечеловеческими были эти звуки.

— Зенобия? — неуверенно позвал он. — Зенобия? Ты думаешь, тебя заколдовал Иш-ша?

— Это он, он! — Странное существо металось в сумраке комнаты, как раненый зверь, но горе его было неподдельным и человеческим. — Он так странно смотрел на меня в последний день и говорил что-то вроде: «конец красоты...» тихо-тихо, но я услышала!

— Я уничтожу этот проклятый портрет, а с этого подлого колдуна буду живьем сдирать кожу, пока он не скажет, что он с тобой сделал! — Конан резко повернулся, чувствуя, как от бешенства начинает шуметь в голове.

— Нельзя! — завопил ему вслед изменившийся голос. Нельзя трогать картину! На ней чары, ты погубишь меня!

— Зенобия, — звенящим от напряжения голосом сказал он, не глядя на темную фигуру в глубине комнаты, — я клянусь, что спасу тебя, чего бы это мне ни стоило. — Жалобный плач был ему ответом.

Столпившиеся около покоев Зенобии слуги в ужасе отшатнулись, когда дверь с грохотом открылась и на пороге показался король. Вид его был не просто страшен, казалось, взгляд его может убить на месте. Сжатые кулаки заставили многих попятиться, чтобы не быть покалеченными под горячую руку. Несколько минут, видно, собираясь с мыслями и успокаиваясь, Конан стоял перед испуганными людьми, а затем, ледяным голосом, отчеканивая каждое слово, приказал:

— Художника Иш-шу найти. Привести ко мне. В покоях королевы никому не входить. Служанку запереть под замок, никуда не выпускать, кормить, поить, не разговаривать. Королева больна, но если хоть слово просочится из дворца в город, разбирать, чья вина, не буду, отрежу язык каждому второму. — Он, помолчал, размышляя, еще минуту. Звенящее спокойствие и уверенность, как от острого клинка, зажатого в руке, приходили к нему, выстраивая мысли в четкую логичную цепь. — Немедленно доставить королеве плотное темное покрывало, глухонемую служанку, — Конан на секунду задумался, не изменились ли вкусы Зенобии после страшного превращения, — и хороший завтрак.

Пройдя мимо расступившихся слуг, король, меряя коридор тяжелыми шагами, отправился в парадный зал. Ему было абсолютно все равно, куда идти, но там, на стене висел злополучный портрет, ненавистный, но, хоть и обманом, сохранивший прекрасные черты жены.

Навстречу ему бежал запыхавшийся начальник стражи.

— Мы схватили его! Иш-ша пойман!

Конан удивился, как быстро это удалось, и поспешил за Малгуином. Посреди парадного зала стоял испуганный связанный художник. Он ошарашенно вертел головой, открывал рот, но не решался ничего спрашивать. Свежий кровоподтек на лице говорил о том, что горячие солдаты Малгуина уже объявили Иш-ше его права. Первым желанием киммерийца было схватить этого беззубого колдуна за горло и вытрясти его черную душу, а потом раздавить, как поганое насекомое. К сожалению, пока убивать его было нельзя. Конан хорошо знал, что не все чары исчезают со смертью Черного. Во время своих многочисленных странствий он встречал и тех, кто победил хитростью и терпением, и тех, кто поплатился за свою торопливость, понадеявшись только на силу. Конечно, король вынужден был, хотя бы пока, оставить злодея в живых, но никто никогда не заставил бы его разговаривать вежливо с этим адовым отродьем. Видавшим виды солдатам охраны пришлось отойти в сторону, пока их король отводил душу, изрыгая такие проклятия, что даже у громилы Буздыря покраснело единственное ухо. Конан остановился, заметив, что связанный художник вот-вот потеряет сознание от страха. Это заставило киммерийца немножко умерить свой пыл и начать переговоры:

— Отвечай, гиеноно отродье, что тебе нужно? Из какой самой мерзкой дыры ада мог появиться такой ублюдок, как ты, который использует для своих низких целей беззащитную женщину?

Иш-ша открывал рот, причем вид его черных беззубых десен только распалял гнев Конана:

— Что молчишь? Не набивай себе цену! Я отплачу тебе за каждую минуту мучений Зенобии, ты еще будешь умолять меня сократить тебе жизнь!

Тут глаза художника закатились, и он мешком осел на пол. Король, не удержавшись, пнул бесчувственное тело ногой.

— Принесите воды да окатите его хорошенъко, мы не договорили, — бросил он стражникам. Собственное бессилие угнетало Конана сильнее всего. Брезгливо наблюдая, как захлебнувшийся Иш-ша пытается подняться, он перебирал в уме все возможные варианты спасения Зенобии. Внезапно какая-то новая мысль осенила короля. Он подозвал Малгуина:

— Найдите мне Гардевира. Это Белый маг. Кром его разберет, где он обитает, но мне он нужен как можно быстрее.

На бесстрастном лице начальника стражи ничего не отразилось, но он чуть помедлил. Как любой человек, он предпочитал не связываться с магами, какого бы они ни были цвета. Эта заминка снова вывела короля из

себя:

— Я сказал: найти мне Гардевира! — не сдерживаясь, заорал он, в глубине души понимая, что Малгуин ни в чем не виноват.

— Не гоняй понапрасну людей, — тихий голос, как всегда, заставил вздрогнуть всех присутствующих. — Я уже здесь. И я предупреждал тебя.

— О чём?! О чём ты меня предупреждал?! Как я ненавижу эти ваши тайны! — прямо скажем, Гардевир получил не самый радушный прием у короля, который только что хотел его видеть. — Нельзя прийти почеловечески сказать: Конан, береги жену, Иш-ша — не художник, а колдун, вот это я называю предупреждением! А твоими страшными сказками только детей загонять спать!

Маг, склонив седую голову, терпеливо выслушал гневную тираду Конана и, подойдя к лежащему в луже воды человеку, коснулся его рукой. Конан ожидал чего угодно, вплоть до вспышки молнии, но связанный художник только глубоко вздохнул и сел. Глаза у него были ясные, но по-прежнему испуганные.

— Развяжите его, — обратился Гардевир к Малгуину. Оторопевший воин не посмел ослушаться. Конан обратил внимание на странное спокойствие, которое разливалось вокруг в присутствии мага. В другое время начальник королевской стражи рассмеялся бы в лицо любому, посмевшему что-то ему приказать. Сейчас же он просто подошел и легким взмахом ножа перерезал веревки на руках Иш-ши. Куда-то улетучился весь гнев самого киммерийца, исчезла гримаса ненависти, стягивавшая лицо. Внутри остались лишь обида да тоскливо недоумение: «За что?»

— Отпусти этого человека, он невиновен. — Старик поднял на короля свои глубокие печальные глаза.

— Ну уж нет! — борясь с самим собой, возразил Конан. — Он колдун. Зенобия сама слышала, как он говорил: «конец красоте...», разве это не доказательство? Он ответит за свое злодейство!

— Никто не в ответе за чужие грехи. Иш-ша очень хороший мастер. Для него законченная картина уже не интересна, красота для него — в работе, он говорил не о твоей жене, а о своей картине. Он нарисовал портрет. И только. Заколдовал ее кто-то другой.

— Кто? Ты знаешь?

— Пока нет. — Гардевир задумчиво посмотрел поверх головы короля. — Но если бы я не знал совершенно точно, что Панора мертва, я бы сказал, что это ее рук дело. Перед тем, как это случилось, Зенобия собиралась купаться?

— Да.

— Вода показалась ей странной? — Конан кивнул. — А потом вдруг...

— Ей очень плохо, — перебил волшебника король, которому вовсе не хотелось при людях обсуждать то, во что превратилась его жена. — Но почему ты так уверен, что это сделал не он? — кивнул Конан в сторону художника.

— Потому что такие вещи под силу только магам, — терпеливо, как ребенку, объяснил Гардевир, — а это — просто человек. — Он ласково положил Иш-ше руку на голову. — Хотя и очень талантливый.

— Но ведь его могли просто использовать.

— Нет. Я чувствую, здесь дело не в картине. Это простое совпадение.

— Так в чем же дело? — горячий темперамент киммерийца не мог выдерживать долгих объяснений, он требовал немедленных действий. — Что ты думаешь об этом? Что мне делать?

Гардевир помрачнел, всем показалось, что даже в зале стало темнее.

— Боюсь, время моего безделия кончилось. Все говорит о том, что Демон океана Од'О снова напоминает о себе. Но ему нужен не я.

— Кто же? — Конан шагнул к волшебнику, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Два слова, как приговор, упали к его ногам:

— Ты, Конан.

Яркая вспышка на мгновение ослепила и заставила зажмуриться стоящих вокруг людей и самого короля. Лишь Гардевир, не отрывая глаз, обреченно смотрел, как превратившаяся в голубое пламя вода охватила все еще сидевшего на полу художника. С быстротой, недоступной обыкновенному огню, человек, не успев даже вскрикнуть, превратился в кучку пепла.

— Он подтвердил мои слова, — произнес маг, обводя взглядом онемевших от ужаса людей и остановившись на портрете прекрасной женщины с цветами в руках, с улыбкой глядевшей на всех со стены.

Глава 7

Ты не пойдешь со мной? — спрашивал Конан Гардевира, стоя у дверей покоев королевы. После нескольких часов горячих споров маг, употребив, казалось, все свое красноречие, убедил короля идти к демону Океана.

— Нет. Я — плохой попутчик. Од'О слишком зол на меня, рядом со мной тебя будут преследовать только неудачи. К тому же не забывай, кто-то должен оставаться рядом с Зенобией. Женщины могут быть очень сильными, если борются за кого-то близкого. На себя у нее может просто не хватить сил. Ты уходишь, оставляя ей только надежду. Я побуду рядом. Это единственное, что я могу для тебя сделать.

— Скажи хотя бы, куда идти? Где живет это порождение медузы?

Гардевир поморщился:

— Выбирай выражения, не ссорься с Демоном раньше времени.

— Не ссориться?! — Конан сжал кулаки. — Да я к этой гнилой пиявке не на пирушку собираюсь! Ты что, боишься его?

— Боюсь, — виновато признался маг. — Он очень силен. А насчет дороги — если уж ты так нужен Од'О, не заблудишься, любая вода подскажет. Спускайся вниз по Хороту, садись в Мессантии на корабль, дальше не знаю...

— Не пойму, зачем мне куда-то плыть? Если ему надо, пусть сам приходит, поговорим, — проворчал Конан.

— Я не знаю, — ответил Гардевир. — Но у тебя, надеюсь, нет сомнений в моей честности и в моих добрых намерениях?

— Да нет, но бросать все и плыть одному в пасть какой-то морской твари?

— Зачем же одному? — удивился маг. — Возьми с собой слугу, вот, хоть, Зубника.

— Ну, уж посоветовал! Я лучше старую няньку Карлиору возьму, от нее больше пользы будет!

— Я все-таки настаиваю. Он не такой простой, как кажется. Думаю, он еще хорошо послужит тебе, — твердо сказал Гардевир.

— Кром! — взорвался Конан. — Почему за меня все решает кто-то другой?! Куда мне идти, с кем!

Шорох по ту сторону дверей заставил его замолчать.

— Это ты, дорогой? Куда ты уходишь? — Зенобия больше не плакала, но, и без того безжизненный, голос ее становился все тише. И даже с

мужем она теперь разговаривала только через дверь. Гардевир выразительно посмотрел на киммерийца. Ледяная рука сжала сердце Конана. Стараясь говорить уверенно, он произнес:

— Я должен идти. Это нужно для твоего спасения. Я вернусь. — Он еще немного подумал и добавил: — С тобой останется Гардевир. — Слова любви так и остались невысказанными.

Зубник сидел на корме, завернувшись в теплый плащ, и тоскливыми глазами провожал проплывающие мимо берега. Его был озноб. Мысленно он уже успел попрощаться со всеми родственниками и даже хлюпнул пару раз носом, вспомнив смешливую рыженьку Ушиньку. Простым людям не положено задавать вопросы королям, поэтому, покорно приняв очередной удар судьбы, Зубник собрал свои нехитрые пожитки и, не спрашивая, куда и зачем, последовал за Конаном. Велико бы было его удивление, узнай он, что его господин и сам смутно представляет цель их путешествия! Сейчас король перебирал в памяти все то немногое, что смог ему рассказать Гардевир о Демоне океана Од'О.

— Злопамятен, никого никогда не прощает, месть выбирает самую изощренную, — маг скороговоркой произносил нелестные эпитеты в адрес своего заклятого врага, сидя на широком низком диване и глядя мимо Конана, куда-то далеко, в глубину веков, в самое начало их непримиримой вражды. — Ты, наверное, и сам не знаешь, что совсем недалеко от Тарантии есть две деревни — наглядный пример того, что может сотворить злая фантазия Демона океана. Они стоят как раз друг напротив друга. Даже названия их давно забылись, все их знают как Сухую и Мокрую. Обе они заколдованы. Жители Мокрой вынуждены жить по колено в воде, которая понемногу затопляет дома. Пока последняя крыша не скроется в реке, ни один из людей не может покинуть деревню. Когда-нибудь они все погибнут, но вода наступает очень медленно, и они живут в своих отсыревших домах на подгнивших сваях. Нынешнее поколение ребятишек даже и не знает, что значит — сухой пол или цветы на полях. Сухая же, наоборот, лишена капли влаги. Ни один из ее жителей не может даже прикоснуться к воде, пить они могут только из чужих рук, либо ловя капли дождя. Воду им качают из реки невольники, они же готовят пищу и стирают одежду, хотя эти несчастные, веками немытые тела уже больше похожи на звериные шкуры, не нуждающиеся в платье. — Гардевир немного помолчал, — Запомни еще: Од'О очень хитер, но иногда, увлекшись, может перехитрить сам себя. И ехиden, дьявольски ехиden.

— А есть у него слабые места? — Киммериец готовился к бою, его интересовало все, что касалось соперника.

— Единственное, что, может быть, тебе пригодится — это то, что Демон, хоть и посещает землю, не может находиться на суще долгое время. И всегда его появлению предшествует появление каменной руки, которую ты уже видел на болоте. Что касается борьбы с Од'О — насколько я знаю, для человека он неуязвим. Из магов нашелся только один безумец, который пытался что-то сделать...

— Ты?

— Я. Но и я знаю свои пределы. Я ведь тоже не бессмертен, хоть и возрождался не раз. Я победил Панору, несколько раз крупно насолил Октогираму, но с самим Од'О никогда не встречался. Однажды, по молодости, решил весь мир от него избавить... Да нет, не хочу рассказывать, крепко я тогда получил.

Конан разочарованно покрутил головой. Немного же он узнал об Од'О.

— Как он хоть выглядит, этот повелитель пиявок?

— По-разному. — Гардевир задумался. — Не знаю, что он представляет собой в океане, но на земле — это, чаще всего, небольшого роста старик. Внешне — даже симпатичный, с тихим добрым голосом, но очень злыми глазами.

Гардевир вдруг хлопнул ладонью по колену:

— Вот еще, чуть не забыл: его любимое развлечение — миражи.

К вечеру киммериец сделал небольшое открытие: их лодкой кто-то управлял. Нет, она слушалась весла, поворачивала и причаливала, где нужно, но, предоставленная сама себе, шла строгим неуклонным курсом, почти посередине реки, благополучно минуя заводи, водовороты и завалы. «Действительно, не заблудишься», — подумал Конан, но со слугой наблюдениями делиться не стал, по-прежнему, считая своего попутчика обузой. Зубник и сам так думал, недоумевая, зачем королю понадобилось брать его с собой. «Я и плавать-то не умею», — повторял он про себя уже двадцатый раз, с опаской глядя за борт. Целый день они почти не разговаривали, отчего-то как злясь друг на друга, две мыши в мышеловке.

Вечером Конан немного смягчился. Никакого жилья в округе не было, и он решил заночевать прямо на берегу. Зубник быстро разжег костер, ненадолго отлучился в лес, откуда принес пригоршню каких-то корешков и листьев, побросал все это в котелок, откуда сразу пахнуло пряностями, наломал хлеб, нарезал сущеное мясо и почтительно отошел к лодке. Все было сделано ловко и аккуратно. Король с удовольствием поужинал и подобрел:

— Иди поешь, лекарь, — насмешливо позвал он. От наблюдательного взгляда киммерийца не ускользнуло, что Зубник панически боится воды.

Он с таким страхом весь день глядел на воду, словно ожидал появления чудовищ. Трудно было найти более неподходящего спутника для похода к Демону океана.

Слуга охотно принял за еду, нарочно сев спиной к Хороту.

— Послушай, — не выдержал Конан, — ты что, воды боишься? Сам же рассказывал, как с братом рыбу в реке ловил, тогда не страшно было?

— Да не-е, чего ее бояться, — сконфуженно отозвался Зубник, — что я, дикарь какой?

— Не ври, в лодке сидел ни жив, ни мертв, да и сейчас отвернулся. Боишься! — Конану почему-то доставляло большое удовольствие подтрунивать над простым парнем.

— Ох, господин, да вода-то сама не страшна, только люди всякие нехорошие портят ее. И вот еще что я вам скажу, — Зубник подвинулся к королю с таинственным видом. — Странная стала река, — он чуть скосил глаза в сторону и понизил голос- Живая будто.

От таких откровений Конан чуть не расхохотался.

— Ладно уж, спи на берегу, а я пойду в лодку, не люблю на голой земле спать. — Конан взял теплый плащ и стал устраиваться на ночлег. Деревянное дно лодки, конечно, сильно проигрывало в сравнении с королевской спальней, но устраивало киммерийца чуть больше холодной земли и влажной травы. Он укрылся с головой, еще немного послушал, как у костра что-то бубнит себе под нос Зубник, и провалился в тяжелый тревожный сон.

Вот он бежит куда-то, задыхаясь горячим воздухом, нос забит пылью, глаза режет от яркого света. Нужно спасаться, но усталые ноги подгибаются, он падает. Вокруг сидят и лежат изможденные люди с худыми скорбными лицами, все осуждающе смотрят на него.

Конан лежит головой на коленях у какой-то женщины, мягкими ласковыми руками она гладит его лоб и монотонно приговаривает:

— Спи, спи, вода унеси... — и чуть покачивает, убаюкивая.

Истошный крик ворвался в сон Конана. Тут же вскочив, он схватился за нож и огляделся. Его действительно качало. Киммериец точно помнил, что вечером они с Зубником вытащили лодку далеко на берег, сейчас же вокруг плескалась река. На носу происходила какая-то возня, оттуда снова послышался крик. Стряхнув остатки сна, Конан бросился вперед. Обезумевший от страха Зубник, стоя по пояс в воде, пытался удержать лодку, которую уносило течением. Он орал благим матом, но канат, привязанный к носу лодки, из рук не выпускал.

Вдвоем они быстро вернули свою равную лодку на место, а

окоченевший Зубник еще долго дрожал, сидя у костра и кидая злобные взгляды на реку. Конану тоже не спалось. Если это происшествие не простая случайность, то вывод напрашивался один: их хотели разъединить. Может, и впрямь этот деревенский лекарь не так прост, как кажется? К тому же верный слуга, который, позабыв свои страхи, спасает короля. Киммериец оценивающе посмотрел на Зубника, прикидывая, стоит ли посвящать его в свои планы. Парень не задает вопросов, но и у него, похоже, с водой свои счеты. Конан уже открыл рот, чтобы окликнуть слугу, но заметил, что тот заснул.

Утром, совершенно разбитые, они продолжили путь. Река становилась шире и спокойней. На левом берегу хорошо были видны горы Пуантена. Зубник после ночного происшествия, казалось, преисполнился к реке презрения и уже не глядел опасливо на воду, а зачарованно смотрел на прикрытые голубой дымкой вершины. Управлять лодкой не составляло никакого труда, можно было в свое удовольствие смотреть по сторонам. Солнце поднялось уже довольно высоко, когда путники заметили две деревни, расположенные друг напротив друга на противоположных берегах. Дома одной из них, прилепившиеся на самом обрыве, казалось, чудомдерживаются от падения в реку. Другой берег, более пологий, тоже был заселен: здесь несколько десятков хрупких с виду строений сгрудились у самой воды. Подплыв ближе, путники убедились, что дома стоят прямо в реке на толстых деревянных сваях. Несколько первых домов погрузились в воду почти до окон. К великому удивлению Конана, все они были обитаемы. Поднимая тучи брызг, носились ребятишки, плавно ходили деловитые женщины, подоткнув повыше подолы, мужчины сидели на высоких лавках, подобрав под себя ноги. Никого тут, похоже, не смущало то, что вся жизнь происходит в воде. Вокруг слышались оживленные голоса и смех. От хижины к хижине были переброшены мостки, кое-где уже тоже скрывшиеся под водой, но местные жители, явно хорошо знавшие их расположение, шлепали, не глядя, безошибочно попадая на положенные доски.

На приплывших Конана и Зубника никто не обращал внимания. Киммериец заметил, что местные жители были не слишком приятны на вид: бледные и одутловатые лица с красными воспаленными глазами, отекшие ноги, даже улыбки открывали гниловатые желтые зубы. Люди совершенно не напоминали жителей Пуантена, какими их помнил киммериец — загорелых черноволосых весельчаков с крепкими сильными руками и живыми темными глазами.

— Не нравится мне здесь, — тихо подал голос Зубник, привязывая

лодку и закатывая штаны. Конан был с ним согласен, но промолчал. В последнее время ему вообще ничего не нравилось в этой жизни, начиная с происков загадочного Демона и кончая всеми подробностями этого путешествия. Как бы то ни было, жители по виду были вполне дружелюбны, а кроме небольшого отдыха и сносной еды путешественникам ничего и не требовалось.

Внутри небольшой харчевни киммерийцу понравилось еще меньше: все вокруг было каким-то влажным, склизким, покрытым то ли плесенью, то ли просто грязью, а при взгляде на хозяйку есть и вовсе расхотелось. Вся она была какая-то раздутая, ее лицо, похожее на подушку, выражало странную смесь тупости и хитрости, сменившихся, впрочем, алчностью при виде серебряных монет.

— Не беспокойтесь, господа, — затараторила она высоким противным жирно-булькающим, под стать ей самой, голосом. — Гостям всегда рады, накормим, приютим, будете как дома.

Невесть откуда взявшийся полуголый мальчишка кинулся вытирая стол, за который сели Конан с Зубником. Толку от этого было мало, но делал он это очень старательно. Отчаянно косые прозрачные глаза его перебегали с киммерийца на слугу, выражая испуг.

Хозяйка принялась накрывать на стол, расхваливая свою харчевню и не сводя с Конана жадного взгляда. Неясно было только, что ее привлекало больше — звон монет в кошельке путника или его мужественный внешний вид.

Нетрудно было заметить, что на фоне сутулых местных красавцев с кривыми ногами и узкими плечами Конан выглядел просто сказочным героем.

Ужин состоял из пресной вываренной рыбы и плохо пропеченного хлеба. На вопрос о вине хозяйка пожала плечами и раздраженно бухнула на стол кувшин воды. Зубник удивленно наблюдал, как его король выкладывает серебро за еду, не стоившую и медяка, но у киммерийца был свой расчет. Он знал, что деньги делают разговорчивыми даже немых, а у этой толстой тетки он бы хотел кое-что узнать.

Действительно, на лице хозяйки отразилась такая радость, будто Конан не переплатил ей за скверный обед, а, по меньшей мере, предложил выйти за него замуж. Узнав, что богатые господа желают поговорить с ней, она, что-то крикнув мальчишке у очага, охотно присела за их стол.

— Как живем? Да обыкновенно, всегда так жили. Нет, воды раньше меньше было, и мостки лежали, и в домах было сухо.

— Так что ж вы не уходите? — удивился Конан.

— Куда ж нам уходить? — настала ее очередь удивляться. — Некуда, да и нельзя нам...

— Почему нельзя? Поставьте дома подальше от реки, или вон, на том берегу, там ведь тоже деревня стоит.

Лицо толстухи перекосилось от злости:

— А вы нам не указывайте, господа проезжие! Поели, попили, да и плывите дальше! — Она распалилась и уже открыла рот для новых воплей, но тут, видно, кто-то позвал ее по имени, звучавшем то ли как чих, то ли как удар мокрой рукой по голому телу. Вернулась она очень быстро, на широком плоском лице ее играло с полдюжины улыбок. Поставив на стол небольшой кувшин, она неожиданно приветливо забулькала что-то про старые запасы и плохую память. В кувшине оказалось хорошее вино, которое недоверчивый Зубник наотрез отказался пить.

Беседа продолжилась.

— Да если все наши предки здесь прожили, куда же мы денемся?

— Почему ты сказала: нельзя уходить? — допытывался Конан.

— Ох, господин, — кокетничала хозяйка, — так старики говорят, зачем сказки повторять?

— Какие сказки? — поинтересовался киммериец и неожиданно для себя зевнул. Видно, сказывалась тяжелая прошлая ночь. Он уже несколько раз ловил на себе тревожный взгляд Зубника, но не придавал этому никакого значения. Парень трусоват, да и своему чутью Конан доверял больше, чем страхам деревенского лекаря. Сейчас он был совершенно спокоен, его даже забавлял этот разговор с расплывшейся теткой, отчаянно строившей ему глазки.

— Когда-то давно, говорят, деревня еще от воды далеко стояла, старичок какой-то зашел, воды попить попросил, да только заняты все были, женщина какая-то возьми да и скажи: неохота мне за водой идти, хочешь, так сам иди к реке и пей. — Хозяйка вдруг замолчала, посмотрев куда-то за спину Зубнику. Тот мигом обернулся, но ничего не увидел. Скучным голосом она закончила: — Ну, а старичок-то непростой был, взял да заколдовал деревню. Теперь, сказал, далеко не нужно будет ходить, вода сама подойдет, а пить ее не я, а вы будете: пока всю реку не выпьете, отсюда — ни ногой. Так вот и живем с тех пор... — Заметив очередной зевок Конана, женщина засуетилась: — Может, господа отдохнуть хотят с дороги? Я могу комнатку подготовить.

Еще час назад предложение задержаться в этом гнилом болоте даже не рассмешило бы киммерийца, но сейчас невесть откуда взявшееся благодушное настроение не позволило отказаться.

— Так и быть, хозяйка, отдохнем, надеюсь, за наше серебро у тебя найдется местечко посуше?

Не обращая внимания на умоляющий взгляд слуги, Конан проследовал в отведенную им комнату, тут же повалился на жесткий тюфяк и, недоумевая, где же это он успел так утомиться, заснул. Где-то далеко, на грани сознания он улыпал вначале тревожный голос Зубника: «Господин, на тот берег пошла лодка, они что-то затевают!» и уже совсем во сне, его толкали и пихали, знакомый булькающий тенорок с сожалением сказал: «Я бы лучше его себе оставила...»

Глава 8

Пробуждение принесло массу неожиданностей. Конан очнулся на полу в совершенно незнакомом доме без малейших следов сырости, крепко связанный по рукам и ногам. С ним не было ни кинжала, ни мешочка с деньгами. Голова кружилась, язык с трудом ворочался в пересохшем рту. Рядом лежал Зубник и обреченно глядел в потолок. Киммериец хотел окликнуть слугу, но убедился, что голос ему не повинуется. Скрипнув зубами, он рванулся изо всех сил, пытаясь освободить руки, это не удалось, но Зубник повернул голову на звук и радостно вскрикнул:

— Очнулись! Я уж совсем испугался, что уморили они вас! — Заметив отчаянные гримасы Конана, слуга понимающе закивал: — Знаю, знаю, сам слышал, как они говорили: очухается, но говорить еще день не сможет. Да вы не волнуйтесь, господин, мы им живые и здоровые нужны. Ох, я вам скажу, и злые тут люди живут! Мы еще у этой тетки обедали, а гонца уже на тот берег послали, я сам видел лодку, — Зубник разглагольствовал, лежа связанный на полу, охотно сообщая все, что ему удалось узнать, — Потом вы изволили вина выпить, отдохнуть решили. Я сразу догадался, что вино непростое, глаза у вас стали, как у коровы, — хитрый слуга старательно не замечал гневного взгляда короля, который, казалось, метал молнии, — а я что? — человек подневольный. Ну, когда вас уже вязать стали, я, конечно, заступись, да их человек пять было — тут и мне досталось. Я им говорю: это же Конан, король Аквилонии, а они ржут! Так по башке дубинкой огрели, — до сих пор гудит!

Скрипучая дверь внезапно распахнулась, в комнату вошли двое мужчин. Они составляли разительный контраст людям, которых Конан видел в сырой деревне на берегу реки. Худые, с темной нечистой кожей, очень жилистые, как будто из них хорошенъко отжали воду. Мрачные глаза их горели темным огнем, несмотря на то, что углы плотно сжатых губ у обоих были опущены, лица явно выражали радость.

— Смотри, проснулся! — глухим низким голосом сказал один и, присев перед Конаном, стал бесцеремонно ощупывать его ноги и руки. Осмотром он, судя по всему, остался доволен. — Да, Гранода не обманула, отличный самец!

Услышав, что его называют самцом, киммериец так рванулся в своих веревках, что чуть не оторвал кисти рук. Он по-прежнему не мог сказать ни слова, но глаза его готовы были испепелить наглецов.

— Не рыпайся, не порвешь, — добродушно похлопал его по щеке незнакомец, легкомысленно сокращая срок своего пребывания на земле. Вдобавок, у этого гнусного вора на поясе висел кинжал короля Аквилонии. Еще мгновение, и Конан бы, рванувшись, вцепился ему зубами в горло, так велико было оскорбление. Он не успел этого сделать, обидчик уже встал и повернулся к товарищу:

— И зачем только Гранода отдала такого мужика? — спросил он. — Ее-то раз в двадцать хуже будет. Мокрица и есть мокрица!

Приятель ответил громким хохотом:

— Свой, видать, роднее. А этот, гляди, гляди, как зыркает! Такой и горло перегрызет — не пикнешь!

На Зубника особого внимания не обратили, видно, не было в нем никаких особых достоинств. Дверь снова противно скрипнула, мужчины ушли. Конану казалось, что от бешенства у него лопнет голова, лишенный голоса, он не мог отвести душу даже в проклятьях. Какие-то люди, напоив его отравленным вином, словно вещь, меняют на другого, наверняка прикарманив все деньги и вещи, находившиеся в лодке! И без того странное путешествие затягивалось по вине отвратительной толстухи и ее коварного гостеприимства! Зубник молчал, то ли чувствуя за собой вину, то ли думая о чем-то своем. Лежать было неудобно, связанные за спиной руки затекли и саднили, натертые крепкими ремнями.

Довольно скоро вернулись те же двое, ловко и быстро, несмотря на сопротивление Конана, перевязали пленных, дав им свободу передвижения, но, к сожалению, не нападения: ноги соединили короткими веревками так, чтобы можно было делать маленькие шажки, правую руку киммерийца накрепко притянули к левой Зубника. То же проделали и с ногами. В такой клоунской упряжке их заставили встать и пинками вытолкали за дверь. Все проделывалось молча и с большой сноровкой, отчаянная попытка Конана ударить головой одного из мужчин закончилась ощутимым ударом по шее. Заметив, что Конан облизывает пересохшие губы, один из сторожей одобрительно хмыкнул:

— Водички хочешь? Сейчас получишь. Если заработаешь.

Выйдя из дома, они оказались на небольшой каменной площадке. Рядом стояло еще несколько убогих хижин, далеко внизу виднелась река. Киммериец сообразил, что сейчас они находятся на другом берегу, в деревне, прилепившейся над обрывом. Поминутно спотыкаясь и падая, подгоняемые суровыми охранниками, они прошли мимо домов и стали спускаться по неровной каменной лестнице, спирально уходящей вниз. В тот момент, когда свет вверху померк и уже стало казаться, что пленников

ведут в какое-то подземелье, их путь снова осветился. Грубо вырубленные древние каменные ступени, истертые тысячами шагов, привели к странному сооружению, стоявшему в широкой нише у самой воды. Покосившееся подобие деревянного ворота с натугой крутили двое изможденных мужчин. Третий зачерпывал воду широкой бадьей и сливал ее в желоб, ведущий к вырубленной прямо в скале вертикальной шахте. Там стоял еще один высохший, похожий на скелет человек и подставлял под струю висящие на веревках ведра. Конан догадался, что таким способом наверх в деревню подается вода. Все это выглядело крайне примитивно. Самым странным было то, что несколько вполне крепких мужчин, явно из местных, просто наблюдали за происходящим со стороны, не принимая в работе никакого участия. При появлении пленников все оживились и принялись громко обсуждать достоинства вновь прибывших.

Конан в бессильной злобе переступал с ноги на ногу. Если бы он только мог говорить! Для начала он бы высказал этим высушенным наглецам небольшую часть из того, что о них думал, а потом, уж точно, объяснил бы Зубнику, что могут сделать двое крепких мужчин, даже с привязанными друг к другу ногами и руками. Сам этот деревенский увалень, конечно, не додумается, почувствовав напрягшиеся мышцы, упереться правой ногой и нанести хороший двойной удар связанными ногами. Особой пользы это, вероятно, не принесло бы, но хоть душу отведешь.

В этот момент тот самый, который уже наверху осматривал киммерийца, как рабочую скотину, снова подошел, чтобы продемонстрировать товарищам добытого пленника. Встав сбоку и довольно скалясь, он несколько раз несильно пихнул Конана кулаком в живот, проверяя, наверно, мышцы живота, а затем больно ущипнул за плечо. Он, верно, забыл, что сам перевязал руки пленника вперед. И напрасно. Зубник стоял совершенно раслабленно. С коротким выдохом киммериец резко ударил стоящего мужчину локтем по ребрам. Посышалось изумленное: «Хо-о!» и громкий хруст костей. Для человека с реакцией Конана заминки, образовавшейся после этого небольшого происшествия, вполне хватило для того, чтобы, присев, вытащить свой же кинжал из ножен, висевших на поясе упавшего. Он молился только об одном: чтобы выдержали нервы Зубника, и впечатлительный лекарь не грохнулся в обморок, потащив его за собой. Первым же движением Конан перерезал ремни, освобождая ноги. Слугу мотало, как тряпичную куклу, хорошо было слышно, как лязгают его зубы. На мгновение удача отвернулась от пленников: из туго связанных онемевших рук короля,

звязнув, выпал кинжал. Двоє мрачних мужчин \ одновременно двинулись на них. Но тут, видно, решительность и сила Конана передались его спутнику: подождав, когда нападающие приблизятся и, не глядя друг на друга, в едином броске Конан и Зубник головами двинули обидчиков в животы.

Отвоеванных мгновений оказалось вполне достаточно, чтобы поднять кинжал и отделить, наконец, короля от слуги.

Зубник, окрыленный первым успехом, рвался в бой, повизгивая от нетерпения. Конан знаком приказал ему отойти в сторону. Врагов было пятеро, не считая уже лежавшего на земле со сломанными ребрами. Небольшие размеры площадки не позволяли нападать сразу всем. Первые двое отошли немного в сторону, восстанавливая сбитое ударом дыхание. Сзади у Конана была река, справа — не слишком опытный боец Зубник, в руке — верный кинжал.

Сигнал к началу боя дал, как ни странно, новичок. С пронзительным воплем, изображавшим, по-видимому, боевой клич, лекарь подскочил к застывшему, как изваяние, работнику, вырвал у него из рук бадью и, размахивая ею, двинулся на врагов. Эффект был потрясающий. Первому же попавшемуся человеку Зубник чуть не снес голову. Стоявший рядом отвлекся на долю мгновения и тут же был страшно удивлен, почувствовав в животе холодное лезвие клинка Конана. Остальные, решив не испытывать судьбу, толкаясь, бросились к лестнице. Первым желанием киммерийца было последовать за ними и если не высказать, то показать свое отношение к местным правилам приема гостей. Слуга остановил его разумным доводом:

— Не надо, господин, Митра им судья, вдруг они за подмогой побежали? Уходить надо. — Высказав верную мысль, Зубник осекся: уходить можно было только по реке. — Ох, лихо-то какое, я ведь плавать не умею!

Конан сорвал с раненого свои ножны, вытер и вложил в них кинжал и посмотрел на слугу взглядом, который ясно говорил: «Захочешь жить — научишься!» Тут же взор его потеплел и, указав на бадью, которую лекарь все еще держал в руках, киммериец, подняв бровь, одобрительно улыбнулся.

Неизвестно, что сильнее подействовало на Зубника: молчаливая ли похвала короля или приближающийся шум на лестнице, но, выпустив из рук свое необычное оружие, он решительно подошел к реке и, зажмурившись, прыгнул в воду. «Ох, топор ты деревенский, — подумал киммериец с неожиданной для себя теплотой. — Тебе же плыть надо, а не

топиться!» Слуга, пуская пузыри, с головой ушел под воду. Но тут же снова появился на поверхности, отплевываясь и отчаянно молотя руками. Конан уже был готов последовать за ним, но замешкался. Какая-то неестественность в окружающей обстановке заставила его еще раз осмотреться. Действительно, от его удара локтем человек отлетел довольно далеко и должен был упасть в воду. Киммериец понял, что не понравилось ему в позе лежащего: голова его находилась в реке, но вода, отступив, обтекала его, как жирное пятно. Желая подтвердить свою догадку и уже почти рискуя жизнью, — возбужденные голоса на лестнице становились все громче, — он плеснул водой из бадьи на своего давшего обидчика. Ни капли не попало на человека, как если бы между ними стояла прозрачная стена. «Интересные люди живут в местных деревнях», — подумал Конан, отплывая от берега под вопли и ругань выбежавших людей. Теперь можно было не торопиться. Если на этом обрыве все жители такие, погони он не боялся, разве только они пойдут за ним по дну.

Он плыл, не торопясь, стараясь держаться поближе к Зубнику. Тот пособачьи молотил руками, сильно выставив голову из воды, и шумно дышал. Киммериец, если бы мог, посоветовал ему плыть спокойней, но слуга, с непривычки, еще не верил, что вода уже держит его, и не рассчитывал силы. Река в этом месте была широкой, и Конан понял, что скоро ему придется плыть за двоих. Течение сносило их за деревню, но это было и неплохо. Уже несколько раз голова Зубника скрывалась под водой, он тут же, фыркая, выныривал с круглыми от страха глазами, уверенность стала его покидать. В подплывшего на помощь короля он вцепился мертвой хваткой.

До берега они добрались, совершенно выбившись из сил. Почувствовав под ногами топкое дно, Конан с трудом оторвал от себя слугу и, тяжело дыша и увязая в иле, побрел на сушу. Не самым лучшим местом для отдыха можно было назвать кусок глинистой почвы, покрытой жесткой травой, но Зубник раскинул руки и упал на землю, целуя ее, словно стены родного дома. Потом они еще долго отдыхали, сидя на берегу. То есть, по-настоящему, отдыхал один слуга, блаженно подставляя заходящему солнцу счастливое лицо, перемазанное глиной. Высохнув, оно стало похоже на разбитую грязную гипсовую маску, с которой при каждом движении отваливались куски. Конан в это время напряженно обдумывал планы возвращения лодки. Конечно, для него украсть лодку не составляло никакого труда, недаром одна из первых профессий, которой овладел в своей жизни киммериец, было воровство. Конан задушил бы любого, кто посмел бы прилюдно обсуждать молодые подвиги короля Аквилонии, но

кое-что из опыта прошлого сейчас могло бы очень пригодиться. Идти, безусловно, нужно было одному. Зубник, конечно, неплохой парень, но хорошего вора из него не получится. К тому же киммериец все еще не мог говорить, а растолковать на пальцах такую тонкую вещь, как кража, неопытному деревенскому лекарю было делом весьма затруднительным.

Когда, наконец, стемнело, Конан со всей возможной убежденностью, на которую был способен в своих жестах, объяснил Зубнику, что уходит в деревню. Мысль, что ему предстоит остаться одному, привела парня в паническое состояние. Киммериец в очередной раз удивился, как быстро может меняться настроение лекаря — от полного блаженства до неописуемого ужаса за какое-то одно неуловимое мгновение. Вот и сейчас, узнав, что господин собирается добираться до деревни вплавь, Зубник тут же примирился с неуютным глинистым берегом и угрожающим шуршанием камышей.

— Я так думаю, и лодка наша, и денежки у толстухи этой, — заговорщически прошептал он. — Я хорошо запомнил: третий дом с того краю.

Конан коротко кивнул и растворился в темноте. Раздался короткий всплеск, еще, и наступила тишина.

Киммериец плыл, доверившись только своему чутью. Мощные взмахи рук почти не производили шума. Взошедшая луна услужливо повесила свой слабый фонарь, осветив низкий топкий берег и деревню невдалеке. Конан удивился той легкости, с которой преодолевал расстояние: он готов был поклясться, что плывет не против течения, словно кто-то остановил реку! «Не знаю, чьи это шутки, — подумал Конан, — но даже если этот гнилой моллюск Од'О решил так дешево мне помочь, благодарности все равно не дождется, и от своей смерти не уйдет». Бешенство переполняло его. По воле какого-то водяного царька король Аквилонии вместо того, чтобы милостиво править и любить жену, вынужден плыть ночью, как вор, чтобы отобрать у продажных негодяев свою лодку и вещи! Будь Конан в этот момент на суще, а не в прохладной воде, немного остудившей его пыл, сильно не поздоровилось бы жителям так и оставшейся безымянной деревни на топком берегу Хорота.

Видно, спать там ложились рано — ни в одном окне не было видно света. Свою лодку киммериец узнал сразу, даже в темноте она выделялась среди жалких низко сидящих в воде местных посудин. Как и следовало ожидать, все вещи были вытащены.

Конан вовсе не собирался удовольствоваться возвращением себе только средства передвижения, оставил безнаказанными людей,

нарушивших долг гостеприимства.

Бесшумно выбравшись на деревянные мостки, ночной мститель быстро сориентировался благодаря хорошей зрительной памяти и лунному свету. Сжимая в руке кинжал и стараясь не хлюпать мокрыми досками, он подошел к злополучной харчевне. В доме не спали. Тонкие стены хорошо пропускали звуки голосов, и Конан невольно прислушался.

— До чего ж ты все-таки хилый, Бергрундий, — лениво тянул знакомый женский голос. То есть, теперь киммериец знал, что противный жирный говорок принадлежит хозяйке, неискушенному слушателю эти звуки могли показаться бульканьем на плите пригорающей каши. Трудно сказать, почему Конану виделась именно пригорающая каша, но, в любом случае, это было что-то неаппетитное. — И кости-то у тебя торчат, и все не там, где нужно.

— Да где ж тебе нужно? — спрашивал слабый мужской голос.

— А ты и не знаешь, где! — в голосе женщины появились визгливые нотки. — Такого мужика за тебя отдала! Никогда таких не встречала, ну, прям, как во сне: высокий, глазюки синие, грудь — во! руки — во! — «Интересно, — подумал Конан, видит ли хлипкий Бергрундий в темноте, что значит "во!"?» За стеной завозились.

— Ох, да ты лучше и не пытайся, а то смех один! — послышался звук падения, и женщина снова мечтательно зажурчала: — Ну, как есть — дура, такого мужика своими руками этим сушнякам отдала. Хорошо хоть денежки оставила, барахлишко кое-какое.

— Вот его-то мне и нужно, — произнес у нее над ухом тихийластный голос, и к своим воспоминаниям о синих глазах незнакомца хозяйка харчевни теперь могла смело прибавить ощущение сильных мужских рук. Ну, и холодного лезвия на шее.

Вся она была какая-то рыхлая, от страха ноги ее подкосились, Конан чуть не упал под тяжестью неожиданно обмякшей у него на руках туши. От исходившего запаха кухни и влажных немытых волос перехватывало дыхание.

— Поторапливайся, жирная, я не привык ждать, — киммериец недвусмысленно шевельнул лезвием ножа по горлу. Конечно, убивать ее Конан не собирался, но она этого не знала и теперь мелко тряслась от страха.

— Н-н-не уб-б-бивайте, г-г-господин, я все отдам, — заскутила она, — не со зла ведь, люди-то мы добрые, что поделаешь, если сушняки у нас мужчин забирают... Да и их понять можно, озлившись, если вся деревня заколдованная, ни попить, ни в руки воду взять, помереть ведь можно, они

и крадут людей, те им воду и таскают... Хорошо, проезжего какого утянут, а так — все из наших... Вот и женщина моего увела, а у нас детишки...

— Семеро... — подпискнул откуда-то с пола хлипкий Бергрундий.

— Мне это не интересно, — прервал эти жалобы Конан, — верните мне деньги и вещи, лодку я и сам заберу. Живо! — прошипел он в самое ухо многодетной матери.

Слабо причитая, она быстро нашла и кожаный мешочек, и ворох одежды, и королевский меч.

— Это уж точно, не для твоего силача, — съехидничал Конан, отбирая у женщины оружие. — А на будущее запомни: не продавай так запросто своих гостей, среди них могут оказаться весьма знатные господа. Жаль, нет у меня сейчас времени с вами разбираться.

Ошарашенные супруги услышали легкое позвякивание уходящих от них монет, затем уже не таящееся хлюпанье ног по воде и громкий издевательский голос из отплывающей лодки:

— Не будь так строга с Бергрундием, женщина, раз уж у вас семеро детей, значит, все-таки, торчит там, где надо!

Глава 9

Зубник, уже привыкший к тому, что у его повелителя пропал голос, чуть не свалился в воду от страха, когда услышал с реки хриплый рык:

— Лекарь! Давай сюда! — И острый нос лодки ткнулся в берег рядом с ним. Узнав Конана, слуга несколько раз подпрыгнул от радости и, мешком свалившись на дно лодки, возбужденно заговорил:

— Ух, ты, и лодка наша, и одежда! Правду говорят, что умней и сильней нашего короля никого нет!

Конан улыбнулся в темноту, понимая, что это не грубая лесть, а просто мысли вслух.

Заночевали они немного ниже по течению, там, где берег был не таким топким. В первый раз за последнее время после всех неприятностей, свалившихся на него,

Конан не ломал себе голову, вспоминая о Зенобии, Од'О и историях Гардевира. Он был просто голоден и страшно устал. Вдвоем с Зубником они, не разжигая костра, быстро доели те немногие запасы еды, которые нашлись в лодке, запили водой из реки, — киммерийца чуть кольнула опасливая мысль, что они пьют воду из рук врага, но тут же исчезла, — и провалились в глубокий сон.

На следующее утро, проснувшись, Конан с удивлением обнаружил своего слугу мирно спящим у него на животе. Лицо у Зубника было настолько безмятежно счастливым, и солнце так ласково пригревало еще слабыми лучами, что на мгновение ему показалось, что все случившееся — лишь глупый сон и они — просто господин со слугой, заночевавшие после охоты вдали от дома. Воспоминания постепенно возвращались, как и злость, и страстное желание поскорее вернуться домой и снова увидеть красоту жены, и тот самый, зовущий, долгий взгляд Зенобии из-под опущенных ресниц.

От резкого подъема киммерийца лекарь несильно стукнулся головой о дно лодки, поэтому его пробуждение не было столь радужным. Для простого человека нахождение вдали от родных мест проходит гораздо тяжелее, чем для такого вечного странника и искателя приключений, как Конан-варвар, ныне король Аквилонии.

На этот день у Конана были обширные планы. Он знал, что скоро Хорот примет в свое русло Тайбор, бурную свою равнину реку, берущую начало в горах и так и не согревшуюся под щедрым Аквилонским солнцем.

Примерно в полдня хода вниз по реке к ним присоединится Красная, которая, как хорошая мудрая жена, придаст, наконец, Хороту величавость и спокойствие. Между этими двумя притоками в плодородной долине, захватившей часть Аквилонии, широкий клин Офира и узкую полосу Кофа, испокон веков селились люди. Деревни на пологом левом берегу так незаметно сменяли одна другую, что с годами только старожилы могли точно сказать, где заканчивается одно поселение и начинается другое. Конан собирался запастись там едой, немного передохнуть и, если удастся, найти кого-нибудь из старых друзей и попытаться разузнать что-нибудь о цели их путешествия — Демоне Океана Од'О.

Действительно, очень скоро им стали попадаться вначале одиночные дома, потом все чаще и чаще. Киммериец боролся с искушением пристать около первого же дома и купить еды для завтрака, но решил немного потерпеть и, несмотря на умоляющие взгляды Зубника, не поворачивал к берегу. Внезапно впереди показалось широкое водное пространство, и сильная боковая волна толкнула лодку.

— Это Тайбор, — сказал Конан, показывая на впадавшую слева реку. Хорошо было видно, что изменился цвет воды Хорота: текущий с гор Тайбор добавил ей зеленовато-синей глубины. Киммериец сразу вспомнил этот необычный оттенок, который так поразил его в Шамаре — крупном городе выше по течению. Конан невольно улыбнулся, вспомнив, как со странным другом и отчаянной смелости воином Кастиеджо, вдоволь отведав знаменитых аквилонских вин, они на спор переплывали Тайбор туда и обратно. Мальчишество, конечно, Зенобия сердилась на обоих, переводя гневный взгляд с мужа на Кастиеджо, но вместо того, чтобы утихомирить разбужившихся мужчин, ее горящий взгляд только сильнее разжигал это странное соревнование. Потом уже, когда все благополучно завершилось и двое совершенно закоченевших безумцев, хохоча друг над другом, продолжили дегустацию вин, Конан еще несколько раз замечал, как подрагивают крылья хищного носа Кастиеджо при взгляде на Зенобию. Киммериец слишком хорошо знал своего друга, чтобы воспринять это как оскорбление. Сердце снова тоскливо сжалось: Конан так ясно увидел жену сидящей на огромном камне посреди Тайбора и ее счастливое лицо и детский восторг при виде крошечных речных крабов, которых шустрые мальчишки приносили ей в плетеных корзинках. Король тряхнул головой, отгоняя воспоминания, и сильнее налег на весла.

Зубник, опустив руку в воду, сразу почувствовал, насколько она холоднее обычного, и сразу же решил, что в такую реку не полезет ни при каких, даже самых жутких, обстоятельствах. Он был страшно горд собой,

что не утонул в первый раз, но повторять такие попытки не собирался, как и совершенствовать свое умение плавать.

Конан, к великой радости Зубника, начал поворачивать к берегу. Именно здесь, у слияния двух рек, расположилась большая деревня Саусалья, которая так и не стала городом: здесь накоротко встречались и расставались, быстро улаживали торговые сделки или разрывали старые контракты между двумя глотками вина или после сытного ужина. Никто не задерживался надолго на этом перекрестке, поэтому-то основными строениями в Саусалье были трактиры с комнатами для ночлега и большими подвалами.

Кинув несколько медных монет подозрительного вида однорукому старику, Конан предупредил, что если тот плохо будет смотреть за их лодкой, то лишится и второй руки. Зубник, недоверчиво оглядываясь, последовал за господином. Он сам не доверил бы такому сторожу даже стоптанные башмаки. Конан рассеял его сомнения:

— Да у них у всех здесь такие хитрые рожи, но свое понятие о профессиональной чести они все-таки имеют, хоть и берут деньги всегда вперед. Ничего с нашей лодкой не случится, вот увидишь.

Жизнь вокруг кипела. Люди с озабоченными или веселыми лицами куда-то спешили, громко разговаривая на ходу, волокли мешки, тащили упирающихся коз и овец, всюду сновали пронырливые собаки с не менее деловыми и хитрыми мордами. И вся эта толпа рычала, блеяла, смеялась и ссорилась, производя неповторимый шум большого базара.

Конан уверенно проталкивался к невзрачного вида заведению, из раскрытых окон которого слышалось гнусавое пение. Войдя, Зубник увидел битком набитую людьми большую комнату. Посередине стоял старик-горбун и противным голосом тянул одну ноту. Судя по его самозабвенному лицу, он это делал не ради денег, а просто для души. На певца никто не обращал внимания. За длинными столами шумно выпивали и закусывали несколько десятков человек, от обилия аппетитных запахов рот моментально наполнился слюной. Голодные путешественники одновременно сглотнули. Но вместо того, чтобы поскорее найти свободное место и приказать одному из юрких, как ящерицы, мальчишек-слуг поскорее принести поесть, Конан с просиявшим лицом двинулся в угол, где сидел черноволосый красавец с перевязанной рукой. По пути, к великому удивлению Зубника, его господин хлопнул по плечу горбатого певца со словами:

— Рад видеть тебя, Оллердален, ты все не меняешься, узнаю веселые мотивы Ванахейма! — на что, ничуть не смущившись, стариk, будто только

и ждал Конана в этой харчевне, прервав пение, скрипуче отозвался:

— А тебе, видать, наскучило в королях ходить? Решил снова к нам вернуться?

Но Конан уже сидел за столом и, не скрывая радости, разговаривал с незнакомцем. Слуга подошел поближе, надеясь таким образом напомнить о себе и о своем голодном животе. Действительно, все распоряжения уже были сделаны, на столе появился хлеб, кувшины, двое мальчишек старательно сутились вокруг, уловив, что один из гостей — настоящий король.

— Кастеджо! Какая встреча! — Киммериец не мог поверить, что рядом сидит станинnyй друг, тот самый отчаянный храбрец и любитель ледяной воды, которого он вспоминал совсем недавно. С таким спутником он бы отправился хоть в Серые Миры. Эта идея, вдруг пришедшая в голову Конана, так захватила его, что он чуть было не выпалил ее Кастеджо. Присмотревшись к другу повнимательней, он все же решил подождать с разговорами, а пока стал торопливо есть, почти не чувствуя вкуса пищи. Примостившийся на краешке стола Зубник, утолив первый голод, маленькими глотками пил вино и с любопытством разглядывал сидящего напротив человека. Мужчина был бесспорным красавцем, но какая-то болезненность, — то ли проступавшая сквозь природную смуглоту кожи бледность, то ли мучительный излом бровей, — портили безупречное лицо. Перевязанная тряпкой рука доставляла ему большое страдание, это было заметно по той старательности, с которой он пытался примостить ее на столе. Но самыми странными были взгляды, которые Кастеджо бросал на Конана. Казалось, станинnyй друг мучительно выбирает, что ему сделать: броситься ли на шею киммерийцу или тут же перерезать ему горло. К тому же Зубник с неприязнью заметил, что, несмотря на утренний час, этот человек уже довольно сильно пьян. Конан тоже заметил все эти странности в Кастеджо, быть может, чуть позже слуги, обрадованный неожиданной встречей и, как все люди, не желавший признаваться себе в том, что сидящий напротив близкий человек ему неприятен. Но он же прекрасно помнил, что в годы их молодости одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что творится с другом, поэтому, резко отодвинув кувшин с вином, положил руку Кастеджо на плечо и спросил напрямик:

— Ты не рад меня видеть? Говори, я же вижу.

Аквилонец только криво усмехнулся и чуть отодвинулся в сторону. Конан чувствовал странную скованность, чей-то неприятный взгляд жег ему лопатки, но оборачиваться не хотелось. Все больше мрачнея, он еще раз обратился к Кастеджо:

— Чем, интересно, я заслужил такой теплый прием у старого друга?

— А разве у королей бывают друзья? — наигранно удивился тот, отхлебнув из кружки. — Мне казалось, вам нет дела до нас, простых смертных.

Конан озадаченно посмотрел на сидящего напротив обозленного человека и только и смог, что презрительно сказать:

— И после какого кувшина ты начал делить нас на высших и низших?

Зубника тихонько затошило от страха. Он хорошо понимал, что сейчас между двумя сильными людьми произойдет что-то очень нехорошее, но вмешаться не мог. Слуга умоляюще посмотрел по сторонам и встретился взглядом с горбатым певцом, которого его господин назвал Оллердален. Тот уловил молчаливый призыв, так как и сам уже несколько минут присматривался к сидящим за столом, чувствуя неладное. Будучи человеком без родины, — кем были его родители и где его произвели на свет, никто никогда не знал, а первыми его воспоминаниями о детстве были холодные ветра Бритунии и приютившее его полудикое племя, кочевавшее по степям, перейдя Кезанкийские горы, — он не признавал никаких законов, хотя постоянно вступал с ними в конфликты в самых разных странах, и то, как Оллердален обращался к человеку, зависело исключительно от его настроения, а не от положения собеседника. Поэтому, неожиданно резво подскочив к столу, он подвинул слугу и без приглашения сел, обнажив в ухмылке короткие черные пеньки зубов. «Ох, помогай, горбатый, — мысленно взмолился лекарь, — я тебе все твои гнилушки во рту повылечу, только выручай!» Глаза Кастеджо уже метали молнии, криво улыбаясь, он начал вставать из-за стола. В этот момент Оллердален хлопнул ладонью по столешнице и неожиданно звонко сказал:

— Ну, как есть — мальчишки! Только встретились и уже что-то не поделили! — Озадаченные напористой нелепостью этих слов, все посмотрели на него.

— Какие мы тебе мальчишки... — свирепо начал Конан.

— А такие: твоя мамаша еще и в глаза не видела твоего отца, а моему горбу уже завидовали все верблюды Стигии!

Вокруг захочотали, а с соседней лавки даже свалился краснолицый турانец. Кас-теджо слабо улыбнулся, Конан, тряхнув головой, не выдержал и рассмеялся.

— Я вижу, ты с дороги, король-путешественник, — бодро продолжал певец, — забирай своего друга, пошли ко мне в крысятник, отдохнешь, а там, глядишь, и спорам вашим — конец.

— Что я слышу? — изумился Конан. — Бродяга Оллердален обзавелся

собственностью? О каком это крысятнике ты говоришь?

— Не смей обзывать мой дом собственностью, — высокомерно ответил горбун, вставая. — Захватите вина, мои винные подвалы вчера залило дождем. Пошли, лопоухий, — ласково обратился он к Зубнику и пошел к выходу.

Киммериец с облегчением последовал за Оллердаленом, убедившись, что Кастеджо тоже идет с ними. Уже перед самым выходом Конан все же обернулся, чтобы узнать, кто это так пристально смотрел ему в спину.

За столом, стоящим у окна, в компании огромных волосатых парней сидела девушка. Светлые глаза ее ничего не выражали, но смотрели прямо на него, вызывая легкую дрожь, как от взгляда в пропасть. Высоко поднятые волосы, полные губы, длинная шея кого-то смутно напоминали. Тут один из сидящих что-то спросил у нее, она отвернулась, и наваждение исчезло.

Зубник проследил за взглядом своего господина, но так и не понял, почему тот так пристально смотрел в сторону угрюмых жующих мужчин у окна. Никакой девушки он за столом не увидел.

Глава 10

Они сидели в низкой деревянной лачуге, с трудом разместившись вокруг странного сооружения, которое Оллердален громко называл столом. Словно разом сговорившись не ссориться и не трогать никакие серьезные темы, Конан с Кастидже говорили о старых добрых временах, обильно запивая воспоминания вином. С каждым часом холодная рука недоброго предчувствия все сильнее сжимала сердце киммерийца. Он будто шел по колено в снегу, пытаясь дойти до вершины и страшась того, что может оттуда увидеть. Вино не туманило мозг, наоборот, мрачная истина, уже давно ходившая кругами, прочно засела, наконец, в голове, готовая вот-вот сорваться с языка. Оллердален подливал вино, изредка вставляя язвительные замечания и, казалось, просто отдыхал в столь изысканном обществе. Зубник, если бы мог, забился в самый дальний и темный угол, но в этом, как его называл хозяин, «крысятнике» все углы были близкими и в меру светлыми. Его не покидало отвратительное ощущение, будто все присутствующие знают про него какую-то постыдную тайну и сейчас начнут хором обсуждать и осуждать его. Лекарь поймал себя на том, что уже довольно долго рассматривает замотанную руку Кастидже. Неловко лежащая на столе, она притягивала внимание Зубника, словно гипнотизируя его. Окружающие отдалились куда-то, звук голосов Конана и Кастидже превратился в невнятный гул, голова сильно кружилась. Такое неприятное состояние ему было знакомо: точно так же его мучило однажды, когда, уже на службе при дворе, он долго смотрел на старшего ловчего, мучимого неизвестной болезнью. Красивый молодой парень сидел тогда на п scarne, скрючившись в три погибез ли, и держался за живот. Слуги сбились с ног, пытаясь помочь бедняге, несколько раз приходил королевский лекарь, зачем-то пустил кровь и ушел, бессильно пожимая плечами. У ловчего болели не зубы, но он был славным парнем и никогда напрасно не обижал помощников, поэтому Зубник решил попробовать ему помочь. Так все и получилось: и гул, и головокружение, а потом четкое видение: черноволосая женщина со злыми глазами что-то кладет в еду. Ее быстро нашли, обиженная возлюбленная старшего ловчего решила, оказывается, просто проучить неблагодарного кавалера и всыпала ему яду. Парня спасли, Зубник проспал сутки и решил, несмотря на успех, больше не пробовать лечить таким образом.

Сейчас все получилось помимо его воли. Видно, он очень переживал

за своего господина и его друга. Видение было очень странным. Маленький старишок, какая-то река, потом Кастидже, вместо руки которого висело отвратительное бледно-зеленое щупальце. Потом дворец, — Зубник сразу узнал Тарантию, — королева Зенобия с сияющим лицом опускает руку в бассейн, тот же неприятный старик у нее за спиной и сразу — омерзительное чудовище, в которое она превратилась.

Зубник медленно, как во сне, встал перебив говорившего в этот момент Кастидже, глядя поверх голов невидящим взгл^б дом, мертвым голосом произнес:

— Не скрывайтесь друг от друга, у один обидчик...

Ошарашенные такой неожиданной выходкой доселе молчавшего слуги, все превратились в большой открытый рот. Без интонаций, монотонно Зубник закончил свою неожиданную мысль:

— Маленький старишок сделал с вашей женой то же, что и с его рукой...

Тут уж вскочили все. Перекрикивая друг друга, Конан и Кастидже накинулись на слугу, враз очнувшегося от их криков и обалдело глядящего по сторонам.

— Откуда ты знаешь, что с ней?! Кто посмел проговориться?!

— Что с Зенобией?! Ты не смог уберечь такую женщину!

— Что ты мелешь, лекарь доморошенный?!

— При чем здесь моя рука?!

От такого шквала вопросов и криков сдали бы нервы и не у такого тихони, как Зубник. Бестолково потыкавшись в стены, он все-таки нашел дверь и, сорвав ее с хлипких петель, кубарем вывалился из «крысятника». Оллердален решительно встал на пути разгневанных мужчин и тихо, но жестко сказал:

— Он вам сказал то, что думал. Держу пари, что он попал в точку. Мне кажется, вам пора поговорить начистоту, — и, уже выходя, с непонятной интонацией добавил: — И почему это, интересно, люди с такой готовностью верят любому подлецу, оклеветавшему их друзей?

В сгустившихся сумерках хорошо были слышны все суетливые звуки ни на миг не замиравшей жизни торговой и бродяжьей Саусальи. Сидящие рядом в тесной каморке двое хмурых мужчин, не поднимая глаз и ни разу не повернувшись друг к другу, рассказывали о постигших их бедах. Ох, не прост, не прост оказался бесхитростный с виду лекарь Зубник, навязанный в спутники Конану седовласым Гардевиром. Все правильно понял житель странной деревни Эолуйон, в просторечии — Лекарей, не случайно появившейся на месте гибели злобной Паноры. И не дрогнул

мужественный король Аквилонии, когда его друг Кастеджо, скрипя зубами от боли и злости, размотал тряпицу и положил на стол изуродованную руку. Только голос киммерийца стал глушше, и даже в сумрачной хибаре было видно, как страшно заходили на его лице желваки:

— Я такое уже видел.

Не решаясь задать следующий вопрос, чтобы хоть немного отсрочить страшные слова, о которых он уже догадывался, Кастеджо первым начал свой рассказ:

— Ты помнишь Белую лестницу в Шамаре, ту, что ведет от дворца Ришарно к Тайбору? — не дожидаясь ответа, потому что именно в прохладном строгой красоты дворце советника Ришарно останавливались во время поездки в Шамор король и королева Аквилонии в последний раз, он продолжал: — Я стоял у воды и как раз думал, откуда у нас в городе появилось столько беженцев из Немедии? Целыми семьями едут, грязные, испуганные, ничего не говорят, только плачут. И тут меня отвлекли дети, их много всегда играет на лестнице. Они сильно спорили, я прислушался. Какой-то мальчишка уверял остальных, что ступенек стало меньше. Митра, они орали так, что я чуть не оглох! Конечно, я тут же забыл об этом, а ночью проснулся от сильного толчка. У нас горы недалеко, бывает, покачивает, я все еще ничего не понимал. Но когда пошли слухи, что река залила уже несколько лавок на берегу, и я сам увидел, как скрылось под водой поваленное дерево, мне это очень не понравилось. Ну, а потом появился этот отвратительный старик.

Кастеджо снова скрипнул зубами и стал неловко заматывать ужасную руку тряпкой.

— Мы со стражниками обходили дозором восточные окраины, в последнее время там было особенно неспокойно. Он сидел на камне, ты представляешь, на ТОМ самом камне, где она... — Аквилонец запнулся, но вопрос о судьбе Зенобии так и не сорвался с его губ, он продолжал свой рассказ: — Вначале я услышал какое-то бормотание с реки, он, явно, поджидал меня, потому что теперь я хорошо его слышал, обычный скрипучий старческий голос, я даже подумал, что какой-то выживший из ума старишка решил утопиться, и строго окликнул его. Он не ответил, да я больше и не звал, потому что мне вдруг стало страшно. Вокруг все как будто замерло, мне показалось даже, что Тайбор остановился, а этот, так спокойно, раздумчиво говорит про себя: не нравится мне, говорит, этот город, как его там, Шамар-Машар, только реку мне мутят, суета, да грязь одна, лучше, говорит, пусть тут озеро будет, Панорой назову. Я в темноте смотрю: он рукой повел, и снова — баах, толчок, будто все под землю

проваливается! Тут я очнулся, как заору на него: ты что это, колдун проклятый, гадости всякие говоришь?! А ну, брысь отсюда! Я тебе покажу — озеро! Смотрю: а он уже около меня стоит и тихо-тихо говорит: «Дружка своего Конана благодари, по его вине город погибнет. Король твой, видно, на прогулку по реке вышел. Найдешь его в Саусалье — предупреди: если он не поторопится, я здесь сам через месяц буду рыб в озере разводить». Я его, конечно, схватил, а он легонечко, так, по руке меня хлопнул и исчез. Вот. Не знаю, кто это был, и что вы там не поделили, а рука у меня сразу пузырями пошла, а потом...

— Ты его рассмотрел? — помедлив, спросил Конан, просто чтобы подать голос.

— Да. А вроде и нет. Темно было. Мелкий такой старичок. Ты знаешь, кто это?

— Теперь знаю. Это Демон океана Од'О. Мне маг один рассказал. — Киммериец начал свой рассказ, все лучше понимая две очень важные вещи. Во-первых, дело касалось уже не только короля Аквилонии и его жены, и во-вторых, времени, оказывается, осталось не так много, этот злобный старик уже поторапливал его. Конан подробно рассказал обо всем, что случилось за последний месяц, особенно тяжело продираясь сквозь подробности, связанные с Зенобией. В комнатушке стало уже совсем темно, поэтому киммериец, к счастью, не видел лица Кастеджо в это время. Какой-то непривычный звук, похожий на всхлип, почудился ему на мгновение, но Конан не стал спрашивать друга, что с ним.

— И вот теперь, когда ты все знаешь, — закончил свой рассказ киммериец, — я предлагаю тебе идти с нами. Зубник, конечно, неплохой парень, но с тобой мы точно одолеем этого водяного ублюдка.

Кастеджо ответил не сразу. Затем раздался тяжелый вздох, и, положив свою здоровую руку на руку Конана, он медленно проговорил:

— Не сочи меня трусом, друг, я думаю, у тебя были возможности убедиться, что это не так, но... Гардевир, — так ведь звали того мага? — сказал тебе правильно: кто-то должен остаться с Зенобией. Если уйду я, кто останется с моим Шамаром? Он каждый день все сильнее погружается в воду! Там люди! Я должен вернуться. Пойми меня и не осуждай, — Кастеджо помолчал еще немного и, словно отвечая на немой вопрос друга, добавил: — Я и здесь-то очутился — искал тебя, мне сгоряча показалось, что это ты во всем виноват, прости меня, но я тебя знаю, вечно ты что-то делишь с волшебниками! Теперь я все понял. Еще раз, прости мне мое недоверие. — И сильно сжал руку друга.

Они долго еще сидели молча. Конан знал, что сейчас он отправится в

путь, и эта встреча может оказаться последней. Его заполняла странная смесь решимости и горечи, злости и печали.

Так, рука в руке, их и застали вернувшиеся Оллердалек и Зубник. Издалека можно было разглядеть колеблющийся свет и услышать нестройное пение.

— Поскольку мой новый друг, хм, повредил дверь в крысятник, — заплетающимся голосом начал хозяин хибары, — то я позволю себе войти без стука. Господа обсудили все свои дела? Господа желают вина и песен? — Этот кривлявшийся горбатый шут умел моментально разрядить любую тяжелую обстановку. — Мы с приятелем выучили несколько превосходных зембабвийских народных песен!

Светильник, поставленный на стол, помог увидеть сразу две удивительные вещи: во-первых, совершенно пьяного Зубника и, во-вторых, ослепительную улыбку Оллердалена, во рту которого красовались новехонькие белые зубы!

Они попрощались совсем коротко, непривычным было рукопожатие левых рук, забинтованную правую Кастеджо неловко прижал к себе. Никто уже не уговаривал Конана остаться на ночь в Саусалье, киммериец сразу по приходу слуги приказал Оллердалену собирать припасы и грузить бесчувственного Зубника в лодку. Сна не было в помине, а ночной реки он не боялся, — если уж Од'О так понадобился именно король Аквилонии, пусть заботится об этом сам.

Строгое лицо Кастеджо и непроницаемое — горбатого певца Оллердалена, стоявших на берегу, быстро скрыла ночная тьма. Небо было ясное, и скоро на их путь легла блестящая лунная дорожка. Усталость, но не физическая, а душевная, все же давала о себе знать. «Спешить, — думал Конан, сидя ни корме и глядя вдаль, — Мне надо спешить»

Ночь прошла спокойно, несколько раз на! короткое время Конан проваливался в тяжелый сон, моментально просыпаясь от любого тихого всплеска. Необычно было ночью идти по реке, особенно неприятным это стало после захода луны. По расчетам киммерийца, до Мессантии им еще предстояло не меньше семи дней пути. Вынужденное безделье злило Конана, о том, что он будет делать, достигнув моря, не хотелось даже думать. Куда ведет их лодку злобный демон? Какие гнусные цели преследует? От безответных вопросов голову начинало ломить, стараясь отвлечься, он начинал смотреть по сторонам, хотя что можно увидеть темной южной ночью с середины широкой реки? На дне лодки похрапывал Зубник, изредка жалобно вздыхая во сне.

Утренний туман, накрывший реку, заставил киммерийца поплотнее

закутаться в теплый плащ. Бледно-голубое сонное небо обещало жаркий день, а пока сырость пробирала до костей. Слуга подобрал под себя ноги, холод добрался и до него. Далеко на берегу уже распевались ранние птицы. Конан наклонился вперед, и, усмехаясь про себя, накрыл ноги слуги толстой курткой. Когда он выпрямился, то от неожиданности вздрогнул. Бесшумно рассекая речной туман, совсем рядом с ними шла лодка. Огромная, богато убранная, с сидящими по бортам темнокожими гребцами, она легко догнала их простую посудину и теперь шла борт о борт, словно для того, чтобы ее можно было лучше рассмотреть. Конан несколько раз сильно ущипнул себя за руку, но фантастическое зрелище не исчезло: на роскошном сидении, украшенном причудливой резьбой, в полуопротачном платье, которое струилось, меняя цвета, сидела Зе-нобия и задумчиво перебирала в руках ожерелье. Ни один солнечный луч еще не коснулся драгоценных камней, но оно горело в руках темноволосой красавицы, бросая разноцветные блики на ее лицо. Вот она улыбнулась спокойной счастливой улыбкой и, повернув голову, подставила губы целующему ее мужчине. Задохнувшись, Конан, не веря своим глазам, увидел того, кто властно обнял ее за плечи.

Это был он сам. Забыв осторожность, киммериец вскочил на ноги, чуть не перевернув лодку, но крик застрял у него в горле. Подскочил и разбуженный испуганный Зубник. Протирая глаза, он заорал дурным голосом и схватился за борт. Вопль слуги не разрушил наваждения. По-прежнему двое в лодке целовались, гребцы, подняв весла, бесстрастно смотрели вперед. Конан, — настоящий Конан, в бешенстве скав кулаки, — видел, как его двойник, легко отстранив Зенобию, с улыбкой протянул руку к воде, чуть шевельнул ладонью, — и огромная волна понеслась от борта на берег. Женщина звонко рассмеялась, щелкнула пальцами, гребцы согласно опустили весла, и через мгновение, набрав скорость, мираж исчез в тумане.

— Кром! — заревел киммериец вслед этой злой насмешке. — Он еще смеет издеваться надо мной! Низкий трус! Тюфяк, набитый гнилыми водорослями! Покажись, повелитель мокриц, я утоплю тебя в своем собственном болоте! Так глумиться надо мной, королем Аквилонии! Зря ты затеял со мной эти подлые игры! Ты, верно, не знаешь, кого дразнишь! Ну, теперь не жди быстрой смерти, это было бы слишком милосердным, ты будешь до конца жизни по три раза в день мыть ноги мне и моей жене своей собственной кровью, или что там у тебя течет в жилах! Я еще найду для тебя достойную медленную смерть!

Конан размахивал кулаками и ревел на всю реку. Случись это лет

двадцать назад, гнев киммерийца могла бы унять только разбитая в щепки лодка. Нынешний король Аквилонии уже не был молодым горячим варваром, чуть что — громящим врагов, пробивающим стены и идущим напролом. Останься он таким же простым, как в юности, любой из ловких и изворотливых врагов, — а их к пятидесяти годам накопилось немало, — с легкостью бы его одолел. Нет, судьба одарила синеглазого гиганта звериным чутьем и отменной реакцией, а уж жизнь добавила к этому изворотливый практичный ум и богатый опыт. Несколько глубоких вдохов, и, все еще сжимая кулаки, Конан сел в лодке, бешеными глазами глянул на слугу:

— Видел? Он издевается надо мной! — И тут же по оторопелому взгляду парня понял, что тот ничего не видел. — Мираж! Там в лодке был я и Зенобия! — В этот момент отразившаяся от берега волна, поднятая рукой призрака, сильно качнула их лодку, оторвав руки Зубника от борта. Лекарь, в который уже раз за время путешествия, свалился на дно и замер там, уставившись круглыми глазами в небо.

— Чувствуешь? Волна-то настоящая! — Конан наклонился над ним и понял, что до смерти напуганный, тот быстро-быстро молится Митре. Значит, Зубник действительно ничего не видел. Что это могло значить? Киммериец еще раз, спокойно, припомнил все пригрезившееся ему в тумане. Кром! Что значит — пригрезившееся? Он мог подробно, до мельчайших подробностей, описать и лодку, и людей, которые в ней сидели. Он никогда не целовался перед зеркалом, но был совершенно уверен, что это был именно его жест, его властная рука, обнимающая, — проклятое наваждение! — плечи Зенобии. Сердце рвалось на куски, но усилием холодного разума он заставил успокоиться вновь поднимающуюся волну гнева. Это помогло и даже принесло странную догадку. Что, если это видение не было простой издевкой? Ехидный демон сделал уже вполне достаточно для того, чтобы как следует разозлить Конана. Непривычно и неприятно было чувствовать себя во власти нечеловеческой темной силы и пытаться разгадать мотивы его поступков. Своими грязными и жестокими действиями Од'О все время к чему-то подталкивал киммерийца. К чему? Несомненно, злодей тщеславен, все, что он натворил на земле, должно было продемонстрировать его силу. Да уж, насмотрелись. Конана вновь замутило от воспоминаний. Но он не привык бороться с невидимым, ускользающим соперником, заманивающим его непонятно куда, оставляя за собой следы бессмысленных злодеяний! Что же хотел сказать Демон океана, показав богато украшенную лодку, Зенобию с драгоценностями в руках? Король мог поклясться, что никогда не видел этой картины в

прошлом. Не было у его жены такого странного платья и удивительного горящего ожерелья, никогда не ходили они по реке в лодке с темнокожими гребцами... И, самое главное — здесь киммериец на мгновение остановился в своих рассуждениях и сильно сжал виски ладонями. Сейчас, сейчас, он, кажется, понял: больше всего его поразил жест двойника, — вода, послушная мановению руки!

— Да он торгуется со мной! — удивленно воскликнул Конан.

Ему послышался тихий смешок. Быстро взглянув на Зубника, он убедился, что парень не способен хихикать, он лежал, закрыв глаза и скрестив руки на груди. На всякий случай киммериец огляделся: на реке, естественно, никого не было. Туман понемногу рассеялся, широкая водная гладь расстилалась вокруг.

— Ну, уж с ума-то меня свести не удастся, — пробормотал Конан про себя. — Раз я тебе так нужен, попробуем поиграть по твоим правилам. Гардевир сказал, что ты злопамятен, что ж, посмотрим, у кого память злее.

Он замолчал, медленно поднялся и, повернувшись назад, туда, где осталась накрытая трауром Тарантия, неожиданно широко и уверенно улыбнулся.

Глава 11

Ночь сменяла день, ленивые речные волны монотонно покачивали лодку, словно уставшая мать беспокойное дитя. Ненадолго приставая к берегу, чтобы немного размять затекшие ноги, Конан с Зубником не прерывали свой путь длинными стоянками и ночлегами. Спали по очереди, киммериец, в основном, днем, так как убедить слугу, что ночные плавания по реке совершенно безопасно, было невозможно. Они почти не разговаривали: деревенский парень, подавленный столь дальней дорогой и огромным расстоянием до дома, которое с каждым часом все увеличивалось, и король, полный мрачной решимости, словно копивший силы для борьбы с сильным врагом.

Хорот, после впадения в него двух крупных рек — Красной и Алиманы, разлился так широко, что держаться середины уже не имело смысла, к тому же неуютно было болтаться в легкой лодке, почти не видя берегов. Конан решил держаться правой стороны, и теперь Зубник целый день, до мельтешения в глазах, мог любоваться поросшими лесом холмами, переходящими, казалось, совсем рядом, в Рабирийские горы.

К середине пятого дня далеко впереди засинело, еле заметный левый берег и вовсе отодвинулся в дымку. Проснувшийся Конан, наскоро плеснув в лицо прохладной водой, встал и приготовился всей грудью вдохнуть свежий морской воздух.

Ни один человек, попробовавший хоть раз в жизни соленого вкуса морской романтики, не забудет этого, живи он хоть самой прекрасной и благополучной жизнью на суше. Конан, которого один вид синего горизонта всегда приводил в прекрасное и боевое расположение духа, расправил плечи.

Услужливый ветер с готовностью пахнул с моря прямо в лицо. Но что это? Вместо свежего живительного глотка, пахнувшего солью, душная волна застоявшейся вони заставила киммерийца скривиться.

Зубник сидел на носу и во все глаза смотрел на открывавшуюся перед ним величественную панораму.

— Это море? — неуверенно спросил он, тоже морщась от тяжелого запаха.

— Море. — В голосе Конана не было уверенности. Он даже засомневался, не морочит ли их снова Демон океана. Однако, раздумывать было некогда, широкими взмахами весла киммериец начал поворачивать

лодку к берегу.

Залитые ослепительным солнцем белые стены Мессантии равнодушно приняли еще двоих беспокойных путешественников, которых, — кто спросит? — гонит из дому жажда славы, алчность или просто тоска по приключениям.

Тут же на небольшой речной пристани они продали лодку ловкому малому. Быстро осмотрев дно и борта и отсчитав деньги, он засунул руки в просторные грязные карманы и, ухмыльнувшись всем дочерна загорелым лицом, спросил:

— Дальше морем пойдете?

Этот простой вопрос сразу поставил Конана в тупик, хотя времени на раздумье у него в дороге было достаточно. Действительно, куда двигаться теперь? Найти неплохой корабль в Мессантии никогда не составляло проблем, но что он скажет капитану? Каким курсом пойдет судно? Не отвечая на вопрос, киммериец взглядел указал Зубнику на вещи, сам закинул на плечо свернутые плащи и зашагал в город. Слуга семенил сзади, постоянно что-тороняя и восторженно озираясь. Мессантания была вторым в его жизни крупным городом. Совершенно не похожая на Тарантию, шумная, полная запахов, криков, песен, она сразу же одурманила парня, и, словно горячая южная красотка с обнаженными плечами и дерзким ртом, повела, потянула за собой, нашептывая сказки о небывалом блаженстве.

Конан намеренно выбирал гостиницу поближе к порту. Он чувствовал себя своим в этой толче и разноголосом шуме, воспоминания затопили его, потеснив нынешние заботы, но заменив их тоской по молодым годам. Перед глазами живо стал помощник капитана Зельтран и галеон «Вастрель» — быстроходный красавец, которым командовал Конан в Кордаве. Неужели то самое море, которое всегда было киммерийцу другом, сейчас станет врагом?

Разношерстная толпа двигалась по набережной, богатые вельможи, обмахиваясь веерами, лениво разглядывали прохожих, полуоголые мальчишки с бесенятами в глазах зорко следили за происходящим, в надежде стянуть то, что плохо лежит, самые разные языки мешались в удивительный и всем понятный портовый говор. Все было, как обычно, и не так. Не пахло морем на этой набережной. Ни одного знакомого запаха не почувствовал киммериец. Оглядев бухту, он удивился еще больше: она была пуста. То есть, корабли, — несколько десятков самых разных, больших и малых, сгрудились у берега. «Ждут шторма», — решил Конан, заходя в невысокую, приличную на вид гостиницу. Залихватский вид ей придавала ярко намалеванная вывеска «Приют одноглазого» с

нарисованной тут же ухмыляющейся рожей с повязкой через глаз.

Внутри было чисто и уютно, несколько человек, по виду — матросов, что-то громко обсуждали за столом, постукивая кружками. Вкусно пахло жареным мясом. Хозяин с готовностью выбежал навстречу гостям. Среднего роста, с аккуратным круглым брюшком, огненно-рыжий, он любезно улыбался, хотя при взгляде на его лицо почему-то думалось, что на вывеске изображен кто-то из его родственников. Оба глаза у него были на месте, но смотрели в разные стороны, гладко выбритое розовое лицо выражало радущие. «Пройдоха», — решил киммериец, доставая мешочек с деньгами. Улыбка хозяина стала еще шире, он просто светился радостью.

— Как тебя зовут? — строго спросил Конан, давая понять, что не собирается платить деньги только за безмерное проявление радости.

— Санлукар, господин.

— Перенеси наши вещи в лучшую комнату, — приказал Конан, — и позаботься о хорошем обеде для двух мужчин, проделавших долгий путь.

Он сел за стол и с наслаждением вытянул ноги, стосковавшиеся по обыкновенной лавке. Заметив, что Зубник несколько раз слюну, мечтательно сказал:

— Надеюсь, нам подадут бульварилью. — И пояснил для неискушенного лекаря: — Это знаменитая рыбная похлебка, в нее кладут десять сортов рыбы и секретный корешок баракъечко. Он придает блюду неповторимый вкус, а еще говорят, с его помощью можно приворожить. — Заметив мигом погрустневшие глаза Зубника, поинтересовался: — Не хочешь приворожить какую-нибудь местную красавицу?

— Ах, нет, господин, — вся тоска по дому вдруг прорвалась в парне, заблестев слезами на глазах, — меня в Лекарях ждут.

— Да ну? — заинтересовался Конан. — Просто девушка или невеста? Как зовут?

— Ушинька, — тихо ответил Зубник, умолчав о том, что родители давно сговорили их и радуясь интересу господина к его жизни.

Вспомнив необычные имена родной деревни своего слуги, киммериец чуть было не засмеялся, подавившись неуместной шуткой. Тут обсуждение личной жизни Зубника было прервано появлением хозяина. Санлукар успел переодеться в чистый фартук, и теперь он, церемонно вышагивая на кривоватых ногах, балансируя огромным подносом и кувшином, словно исполня员 ritуальный танец, подошел к их столу и начал расставлять миски и кружки. К великому удивлению Конана, в глиняной миске оказались тушеные овощи, а на плоской тарелке сиротливо прижались друг к другу два тощих кусочка мяса. Все это пахло аппетитно,

но выглядело жалко, ожидали-то другого.

— Что за странное меню в вашей одноглазой харчевне? — невежливо осведомился киммериец, разглядывая принесенную еду. — Где знаменитая бульварилья? И что это за хилые обрезки? На твоей кухне не нашлось хотя бы хорошего куска жирного тунца?

Подвижное лицо хозяина отразило целую гамму чувств.

— Приезжие господа давно не были на побережье... Жизнь у нас теперь не та, что раньше. — Он смотрел на Конана чуть не с жалостью. «Скряга», — добавил к своему мнению о хозяине киммериец. Вытащив из мешочка несколько серебряных монет, он небрежно кинул их на стол и распорядился:

— Вот тебе на трудное время, и принеси нам еще столько же. Надеюсь, винные подвалы Мессантии еще не оскудели? — И, удивившись странному замешательству Санлукара, переспросил строже: — Что тебе еще? Бери деньги и выполняй, я голоден и не намерен больше выслушивать твои жалобы.

— Э-э-э, господин, — замявшись, начал хозяин, — я... э-э-э...

— Ну, что там еще, хватит мялить! — Конан хорошо знал силу своего сурового взгляда, от которого начинали заикаться видавшие виды аквилонские вельможи.

— Осмелюсь заметить, — Санлукар перебирал в пухлых ладошках серебряные монеты, — но этого мало за ваш обед.

Нависшая над ним гора мускулов с пронзительным синим взглядом совершенно лишила его речи. Конан стоял, опираясь кулаками на стол, готовый немедленно разнести гостиницу в щепки. Положение спасла выскочившая откуда-то невзрачная женщина с пронзительными воспаленными глазами. Она решительно бросилась к столу и горячо заговорила, невпопад жестикулируя маленькими сухонькими ручками:

— Ваша воля, господин, да ведь врать-то нам негоже, мужа моего и нашу гостиницу все побережье знает, сам герцог Эстепонато у нас изволили откушивать, вы, сразу видно, издалека, и не знаете ничего, — голос ее стал срываться на плач, но она сдержалась и продолжала еще быстрее: — Вот уж чем кого прогневили, не знаю, беда за бедой на наш город сыплется, рыба вся ушла, море гниет, корабли в водорослях вязнут, пятьдесят человек морские блохи покусали, как один, все померли, ох, горюшко, день и ночь Митре молимся, да все без толку... Вы уж не сердитесь на нас, мы и так себе в убыток работаем, крестьяне озверели, два золотых за коровью тушу требуют, а мы что? — приезжих кормить надо... Вот и вы недовольны... — От ее скороговорки у Конана звенело в ушах. —

А на прошлой неделе и того хуже: герцог, отец наш родной, решил сыночка рыбкой побаловать, награду большую обещал, ох, лишенко, рыбаки далеко в море уходили, кто пустой вернулся, слава Митре, а кто и сгинул, доставили-таки, несколько штук, говорят, чуть не к Черному острову ходили... Так и опять нехорошо: сыночек на радостях косточкой подавился, теперь не ест, не пьет, чахнет... Его светлость с горя ни один корабль в море не пускает, уже и бунты начались, а по мне, что туда идти, гиблое стало море, или штормом разобьет, или в гнилье этом завязнешь, а то и змей водяной на дно утянет... — Женщина, наконец, выговорилась, и мелкие, как бисеринки, слезы покатились у нее из глаз.

Из всего этого сумбурного монолога Конан вынес главное: корабли в море не выходят. Он давно был наслышан о самодурстве местной знати, но перекрыть такой важный порт, как Мессантая, — на это мог решиться только очень сильный человек с огромной властью. Занятый своими мыслями, киммериец не обратил внимания на реакцию своего слуги. Зубник внимательно выслушал всю сумбурную речь хозяйки, не переставая попутно жевать, а затем, удовлетворенно кивнув, выразительно посмотрел на господина.

— Ты хочешь что-то сказать? — удивился Конан, заметив, наконец, обращенный на него взгляд.

— Нам ведь в море надо? — начал Зубник издалека.

— Надо, — терпеливо согласился король.

— А корабли не ходят.

Конан промолчал, надеясь, что так слуга будет развивать свою мысль быстрее. Зубник поудобней уселся на лавке и неторопливо начал рассуждать, получая, видно, огромное удовольствие от того, что сам король внимательно его слушает. Деревенская основательность давала себя знать:

— Корабли не ходят, потому что герцог... — важно обернувшись к хозяевам, зачарованно слушавшим его, Зубник вопросительно поднял бровь.

— Эстепонато, господин, — послушно отозвался Санлукар, догадавшись, что интересуются именем герцога.

— Его светлость Эстепонато расстроен болезнью сына. Значит...

— Значит? — не выдержал занудливого тона слуги Конан.

— Значит, его нужно вылечить! — торжествующе закончил Зубник, шлепнув ложкой по тарелке. Хозяин разочарованно выдохнул и сердито вытер попавшую в глаз овощную кляксу.

— И откуда ты такой умный? Мы здесь сидим и не знаем, как быть, а ты пришел и все объяснил!

— Да я не просто, — растерявшись, проговорил Зубник, — я и сам могу попробовать...

— Ты что, лекарь?

— Вообще-то я по зубам, но горло, наверно, тоже могу...

Хозяин оценивающе рассматривал Зубника. Что и говорить, простодушный паренек не производил впечатления мудрого врачевателя. Санлукар представлял себе лекаря седобородым старцем в синей мантии, вытканной таинственными знаками, и с полным мешком звякающих жутких инструментов. К тому же зубами в Мессантии испокон веков занимались цирюльники, готовые за несколько мелких монет выдрать своими варварскими щипцами хоть всю челюсть. Зубник правильно истолковал его сомнения и попытался говорить более уверенно:

— То есть, я говорю: если что простое, так я везде лечу, а уж зубы — это наше семейное, — чем окончательно сбил с толку Санлукара. Он уж решил было не связываться с ненадежным доктором, чтобы не угодить под гнев герцога, но тут Зубнику пришла в голову, как ему показалось, удачная мысль. Он решил тут же, несходя с места, продемонстрировать свое искусство.

— Да вы не сомневайтесь, господин хозяин, я правда, могу. Хотите, и вас вылечу? — и, не давая тому открыть рот, деловито продолжал: — Вы, ведь, уж третью неделю дурной болезнью маетесь, от жены ночью отказываетесь, верно? — Определив по разинутому рту хозяина, что попал в точку, лекарь радостно засмеялся и, повернувшись к Конану, торжествующе закончил: — Ну, вот, а они не верили!

Лицо киммерийца побагровело от с трудом сдерживаемого смеха. То, что происходило сейчас перед ним, сильно смахивало на первый бой неопытного гладиатора. Лицо Санлукара побелело, как снег, рыжие волосы потускнели, он как будто стал меньше ростом, и даже уютный круглый животик словно опал. Страх выдал его с головой. Маленькими шажками отступая от стола, он судорожно пытался прикрыть руками то голову, то пораженный дурной болезнью орган. Действия хозяйки выдавали большой опыт ведения боевых действий. В одно мгновение в ее руках оказалась увесистая кочерга, и теперь, отрезая Санлукару путь к выходу, она медленно заходила справа. Сидевшие у стены матросы, оторвавшись от своих кружек, с интересом наблюдали за происходящим. В этот момент нервы хозяина не выдержали, и, издав прощальный визг зарезанной свиньи, он кинулся к двери, ведущей в кухню. Грохот падающей посуды и вопли несчастного слились с оглушительным хохотом, потрясшим гостиницу. Смеялись все, кроме Зубника. Он растерянно переводил взгляд с

Конана на веселящихся матросов, обескураженный такой неожиданной реакцией на его врачебные познания.

— Так... ты... и это... можешь? — задыхаясь от смеха, с трудом выговорил киммериец.

Зубник внезапно обиделся. На службе в королевском дворце он беспрекословно выполнял любые приказы старшего ловчего, не гнушаясь самой тяжелой- работой, но к своему настоящему призванию относился очень трепетно. У себя в деревне, несмотря на бедность, он был уважаемым человеком. Громовой хохот он принял на свой счет и оскорбился не на шутку.

— Я вам не шут! — перекрывая шум, звонко сказал он. — Я людей лечу! — После чего, натужно краснея, неуклюже вылез из-за стола и с гордо поднятой головой пошел к выходу.

— Постой! — Конан даже не успел подумать, что королю негоже бегать за подданным, он просто видел, что парень здорово обиделся. За свою долгую и бурную жизнь киммериец научился ценить людей и, даже достигнув вершины власти, не стал, к счастью, высокомерным снобом. Догнав Зубника у двери, он дружески хлопнул его по плечу:

— Ты зря рассердился, никто и не думал над тобой смеяться, мы потешаемся над этим рыжим пройдохой Санлукаром. Не уходи, боюсь, твоя помощь ему очень скоро понадобится. — Конан кивнул головой в сторону кухни, откуда доносились звуки ударов и жалобные вопли.

В дверях появилась раскрасневшаяся хозяйка. Она поправила фартук, пригладила растрепавшиеся волосы и почтительно подошла к Зубнику.

— Простите, любезный господин, — голос ее еще немного срывался, — вы, и правда, ему поможете? Ну, от этого... — Румянец еще сильнее запыпал у нее на щеках. — Вот ведь, паразит? И когда только успел?

Лекарь, важно расправив плечи, солидно кивнул.

— Ох, да вы и не покушали толком, — спохватилась женщина. — Садитесь, садитесь.

Альехо! Супрас! — Перед ней тотчас же появились двое симпатичных чумазых мальчишек. — Принеси господам вина из дальней бочки, — обратилась она к одному, — да кран потом закрой хорошенъко! А ты — беги ко дворцу герцога Эстепонато, скажи: в гостинице «Приют одноглазого» лекарь остановился, хочет сыночка ихнего осмотреть. Только сейчас он занят, вечером прибудет. Запомнил?

Заново накрытый стол приятно отличался от предыдущего. Прекрасное вино, знатные куски мяса и даже огромное блюдо с фруктами,

хозяйка лично прислуживала господам путешественникам, не сводя с Зубника взгляда, полного надежды.

После обеда Конан отправился в отведенную им комнату, оставив лекаря разбираться с семейными проблемами «Одноглазого Приюта».

Глава 12

Высокие стены замка не казались мрачными или тяжелыми; искусно выложенные из белого камня, они радовали глаз, а огромные ворота,казалось, для того и были поставлены, чтобы постоянно гостеприимно распахиваться. Нельзя сказать, что Зубнику с Конаном был оказан слишком теплый прием, видно, далеко не первый лекарь переступал порог замка в надежде вылечить сына герцога. Киммериец долго колебался, идти ли ему со слугой: он не хотел ввязываться в это дело, и не потому, что не верил в успех, просто при дворе Эстепонато могли быть люди, знающие короля Аквилонии в лицо. Меньше всего сейчас ему хотелось официальных церемоний, Конану нужен был только корабль и разрешение на выход из порта. Но и оставить Зубника один на один с грозным герцогом он тоже не мог, поэтому через высокие резные ворота киммериец прошел вместе со слугой, надеясь как можно дольше сохранять инкогнито.

Мессантания, стоявшая на перекрестке морских путей, в дельте одной из самых крупных рек материка, каждый день пропускала через себя сотни путешественников и, как бойкая торговка, стоящая в центре рыночной площади, знала все про всех. Здесь всегда можно было узнать новости, — пусть и не самые свежие, — из любого конца света.

Богатые вельможи портовых городов никогда не отличались изысканным вкусом. У проезжавших торговцев покупалось все самое яркое, новое и необычное, смешение стилей и традиций разных стран создавало ту неповторимую атмосферу богатых приморских дворцов, которая всегда напоминала Конану нечто среднее между лавкой старьевщика и шатром фокусника. Герцог Эстепонато, судя по всему, не был исключением. Даже в передних покоях, где было приказано ожидать, все кричало о богатстве и размахе хозяина дворца. Скромная одежда в сочетании с окружающей роскошью пробудили в киммерийце давнишние воспоминания о воровской юности, когда такой дворец, наверняка, не остался бы без внимания лучшего вора Шадизара.

Дверь отворилась, и бесстрастный слуга в темном проводил их в зал. Герцог Эстепона-то, немолодой мужчина с умным печальным лицом, выдающим сильный характер, не вставая, указал на низкие табуреты, обтянутые малиновой тканью, стоявшие чуть сбоку от его кресла.

— Мне передали, что один из вас — лекарь. — На удивление неприятным голосом проскрипел он. Конана покоробило такое обращение,

равно как и ковер на полу, при взгляде на дикий зелено-желтый узор которого у киммерийца свело челюсти.

— Это я, — смело ответил Зубник. Эстепонато недоверчиво оглядел его, видимо, борясь с искушением сразу выгнать необычных посетителей. Его светлости не нравилась эта странная парочка: мрачный синеглазый гигант, нагло рассматривающий ковры на стенах, и глуповатого вида вихрастый парень, называющий себя лекарем.

— Ты можешь вылечить моего сына? — Парень оказался настоящей деревенщицой. Он всплеснул руками и, безо всякого почтения уставился на герцога с нескрываемым удивлением:

— Да как же я скажу, если я его и не видел?

Герцог тут же разозлился и на себя за глупый вопрос, и на неприхотливую реакцию лекаря. Он резко встал и раздраженно бросил:

— Идемте. Оружия, надеюсь, с вами нет?

Два рослых стражника последовали за ними. Пройдя через несколько светлых комнат, они вышли во внутренний дворик. В круглом бассейне задумчиво плавала морская черепаха, стая ярких птиц, рассевшись на деревьях, громко обсуждала свои пернатые дела. Конан с Зубником шли рядом, лишь ступив на узкую дорожку, выложенную бирюзовой плиткой и огибающую бассейн, киммериец на мгновение замешкался, пропустил слугу вперед и посмотрел в бассейн.

Черепаха, высунув из воды свою тупорылую кожистую голову, подмигнула ему одним глазом.

Никто больше этого не заметил, а Конан долго еще ломал себе голову, пытаясь объяснить это явление то ли повадками странного морского животного, то ли новой ехидной шуткой Демона Од'О.

На огромной кровати, завешенной легким пологом, полулежал мальчик. Его, скорей, можно было назвать некрасивым: бледный, с синими кругами под глазами и большим капризным ртом, он смотрел прямо перед собой, по-стариковски перебирая худыми руками складки ткани. Длинные темные волосы сбились набок, открывая маленькое детское ухо. Горло закрывал несвежий шелковый платок. Заметно было, что мальчик недавно плакал. В углу комнаты сидели две молодые женщины в черных платьях.

— Баджо... — тихо позвал герцог. Конана поразило, как изменился враждебный голос Эстепонато, сколько появилось в нем страдания и любви.

Ребенок поднял глаза на вошедших. Ничто не отразилось в этих бездонных, полных, боли, озерах.

— Я привел лекаря. — Повернувшись к Зубнику, герцог нетерпеливо

дернул плечами. Киммериец с любопытством наблюдал за действиями слуги. Совершенно другой человек сейчас стоял перед больным ребенком. Откуда-то взялась гордая осанка, уверенность в движениях. Отодвинув полог, Зубник присел на край кровати и внимательно посмотрел на Баджо. Мальчик скривился, беззвучные слезы покатились по его лицу. Лекарь придвигнулся ближе и начал что-то тихо приговаривать, его ловкие руки вытерли слезы, откинули покрывало с ног, сняли платок, быстро прошлись по горлу. После недолгого молчания Зубник повернулся к герцогу и требовательно сказал:

— Мне нужен кусок свежевыпеченного хлеба, мускус и много молока.

Завороженный его решительными действиями, Эстепонато сделал неуловимый знак одной из сидящих женщин. Она быстро вышла. Лекарь продолжал что-то тихо говорить, обращаясь к Баджо. К тому времени, когда появился поднос с хлебом, мальчик, уже не сводил с Зубника глаз. Дальнейшее происходило быстро: отломив кусок мякиша, лекарь немножко пожевал его, вынул изо рта, помял в руках, скатав небольшой шарик, и положил его в рот ребенка. Конан хорошо видел, как исказилось от боли лицо мальчика.

— Глотай! — громко приказал Зубник. В том момент, когда, вытянув худую шейку, Баджо с усилием почти проглотил хлебный шарик, лекарь неожиданно сунул ему под нос коробочку с мускусом. От неожиданности Баджо задохнулся, лицо его посинело, и тут, сильным рывком схватив ребенка за ноги и перевернув вниз головой, Зубник несколько раз сильно его тряхнул. Тот изогнулся, закашлялся, хлеб вылетел из рта. Лекарь тут же перехватил мальчика под спину и уложил в постель. Все замерли. На глазах Баджо еще блестели слезы, но по лицу уже расплывалась счастливая улыбка. Зубник наклонился и поднял с пола мякиш с торчавшей из него огромной рыбной костью. Казалось удивительным, как такой величины кость могла поместиться в детском горле и не проткнуть его насовсем.

— Заговоренная, — уверенно сказал лекарь, протягивая виновницу страданий сына отцу. — Теперь ему еще два-три дня нельзя говорить, а пить давайте только теплое молоко, и побольше.

Всем сразу показалось, что в комнате стало светлее. Герцог побежал к кровати и, упав перед ней на колени, плача, обнял сына. Зубник же, выполнив свой врачебный долг, моментально превратился в прежнего деревенского нескладеху, и, страшно засмущавшись, спрятался за спину Конана. Киммериец тоже почувствовал некоторую неловкость при виде трогательной сцены отцовского счастья и собственной непричастности к этому. Затем он решил, что король полностью разделяет как поражения, так

и победы своих подданных, и стал спокойно наблюдать за бурными проявлениями радости герцога и набежавших слуг.

Внезапно мысли его приняли иной оборот. Конан успел рассмотреть Эстепонато и пришел к выводу, что даже если не обращать внимания на следы бурной жизни, отчетливо читавшиеся на лице его светлости, герцог явно его старше. Маленькому Баджо было, от силы, пять лет. «Для такого немолодого человека сын, наверняка, самое большое сокровище», — подумал киммериец, и сердце его почему-то сжалось. Каким же беспомощным должен был чувствовать себя герцог, чье могущество и богатство оказались бессильны перед болезнью ребенка!

Тем временем взрослые, толпившиеся вокруг кровати Баджо, наконец-то сообразили, что, несмотря на счастливое избавление, ребенку все-таки нужен покой. Герцог подошел к Конану с Зубником. Руки его дрожали.

— Не считите меня невежливым, господа, но сейчас у меня пока не хватает слов, чтобы хоть немного выразить вам свою благодарность. Надеюсь, вы не откажетесь погостить в моем дворце, чтобы убедиться, что ваши необыкновенные таланты оценены в полной мере? — неизвестно, за кого он принимал Конана — за господина Зубника или за старшего лекаря, но обращался к ним обоим. Киммериец сдержанно кивнул, он сильно сомневался, что до слуги дошел полный смысл витиеватой фразы Эстепона-то. Гостить они, конечно, не собирались, но и просить разрешение на выход из порта сию минуту было, прямо скажем, не очень вежливо.

Стройная девушка в дорогом темном платье пригласила их следовать за ней. Во время долгого пути по галереям и анфиладам дворца Конан не уставал удивляться богатству и роскоши; что касается Зубника, то, несмотря на службу при дворе в Тарантии, не самой бедной столице мира, он был совершенно подавлен блеском золота, тускло посвечивающего из каждого угла, и обилием дорогих драпировок. Под конец Конан настолько устал от вычурности и помпезности, что с раздражением подумал, сколько же пыли накапливается во всех этих декорациях.

Навстречу им все время попадались суетящиеся придворные, некоторые уже успели сменить траурные одежды на веселые яркие наряды, откуда-то слышалась музыка. Сопровождавшая девушка, играя ямочками на щеках и пряча улыбку, почтительно открыла перед киммерийцем и лекарем одну из дверей, и препоручив заботу о почетных гостях пожилому слуге, радостно упорхнула, спеша, видно, скорей переодеться и принять участие в общем веселье.

Зубник робко присел на краешек дивана, легкомысленный вид и

размеры которого наводили на самые фривольные мысли. Парню было, явно, не по себе находиться в одних покоях со своим королем.

— Ты молодец, — великодушно похвалил его Конан. — Вижу, Гардевир не зря посоветовал взять тебя с собой.

Слуга польщенно улыбнулся, но в глубине души, наверняка, помянул недобрыйм словом главного виновника своих приключений. Немного помолчав, он решился и задал давно мучивший его вопрос:

— Простите, господин, я хотел бы спросить... А куда мы поплывем? — Весь страх деревенского парня перед неведомым и огромным морем прозвучал в этом вопросе.

— Куда глаза глядят, — честно ответил Конан и тут же пожалел о своей откровенности. Губы и парня задрожали, киммериец испугался, что тот разрыдается. Тогда, чтобы немного исправить положение, он быстро и зло проговорил: — Я ищу своего обидчика, ты и сам давно уже понял, что это не человек. Это Демон океана Од'О, папаша, кстати, твоей волшебницы, что на вашем холме жила и людям жизнь портила, помнишь, ты мне сам рассказывал? У меня к нему накопилось много вопросов, и он мне ответит на все. — Заметив мутнеющий взгляд Зубника, Конан уверенно добавил: — Ты не бойся, дальше я один пойду, ты здесь не при чем.

Он сам удивился этому своему обещанию, но внутри уже окрепла уверенность в том, что слуга ему больше не понадобится. Что-то подсказывало киммерийцу, что главное свидание уже близко, и теперь нужно рассчитывать только на себя. Нет слов, наделенный необычными способностями Зубник помог Конану в его путешествии, он привык к этому бесхитростному доброму парню, который создавал рядом ощущение тепла, хоть и не стал ему другом. Но с демонами Конан привык встречаться один на один.

У Зубника запылали уши, когда он увидел, что сам король Аквилонии, подойдя к нему, протягивает руку. Их крепкое рукопожатие было прервано деликатным покашливанием у двери.

— Пока накрывают праздничный ужин, его светлость хотел бы предложить вам свой бассейн, напитки и легкие закуски, — сладким голосом произнес вошедший слуга.

Благодарный Эстепонато позаботился и об одежде для дорогих гостей, поэтому поздним вечером Конан и Зубник появились в парадном зале посвежевшие, повеселевшие и переодетые в легкие светлые костюмы. Конан, которому после долгих препирательств, все же позволили оставить на поясе кинжал, все еще немного хмурился, чувствуя себя почти голым в

легчайших тканях. Несколько раз он было порывался сообщить хлопочущим вокруг слугам, проявляющим, кроме почтения к великим лекарям, еще и массу фамильярностей, кто он, собственно, такой, и прекратить эти дружеские похлопывания, шутки и игривые прикосновения молоденьких служанок. Зубник, наоборот, купался в успехе, как кот в сливках, с трудом успевая пробовать напитки и сласти, вертеть головой и улыбаться девушкам.

Сомнения Конана разрешились довольно быстро. Усадив их обоих на почетные места, герцог Эстепонато поднялся с чашей в руках.

— Я, как правитель Аргоса, а сейчас, в большей мере, как счастливый отец, благодарю судьбу, которая привела в наш город короля дружественной Аквилонии вместе с его удивительным лекарем. Прошу стоя поприветствовать короля Конана и спасителя моего сына... — Его свет лось на мгновение смущился, сообразив, что так и не узнал имени благодетеля.

— Его зовут Зубник, — тихо подсказал киммериец, тоже поднимаясь и обводя взглядом восторженные лица. Тут словно дуновение сквозняка коснулось его щеки: он узнал ощущение, это был чей-то напряженный взгляд. Так смотрела ему в спину незнакомая девушка, в той самой харчевне в Саусалье, где Конан встретил Кастеджо.

— За великого лекаря Зубника! — громко провозгласил Эстепонато, поднимая свою чашу. Праздник начался.

Немного позже, поискав глазами, киммериец среди разноцветного вороха гостей, заполнивших зал, нашел-таки ту, что без улыбки, неотрывно смотрела на него. Теперь она была великолепно одета, затейливую прическу украшали драгоценные камни, складки прозрачного платья успешно не скрывали изящных линий тела. Для пятидесятилетнего Конана все выражения, мелькающие на женских лицах, были давно уже пройденным букварем. Но эти глаза не говорили ничего. Действительно, больше всего они напоминали пропасть, с клубящимся на дне туманом, мешающим сказать, где дно. Все больше мрачнея, киммериец пытался убедить себя, что его совершенно не занимает эта странная девушка, беззастенчиво и неотрывно глядящая на него. Будь в ее взгляде хоть капля желания или призыва, он, отвернувшись, немедленно забыл бы о ней, но его задевало ощущение странной неженской силы, таившейся в нем. Чуткий Зубник заметил перемену в настроении короля и, немного расслабленный обхождением и вином, спросил напрямик:

— Вы кого-то увидели, господин?

Решив проверить свои ощущения, Конан тихо ответил, глядя перед собой:

— За столом у окна, лицом к нам, сидит девушка, посмотри, в голубом платье, высокая прическа, светлые глаза. Что ты о ней скажешь?

Зубник, не особо церемонясь, привстал и, вытянув шею, долго смотрел в указанном направлении. Наконец, сел и разочарованно сказал:

— Простите, господин, может, для вашего возраста это и девушки, но, по-моему, старые коровы. — Увидев бешеный взгляд Конана, он живо добавил: — А в синем там вообще никого нет!

— Да ты куда смотрел, деревня? — начиная закипать, спросил киммериец.

— Куда сказали, во-он, у окна стол. Два мужика там сидят, рожи красные, потом женщина толстая с бородавкой на носу, опять мужик, старуха в драгоценностях, аж к земле ее клонит, сколько понавесила... — Зубник честно перечислял всех, кого видел. Никого похожего на ту, которая леденила Конана взглядом, он не назвал. «Снова мираж?» — подумал киммериец, открывая для себя еще одну необычную способность Зубника. Вернее, его НЕспособность видеть миражи.

В конце концов ему надоела эта странная игра взглядов, и он решительно поднялся, чтобы подойти к девушке. Конан не знал, можно ли схватить мираж на руку, но ситуация должна была разрешиться: либо наваждение исчезнет, либо он вытрясет из этой холодной красотки, кто она и откуда. Увы, с высоты своего огромного роста киммериец хорошо разглядел и старуху в драгоценностях, и краснолицых мужчин, и всех женщин за столом, отметив про себя, что эпитет Зубника насчет коров довольно близок к истине, но... Девушка в голубом бесследно исчезла.

Эстепонато выжидающе смотрел на Конана, и тот сообразил, что стоит почти во главе стола. Пришлось срочно произносить тост за дружбу народов Аквилонии и Аргоса.

После, уже во время непринужденной беседы, Конану удалось, наконец, изложить герцогу свою просьбу.

— О чем речь, многоуважаемый Конан! — Эстепонато изобразил на лице самую доброжелательную улыбку. Он чувствовал некоторую неловкость и легкое раздражение. Несмотря на счастливое избавление сына, его все еще немного удивляло столь необычное появление во дворце могущественного короля Аквилонии: без свиты, в простом платье, в сопровождении лишь молодого лекаря. Герцога грызло любопытство, но он скорей откусил бы себе язык, чем позволил о чем-либо расспрашивать высокого гостя. Про себя он решил, что лучше вызовет Конана на разговор и, может быть, сможет выведать причину этого неожиданного визита.

— Я немедленно отменю свой приказ, и вы сможете выйти в море так

быстро, как только захотите. Однако, — герцог озабоченно-многозначительно посмотрел на киммерийца, — не считите мои слова вмешательством в ваши королевские планы, но я с трудом представляю себе человека, который по собственной воле отважится выйти из порта. — Теперь лицо его светлости выражало скорбь. «Из него мог бы получиться великолепный актер», — мельком подумал Конан и внимательно прислушался.

— Мне шестьдесят два года, — издалека начал Эстепонато, — и за всю свою жизнь я не удалялся в глубь континента больше, чем на день пути. Я знаю море лучше себя. То есть, — поправился он, — я думал, что знаю. Что происходит сейчас — загадка из загадок! Вы, наверняка, обратили внимание на ужасный запах... — Конан согласно кивнул. — Нет слов, в жаркие годы бывало, море начинало цвести, однажды, лет, кажется, тридцать назад, сильнейший шторм забил всю бухту гниющими ядовитыми водорослями... Но все это были, так сказать, дела жителей... — Герцог вдруг отвлекся, жеманно разулыбавшись кому-то в сторону, и Конан окончательно сделал для себя вывод, что Эстепона то ему не нравится. — Извините, приехала сестра моей покойной жены. О чем я? Да! То, что происходит с морем сейчас — это просто ужасно! Впечатление, будто океан разом выплюнул все то, что мы выливали и выбрасывали в него сотни лет! Даже в нескольких милях от берега вода напоминает, простите, отхожее место! Я скажу больше: если вы знаете моряков, — киммериец свысока посмотрел на собеседника: соображает тот вообще, с кем говорит! — это бесстрашные люди! Так вот, у меня полный город этих бесстрашных людей, которые опустошают винные подвалы, каждый день устраивают несколько десятков драк на улицах и в трактирах, на суще они сходят с ума, но в море не выходят. И причиной тому не только мой запрет. — Герцог понизил голос и, сделав страшные глаза, сказал: — Они боятся!

Глава 13

С утра, оставив разомлевшего Зубника валяться в постели, киммериец отправился в порт. Нет нужды объяснять, что ночевали они в разных комнатах. Еще во время пира, рассыпавшись в извинениях, герцог сообщил, что для Конана отведены королевские покои рядом с опочивальней его светлости. Киммериец милостиво принял извинения, но сдержанно отреагировал на предложение Эстепонато отрядить его собственный корабль для нужд короля Аквилонии. Весь вечер киммериец упорно уходил от наводящих вопросов его светлости о цели морского путешествия, поэтому, не дождавшись окончания праздника, но отсидев положенное по этикету время, Конан отправился спать, имея при себе разрешение герцога Эстепонато на выход из порта Мессантии на любом понравившемся ему корабле, и с полными ушами всяческой светской чепухи. Похоже, его светлость не утратил детской любви к страшным историям, потому что большую часть вечера, перебивая сам себя дворцовыми сплетнями, он потчевал киммерийца леденящими кровь историями из жизни моря.

Конан медленно шел по набережной, приидирчиво рассматривая корабли. Он снова переоделся в ставшую уже привычной простую одежду, с презрением оставил на полу в спальне ворох подаренного разноцветного тряпья. Вокруг было тихо, видно даже птицам свойственно чувство брезгливости, он и сам с трудом дышал ртом. За исключением нескольких древних развалюх, навечно притулившихся к причалу, суда были хорошие, на любом можно было смело выходить. Киммериец решил пойти другим путем. Если даже небольшая толика из рассказанного вчера герцогом — правда, Конану нужно искать не корабль, а капитана, верней, того смельчака, который решится идти в море, да еще и неизвестно куда.

В первом же кабаке, куда он зашел, после кувшина дрянного вина в компании синеватых от пьянства матросов, ему в один голос посоветовали искать Бо Деревяшку.

— Этот поведет свою посудину хоть в глотку к дьяволу! — таким было единодушное мнение кабака.

Найти этого легендарного человека оказалось проблемой, потому что из каждого трактира он либо только-только вышел, либо еще не дошел. А в двух местах Конану доходчиво объяснили, что собираются сделать с Деревяшкой, если он вздумает туда заявиться.

Проходя кривой улочкой в очередную харчевню, одуревший от жары, вони и плохого вина Конан споткнулся и чуть не упал через лежащего на земле человека. Вначале ему показалось, что здоровенный детина просто пьян, но, обойдя лежащего, киммериец заметил наблюдающий за ним хитрый глаз.

— Ну, что встал? Проходи! — недовольно буркнул человек, судя по одежде, тоже моряк, отползая в сторону. — Всю охоту испортил!

— Кром! Какая тебе охота, пьяная морда? — После длительного похода по кабакам Мессантии, Конан настолько проникся портовым духом, что сейчас король в нем уже почти уступил место бывалому морскому волку.

— Сам ты — пьяная морда! — охотно вступил в разговор человек, продолжая лежать. — Идет, под ноги не смотри!

У Конана знакомо зачесались кулаки. Он слегка наклонился, чтобы рывком поднять и тут же сильным ударом снова уронить наглеца. Но детина оказался ловок и сообразителен. Легко вскочив, он увернулся от руки киммерийца и занял боевую стойку.

— Не поохотился, так хоть подерусь, — добродушно сказал он, скимая огромные волосатые кулаки. — Для Бо Деревяшки всегда найдется дело по душе.

Конан отступил на шаг назад. В глазах моряка мелькнуло изумление.

— Ты чего? — искренне удивился он. — Давай, бей.

— Это успеется, — киммериец вовсе не хотел начинать знакомство таким способом. — Так ты и есть знаменитый Бо Деревяшка? Как раз тебя-то мне и нужно.

— Ну, во-от, — разочарованно протянул моряк, — ты мне все настроение испортил. И собаку спугнул, и драться не хочешь.

— Зачем тебе собака? — удивился Конан.

— Как — зачем? Рагу сделаем.

К вечеру бирюма «Праведный путь» была готова к отплытию. Капитан, придиричиво осматривая всех собравшихся матросов, зычным голосом отдавал команды и был совсем не похож на того любителя собачьего рагу, с которым Конан познакомился днем.

Впрочем, и собравшаяся на судне разношерстная команда, хоть и выполняла все приказы капитана быстро и слаженно, но никаким боком не наводила на мысли о праведном пути.

Бо Деревяшка был из той породы людей, которым достаточно знать, что предстоит делать и сколько это будет стоить. Он не мучил себя вопросами, зачем и куда пойдет корабль, его вполне убедил мужественный

и серьезный вид Конана и увесистый мешочек золотых монет. К тому же синеглазый незнамец предъявил приказ самого герцога, что и вовсе исключало какие-либо вопросы. Во время разговора в харчевне, куда Конан с Бо зашли после необычного знакомства, быстро выяснилось, что в морском деле они понимают друг друга с полуслова, после чего капитан окончательно успокоился, поняв, что путешествие его пассажира — не прихоть заевшегося вельможи, и этот мрачноватый не очень молодой человек знает, что делает, выходя в гниющее море, полное опасностей.

Стоявшие на пристани немногочисленные зеваки кто с удивлением, кто со страхом наблюдали, как «Праведный путь», тяжело продираясь сквозь грязь и водоросли, двинулся к выходу из бухты.

Зубника мучило. Он глядел на уходящий корабль, с трудом выдерживая тяжелый запах, и не знал, радоваться ему или грустить. Король сдержал свое обещание и ушел в море один. На прощание слуга получил мешочек с деньгами.

— Этого тебе хватит на обратную дорогу и на хороший подарок для твоей... Глазоньки? Носочки? Кром, никак не привыкну к вашим именам!

— Ушиньке, — тихо ответил Зубник, проглотив комок в горле.

— Ну да. В общем, прощай. — Конан заметил заблестевшие от подступивших слез глаза слуги и, хлопнув его по плечу, быстро ушел. Еще не хватало, чтобы подданный рыдал на груди короля!

Настроение было тревожное, но приподнятое, как перед предстоящим вскоре боем. Конан с нетерпением ждал того момента, когда, наконец, проклятый демон сойдется с ним один на один. Ему надоела и долгая дорога непонятно куда, и загадки на каждом шагу, киммериец предпочитал честный бой, когда противник весь перед тобой, а не таится по углам, подсовывая дешевые игрушки в виде миражей и творя гадости ни в чем не повинным людям.

Герцог оказался прав, даже через три дня море ничуть не изменилось, по-прежнему напоминая ведро с помоями. Команда легко приняла необычного пассажира, сразу оценив и его силу, и простоту в обращении, и знания. Вечером второго дня Конан выиграл двадцать монет у Коротышки Пулькано, чем вызвал буйный восторг матросов.

Утром, на третьи сутки плавания киммериец с капитаном стояли на фордеке и, как старые друзья, обсуждали достоинства и недостатки «Праведного пути». Несведущий человек, не зная, что разговор идет о корабле с таким необычным названием, мог бы сильно подивиться словам и выражениям, которые употребляли собеседники.

— Тяжеловат, тяжеловат, — соглашался Бо Деревяшка. — Сейчас уже

появились и полегче, но я с ним уже сроднился, не могу оставить.

— Я смотрю, и люди неплохие...

— Головорезы отчаянные! Но работу знают, да и выпить-погулять не дураки, а я что — против? Я и сам могу, одна беда: как выпью, все драться тянет, и с тобой вот тоже, — капитан сразу признал Конана за своего, но в этом-то и состояло великое умение бывалого морского волка: не церемонясь особенно с людьми, выказывать, тем не менее, свое уважение.

Бирея шла строго на запад. По расчетам капитана, скоро справа по борту должны были показаться Барахские острова, издавна имевшие дурную славу, как логово пиратов. Конан не раз бывал в этих местах и знал, что, будучи помянуты, пираты, как шкодливые демоны, тут же появляются на горизонте. Не то чтобы он сильно верил в приметы, об этом, скорей, говорил богатый жизненный опыт.

Киммериец сидел в своей каюте на корме, рассеянно разглядывая взятую у капитана карту. Куда дальше? При мысли, что зловредный демон мог просто пошутить, заманив его в океан, киммерийца начинало трясти от злости. Задумавшись, он не сразу услышал крики на палубе. И только когда грохот раздался за дверью каюты, Конан сообразил, что что-то неладно.

Справа, наперекор их галере шел галеон. Никаких сомнений не возникало относительно его намерений. Удивляясь, почему пиратов заметили так поздно, капитан понимал, что тяжелый «Праведный путь» не успеет сманеврировать, и готовился к бою.

— Откуда он выскоцил, этот разбойник, — бормотал себе под нос Бо Деревяшка, раздавая оружие матросам. — Я думал, они уже все перемерли на своих островах от голода и скуки, кто же сейчас ходит по морю? И какой шустрой! Как будто только нас и ждал!

Пираты подошли уже совсем близко. Капитан, понимая, что сейчас галеон начнет ломать им весла, приказал убрать их внутрь. Бирея медленно останавливалась. Хорошо можно было разглядеть зверские рожи, выстроившиеся у борта, среди них выделялся дочерна загорелый верзила, явно главарь. Он напряженно всматривался и вдруг заорал, указывая пальцем на галеру:

— Проклятье! Да это же Бо Деревяшка! Я так и думал, что только ты, сухой сучок, можешь болтаться в этой помойной яме!

Судя по исказившемуся лицу капитана, он тоже узнал главаря разбойников. Глаза его загорелись мрачным огнем, рука, сжимавшая меч, побелела.

— Убийца-Сансельмо! — воскликнул он. Конан заметил, как попятались некоторые матросы, услышав это имя. — Я думал, ты давно

кормишь рыб, да, видно, ни одна морская тварь не сможет переварить такого мерзавца, как ты!

— Узнал, узнал! — довольно проорал пират. — Как это удачно, что мы встретились! Не поверишь, но у меня к тебе дело!

— Какое дело может быть у негодяя к мирному капитану?!

— Да ты не бойся, твое корыто меня не интересует, пусть твои молодцы уберут свои страшные кухонные ножи, — Сансельмо, явно, глумился.

— Ну так и проваливай!

Стоя на бэкдеке, Конан своим острым зрением видел даже гнилые зубы во рту главаря. Больше всего ему не понравились несколько лучников, стоявших у бортов пиратского галеона. Их стрелы были обмотаны промасленными тряпками. Киммерийцу приходилось неоднократно наблюдать, с какой ошеломляющей скоростью сгорали корабли, подожженные с помощью этих стрел.

— Я и сам бы не стал задерживаться, давай поладим побыстрее, и вали обратно на берег, в любимый кабак!

— Не мне с тобой ладить! — теряя терпение, прокричал Бо.

— Придется, придется, иначе морские твари сегодня пообедают тобой! — Главарь что-то тихо сказал стоящему рядом пирату, тот моментально исчез. — Повторяю, ты мне не нужен, да и груда у тебя никакого. Пассажир твой меня интересует! Важную особу везешь? Так ты отдай его мне, у меня и судно побыстрее, и обхождение получше, ты, небось, и не знаешь, как с королями обращаться?

— Ты спятил, Убийца, голову, что ли, напекло? Или взбесился, как собака? Тебе у меня нечем поживиться, а пассажиры нужны, так иди в Мессантию, богатых дамочек вдоль берега катать!

Конан подошел к капитану и положил ему руку на плечо.

— Кажется, это уже мои дела. — Бо Деревяшка резко обернулся, в недоумении уставившись на него. — Я, действительно, король Аквилонии, хотя откуда это известно пиратам, ума не приложу.

Капитан выпучил глаза и только крякнул. Времени на удивление и рассуждения уже не было. Повернувшись к пиратам, он даже не крикнул, а просто зарычал:

— Вот что, собака, ты меня знаешь, тебе со мной не договориться, можешь захлебнуться своей бешеною слюной, но с «Праведного пути» ты не получишь и обломка старого весла! Проваливай!

Сансельмо, кажется, надоели эти переговоры, к тому же, заметив подошедшего к капитану Конана, он догадался, что это и есть та самая

важная особа, которая его интересует. Глаза его полыхнули темным огнем, и он дал знак лучникам. Те выступили вперед. Киммериец услышал, как Бо тихо выругался. У Конана не было времени объяснять ему все свои проблемы, он понимал, кто стоит за главарем. Сейчас его больше беспокоила судьба корабля. Зная буйный и злобный нрав пиратов, он был уверен, что, даже получив пленного, просто так «Праведный путь» они не отпустят.

Крепко сжав руку капитана, он быстро заговорил:

— Слушай меня, Деревяшка, я иду к ним. Видно, и сегодня тебе не удастся подраться, надеюсь, ты будешь на меня не в обиде. Эти шакалы сейчас получат небольшую потасовку, у тебя будет время. Уводи корабль.

Столько решимости было в голосе стоявшего перед капитаном человека, так страшно полыхали его удивительные синие глаза, что Бо оставалось только сжать его руку в ответ.

Убийца-Сансельмо с кривой торжествующей усмешкой наблюдал за тихими переговорами капитана с пассажиром. Он был уверен, что выиграл. Сейчас он получит свою добычу, а потом и денежки, неплохие, надо сказать, за одного человека, хоть и короля. Напрочь лишенный принципов, главарь пиратов всегда с удовольствием имел дело с благородными. Недоступные ему понятия о чести заставляли сильных и мужественных людей совершать абсолютно детские, с его точки зрения, поступки. Сансельмо доставляло огромное удовольствие наблюдать эти маленькие забавные спектакли, когда взрослые мужчины, вместо того, чтобы грызться и спихивать друг друга за борт, церемонно спорили за право с достоинством умереть первым. Он хорошо видел прощальное рукопожатие капитана и мускулистого красавца-короля и только сплюнул на палубу.

— Я иду, — крикнул Конан пиратам, подходя к борту. На поясе его висел устрашающего вида меч, но, опьяненный легкой победой Сансельмо легкомысленно решил, что даже такого гиганта маловато на целую банду крепких парней.

Киммериец не спешил. Его острый взгляд оценивал обстановку. Он слышал, как за спиной уже тихо отдает команды Бо Деревяшка. С облегчением заметив, что любопытные пираты сгрудились у борта, он отметил себе центр нападения среди лучников и приготовился ловить брошенный канат.

Ошарашенному Сансельмо показалось, что огромная темная птица взлетела на палубу, таким стремительным был бросок Конана. С размаху повалив нескольких пиратов, киммериец обнажил меч и занял позицию спиной к мачте. Не давая разбойникам ни мгновения передышки, чувствуя,

как мускулы горят в предвкушении боя, он с наслаждением опустил меч на башку ближайшего человека. Раздался характерный хрустяще-хлюпающий звук и, не успев даже поднести руки к располовиненной голове, тот упал под ноги шарахнувшихся товарищам. Следующими были несколько лучников. Согнувшись от страшного удара в живот, один из них здорово помог Конану, опрокинув ведро с маслом, тем самым лишив остальных возможностей быстро передвигаться по скользкой палубе.

— Окружай его, окружай! — вопил опомнившийся Сансельмо, зверея при виде окровавленных матросов, падающих под ударами его законной добычи. — Живо, несите сеть! Взять живым, шакалье отродье!

Конан прекрасно понимал, что не выстоит один против целой команды разбойников, привыкших отнюдь не выращивать цветы на берегу. Несколько человек стали обходить его справа. Коротко свистнул меч, и один из них резко согнулся, чтобы больше уже никогда не разгибаться. Усталости не было, но нападавших было слишком много. Ошалевшие при виде окровавленных трупов, пираты, несмотря на крики капитана, теснили Конана к борту, уже не думая о том, чтобы взять этого вооруженного гиганта живым. Еще двоих успел он уложить страшными ударами, когда услышал свист. Неловко брошенная сеть не задела его, но попала на меч. Короткой заминки, во время которой киммериец высвобождал оружие, оказалось достаточно, чтобы юркий малый, подбравшийся к нему, бросился в ноги. Конан покачнулся. Тут же налетели остальные. Несколько раз киммерийцу удавалось встать, раскидав навалившиеся на него тела, но страшный удар в спину а потом и по голове кинул его на палубу.

Глава 14

Тебе не кажется, моя красавица, что цена немного возросла? — отвратительный слащавый голос заполнил гудящую голову, как тухлый сироп. — Этот мерзавец уложил десяток моих парней. Где я возьму им замену? Не жадничай, я же вижу, как он тебе нужен.

Конан пошевелился, чувствуя, как крепко впились в тело веревки, и открыл глаза. Он лежал на палубе, лицом вниз. Первое, что он увидел, были изящные женские ступни, перетянутые тонкими ремешками сандалий. Одна нога нетерпеливо постукивала по залитым кровью доскам. Аккуратные маленькие ноготки были небесно-голубого цвета.

— Не смей со мной торговаться, пес- Женский голос напоминал звенящие удары клинком по льду. — Твои молодцы сами виноваты, я предупреждала, что он очень опасен.

— Спокойней, спокойней, милашка. Уж ты-то будешь не опасней своего бешеного приятеля. Мы люди мирные, — послышался глухой смешок, и Конан узнал в говорившем главаря пиратов. — Но если моих ребят сильно рассердить, их не остановит и скала. Я бы не поручился тогда за твою безопасность. К тому же они так давно не видели женщин...

Неудобная поза не позволяла Конану рассмотреть собеседницу Сансельмо, но от ее смеха между лопатками киммерийца пробежали мурашки:

— У вас бы сказали, — заговорила она, сделав ударение на первых словах, — что ты играешь с огнем. В данном случае это полная бессмыслица, поэтому я просто предупреждаю тебя: вы должны повиноваться мне, иначе даже те из вас, кому когда-нибудь повезет увидеть женщину, не испытает при этом никакого удовольствия.

— Не надо, не надо, — издевательски продолжал пират, — мне уже страшно. Может, хочешь, чтобы я сам построил своих ребят, и ты попробуешь выполнить свои угрозы?

— Приготовь шлюпку и помоги мне погрузить пленного, — не слушая Сансельмо, приказала женщина.

— Сию минуту, моя госпожа. — В голосе главаря послышались стальные ноты. — Пикар! Болет! Швырните-ка этого мясника за борт, а красотку доставьте ко мне в каюту! Мне надоело с ней пререкаться!

Конану удалось, наконец, перевернуться на бок, поэтому все произошедшее далее он увидел. Два дюжих молодца двинулись к стоявшей

рядом с ним девушке. Лица ее киммериец разглядеть не смог, увидел только короткую голубую тунику и то, что она совершенно безоружна. Разбойникам оставалось сделать три шага, когда девушка вдруг вскинула руки, ладонями вперед. Страшный вопль потряс весь пиратский галеон. Вся нижняя часть тулова обоих мужчин превратилась в кусок омерзительного студня, тут же растекшегося по палубе. С жутким хлюпом два торса погрузились в это месиво. Несколько мгновений их руки еще скребли по доскам, потом вопли затихли, и оба ничком упали в белесую слизь.

— У тебя еще есть вопросы? — спокойно спросила она, опуская руки.

— О-о-о... — Только и смог выдавить из себя Санセルмо. Ноги его подгибались от страха.

— Не заставляй меня потерять терпение, — теперь она говорила почти ласково. — Ты помнишь, что надо делать?

Главарь несколько раз кивнул и знаком подозвал матросов. Видно, голос его не слушался. Ни один человек не тронулся с места. Десятка два перепуганных пиратов жались друг к другу, как перепуганные дети. Срывающимся голосом Санセルмо закричал на них:

— Живо, придуруки! Шлюпку!

Стараясь не смотреть на то, что осталось от их товарищей, несколько человек подошли к Конану и неловко, причиняя сильную боль в связанных руках, поволокли по палубе.

Перед тем, как сесть в шлюпку, девушка обернулась. Увидев, что она вновь поднимает руку, Санセルмо, почти падая в обморок от ужаса, упал на колени и, размазывая слезы по щекам, взмолился:

— Пощадите, госпожа, это я по-дурости, клянусь, не буду больше убивать и грабить!

— Да ну, тебя, дурак, — презрительно бросила девушка, — мне до этого нет никакого дела.

Конан неловко сидел в шлюпке. Наконец-то он увидел лицо его странной спасительницы.

— Узнал? — равнодушно спросила она, садясь напротив.

— Впервые вижу, как мираж расправляет с пиратами, — не отвечая прямо на ее вопрос, заметил киммериец. Это была та самая загадочная девушка, которую он видел в Саусалье и на балу у Эстепонато.

— Ну, какой же я мираж? — тем же ледяным голосом спросила она, притрагиваясь к щеке Конана. Он тут же вспомнил двух изуродованных пиратов, и лицо его непроизвольно дернулось.

На галеоне слышались истерические крики, но раньше, чем пираты

подняли паруса, шлюпка, в которой сидели Конан с девушкой, сама, словно влекомая сильным течением, начала удаляться от корабля. Киммериец успел подумать о судьбе «Праведного пути», когда девушка принялась развязывать ему руки. Он поморщился, растирая затекшие кисти и, вполголоса ругаясь, принял сам распутывать ноги. Ни разговаривать, ни расспрашивать о чем-то не хотелось. Когда Конан поднял голову, пиратский галеон почти скрылся за горизонтом. Море вокруг незаметно изменилось. Оно было как раньше, чистым и прозрачным, густо-синим в глубине. Далеко впереди, у самого горизонта спокойная гладь незаметно переходила в бледно-голубое небо. Темная стая каких-то рыб прошла под самым дном. Солнце немилосердно пекло и без того гудящую голову.

Конан с удовольствием бы искупался, но лодка быстро двигалась, а просить о чем-либо сидящую напротив совершенно не хотелось. На мгновение родилась безумная догадка, не сам ли Демон Од'О прикинулся девушкой, рука инстинктивно потянулась за кинжалом, но тут он вспомнил, что совершенно безоружен, кидаться же голыми руками в утлой лодке на повелителя воды было чистейшим безумием.

— Может, все-таки, объяснишь что-нибудь? — решился на вопрос киммериец, с ненавистью глядя на девушку. Несмотря на необычную и яркую красоту, она вызывала в нем только отвращение.

— Не думаю, что ты настолько глуп, чтобы не понять, куда мы направляемся, — нехотя ответила девушка, неприятно скривив рот. Она, несомненно, тоже не чувствовала симпатии к Конану. Почему-то это его задело.

— Тогда, может, ответишь, что от меня понадобилось вашему водяному царьку?

— Не смей так говорить об отце, — прошипела она. — Ты вместе со своим убогим королевством не стоишь и пучка водорослей со дна океана!

— Тогда к чему такая трогательная забота о моей персоне? — К Конану возвращалась его прежняя решительность, он не боялся этой горящей ненавистью красавицы, которая, к тому же, оказалась в близком родстве с Од'О. На языке вертелась подходящая по случаю гадость по поводу Демона и его детей, но киммериец решил придержать ее до лучших времен, ему совершенно не хотелось вступать в перебранку с девицей, пусть даже могущественной колдуньей. Он лишь бросил на нее презрительный взгляд, которым, обычно, с легкостью приводил в бешенство и ставил на место важных господ. И на этот раз действовало великолепно. Ее лицо исказилось, красиво очерченные губы скривились, произнеся какие-то невнятные слова, видно, какое-то специальное морское

ругательство. После этого вся она как-то изогнулась, вскинула руки и с нечеловеческой грацией выскользнула из лодки. Темный силуэт мелькнул в воде, и девушка пропала.

Конан почувствовал и облегчение, и раздражение. Спутником она была, прямо скажем, не самым приятным, но это было все же лучше, чем остаться одному в легкой шлюпке посреди открытого моря. Он огляделся по сторонам, вокруг до самого горизонта, еле различимого в дымке, была только вода. Стало прохладней, хотя солнце потускневшим шаром по-прежнему высоко стояло на небе. Какие-то неуловимые изменения стали происходить с морем. Оно стало совершенно прозрачным, лодка будто парила над песчаным дном, тишина, окружающая Конана, не нарушаемая ни единным звуком, давила на уши, трудно было даже определить, движется ли лодка. От долгого однообразного плавания Конана потянуло в сон. Тяжелые веки закрывались сами собой, виски ломило, он несколько раз широко зевнул. Трудно сказать, сколько прошло времени, но когда, наконец, устав бороться с дремотой, киммериец решил немного освежиться, он с удивлением обнаружил, что воды за бортом нет.

«Я сплю», — подумал Конан, с силой ущипнув себя за руку. Ничего не изменилось. Лодка по-прежнему висела в каком-то полупрозрачном тумане. Где-то вверху, в светящемся размазанном пятне угадывалось солнце, но ни по сторонам, ни внизу что-либо различить было невозможно. Снова разгоревшаяся злость на выходки Демона океана, — а киммериец не сомневался, что это его рук дело, — моментально согнала сон. На всякий случай, он крепко взялся за борт, опасаясь, что такими уловками враг пытается усыпить его бдительность.

Легкий толчок заставил Конана вздрогнуть, лодка словно ткнулась носом в невидимую преграду. Теперь уже ясно было видно, что она стоит на твердом. «Приехали», — с издевкой подумал киммериец, осторожно ступая на песок. Его все еще мучили подозрения, не очередной ли это мираж повелителя океана. Все тело было странно скованным, но мысли лихорадочно вертелись в голове. Где он находится, что делать дальше, куда ему, безоружному, теперь идти? Конан неожиданно представил себе Зубника, который, оказавшись в таком странном месте, наверняка свернулся бы калачиком на дне лодки и заплакал. Ничего ужасного или угрожающего вокруг не было. Честно говоря, не было просто ничего. Единственным предметом, на котором останавливался взгляд, была привезшая его сюда шлюпка. Конан, не привыкший долго раздумывать, сделал то, что казалось ему самым верным: он пошел в ту сторону, куда указывал нос лодки. Затекшие ноги плохо повиновались, все еще болели

руки, на которых остались багровые следы веревок. Плохо себе представляя, куда он идет и где вообще находится, киммериец вначале не обратил внимания на легкое движение справа, а когда, наконец разглядел, то некоторое время просто не мог двигаться. Он осталбенел.

Мимо Конана, чуть не задевая его ухо нежными розовыми хвостами, чинно проплыла стая рыб.

Первым инстинктивным движением киммериец потрогал одежду. Она была совершенно сухая. Не следа влаги не ощущалось вокруг, дышалось легко, но после того, как еще несколько морских обитателей пронеслись мимо, стало очевидным, что он стоит на дне океана. Когда прошло первое изумление, Конана даже позабавило его новое приключение, и, с любопытством озираясь, он двинулся дальше, уже не думая, куда.

Мир вокруг становился все разнообразней, появились водоросли, кое-где из-под песка виднелись камни с прилепившимися ракушками, вскоре справа, невиданным безлистенным лесом стали коралловые заросли. На некоторое время мальчишеский восторг захватил Конана при виде такого сказочного зрелища. С удивительной грацией мимо проплыла огромная рыба с длинным гибким телом и чешуей, которая при движении переливалась всеми цветами радуги. Стайка любопытных мальков, словно мошара, резвилась перед глазами, киммериец махнул рукой, они кинулись врассыпную, но скоро вновь собрались и принялись назойливо вертеться, норовя залезть в ухо. Большой темный силуэт показался невдалеке. Вначале Конану показалось, что это просто скала, но, подойдя поближе, он различил форштевень, потом облупленный мелкими ракушками борт, ряды обломанных весел, и, наконец, вся затонувшая трирема предстала его взору.

Корабль лежал на боку, несколько больших пробоин в бортах давно стали дверями в новом обиталище морских тварей, которые с хлопотливым видом шастали туда-сюда.

С опаской заглянув в одну из дыр, Конан увидел во мраке несколько скелетов, доиста объеденных рыбами. Медленно обходя погибший корабль, он вдруг заметил на бэкдеке какой-то знакомо блеснувший предмет. Не веря своим глазам, он вскарабкался по прогнившим доскам, несильно ободрав руки об острые края ракушек, и без труда вытащил застрявший меч. Странно, но разрушающие силы моря почти не тронули великолепное оружие. Клинок не потускнел, рукоять пришла по руке, сразу придав уверенности. Даже не потрудившись удивиться столь странным обстоятельствам, позволившим ему вооружиться, Конан лишь бросил благодарный взгляд на останки триремы и отправился дальше.

Под ногами появлялось все больше камней, а вскоре и целая скала

преградила дорогу киммерийцу. Он решил обойти ее справа, где среди густых зарослей неприятного вида мохнатых водорослей виднелся проход. Внимательно глядя под ноги, Конан чуть не стукнулся головой о нависающий камень. Это его и спасло. Подняв глаза, он в тот же момент резко отшатнулся: из круглой темной дыры в скале прямо к нему тянулось жуткое щупальце. Фиолетово-черное, усеянное двумя рядами лиловых присосок, оно почти коснулось плеча киммерийца. Его реакцию нельзя было назвать мгновенной, рука с мечом словно продиралась сквозь вязкий сироп, но и этой скорости оказалось достаточно, чтобы омерзительная конечность, выпустив облако голубоватой крови, упала на песок. Конан быстро отступил, ожидая нового нападения. Трудно было представить, что обладатель симпатичного щупальца так просто смирится с этой потерей. Некоторое время ничего не происходило, потом из той же дыры на киммерийца уставился круглый черный глаз. Конан мог поклясться, что в этом нечеловеческом взгляде ясно читалось огромное удивление. Наверное, так могла бы смотреть кошка на пойманную мышь, которая внезапно откусила ей лапу. Стارаясь не думать о мести кошки, киммериец отступил на несколько шагов назад. Ему показалось, что из скалы начала выливаться густая черная жидкость. Неторопливо, даже торжественно, потревоженный обитатель выбирался из своей норы. Еще несколько мгновений он принимал нужную форму, а затем, уже безо всякого выражения, вперив в Конана взгляд единственного глаза, двинулся на него. У киммерийца не было опыта борьбы с морскими чудовищами, тем более, стоя рядом с ними на дне, поэтому он сразу начал с ошибки: крепко сжав рукоять меча, Конан с силой погрузил его в отвратительно податливое тело. Судя по всему, никакого заметного вреда этот удар одноглазому не причинил, а клинок тут же завяз. Сразу же холодные щупальца обвились вокруг ног человека, вокруг потемнело, темная масса наваливалась на него, гипнотизируя взглядом. Какая-нибудь безмозглая рыба уже давно бы, мысленно попрощавшись с родными, смирилась со своей судьбой, но противник Конана явно нечасто общался с людьми. Не выпуская из правой руки меча, киммериец протянул левую вперед и железной хваткой, содрогаясь от отвращения, схватил круглый глаз чудовища. Успев еще заметить треугольный безгубый рот, он с силой рванул на себя.

Ощущение было такое, будто его на мгновение окунули и тут же вынули из ледяной проруби. Видимо, это было последним предсмертным объятием чудовища. Издав низкий ухающий звук, оно выпустило черное облако и медленно осело на дно. Конан брезгливо выпустил плотный скользкий глаз и, стараясь не поскользнуться, выбрался на чистый песок.

Грязное облако клубилось над черной кляксой поверженного монстра, и только теперь киммериец смог оценить размеры своего противника. Он и не знал, что в океане есть такие огромные создания, хотя среди моряков ходит немало легенд о жутких чудовищах, обитающих в глубине. «Ну вот, с одним мне уже посчастливилось познакомиться», — подумал он, рассматривая меч. Все ещё непривычно было сознавать, что находишься под водой, поэтому Конан немного удивился, убедившись, что клинок совершенно чистый. Ни на руках, ни на одежде не осталось ни малейшего следа только что произошедшей схватки. На всякий случай он еще раз обернулся перед тем, как уйти, чтобы убедиться, что одноглазое чудовище ему не приснилось. Нет, у самой скалы, раскидав пятнистые щупальца, действительно лежала бесформенная груда.

Конан почувствовал сильную усталость. Вокруг не стало темнее, по-прежнему ровный рассеянный свет, не дающий теней, позволял хорошо видеть на несколько сотен локтей. Сколько прошло времени с того, земного утра, когда он проснулся на борту «Праведного пути»? Как долго еще нужно идти? Киммериец задумался об отдыхе, но при мысли о том, чтобы заснуть у какой-нибудь столь же гостеприимной скалы, его кинуло в дрожь. Вложив меч в ножны, он медленно двинулся дальше.

Несмотря на усталость, голова работала четко. Заманив его в океан, мерзкий старик, — а Конан даже в мыслях старался наградить Демона Од'О самыми обидными эпитетами, — наверняка, захотел устроить еще несколько проверок, надеясь, видно, что суровый незнакомый мир быстро укротит грозного короля. «Ждешь, что я приползу к тебе побитой собакой? Этого ты от меня никогда не дождешься!» Своим хитрым изворотливым умом Конан понимал, что идти дальше без отдыха — это верный путь угодить в какую-нибудь очередную ловушку. Но что же придумать? На земле можно было бы забраться на дерево или развести костер, чтобы отпугивать диких зверей... Киммериец усмехнулся. И тут же нахмурился. Диких зверей?

Уже через мгновение Конан решительно возвращался к месту недавней схватки. Наверняка, все окрестные обитатели прекрасно знают грозного хозяина этой скалы и в ближайшее время не станут проверять, как он поживает. Наступая прямо на мягко пружинящее тело чудовища, киммериец, ловко цепляясь за выступы скалы, забрался в темную нору. Он впервые оценил преимущества жизни под водой: ни запаха, ни грязи не было в просторном жилище. Только в углу, видно, на память, одноглазый хозяин сваливал выжатые останки своих жертв. Сдавленные нечеловеческой силой, они были похожи на обрывки тканей или ковров.

Еще раз усмехнувшись, Конан нашел выступ поудобней, сел, привалившись к камню, и погрузился в сон.

Глава 15

Проснувшись, Конан потянулся и, оглядевшись по сторонам, сразу вспомнил, где находится. Ни одна морская тварь не потревожила его сон, и сейчас он чувствовал себя совершенно отдохнувшим и бодрым. При появлении киммерийца из норы, целая стая крупных и мелких рыб, собравшихся на пир у останков морского чудовища, бросилась врассыпную. Лишь одна из них осталась, не испугавшись появления человека. Золотисто-оранжевая, с огромными плавниками и хвостом, тронутыми по краям черной каймой, она походила на диковинную птицу. Подплыв к самому лицу Конана, она, как ему показалось, с любопытством заглянула в глаза, потом, грациозно повернувшись, чуть отплыла, словно приглашая за собой. «По крайней мере, не придется снова гадать, куда идти», — подумал киммериец, спускаясь со скалы.

Его необычный проводник, едва шевеля плавниками, плыл чуть впереди, изредка обворачиваясь, проверяя, следует ли за ним человек. Так они двигались довольно долго, пока Конан не остановился перед невысокой скалой. Она была почти скрыта длинными водорослями. Киммериец хотел было обойти ее, но тут золотистая рыбка, затрепетав всеми своими плавниками, быстро закружилась вокруг его головы. Конан остановился. Она явно хотела привлечь его внимание. Внимательно осмотревшись, киммериец не обнаружил ничего необычного. Тогда рыбка, несколько раз ткнувшись ему в щеку, чуть отплыла назад. Он послушно последовал за ней, все еще не понимая, чего же хочет его странный провожатый. Здесь могла оказаться очередная ловушка, но чутье подсказывало Конану, что это удивительное морское создание, похожее на земной цветок, хочет помочь ему. С удивлением он обнаружил, что обычно пустые и холодные рыбьи глаза сейчас смотрят на него чуть ли не с мольбой. Сосредоточившись, он цепким взглядом вновь общарил все окружающие предметы. Ничего. Рыбка заметалась, она доплыла до скалы, вернулась, вновь повторила этот маршрут, потом, вцепившись в длинный стебель водоросли, сильно его дернула. Ее усилия ни к чему не привели, растение почти не шелохнулось. Догадавшись, что здесь нужна его помощь, и проверяя свою догадку, Конан подошел к скале и крепко взялся за жесткую плеть, усеянную узкими коричневатыми листьями. Растение крепко сидело в песке, но под мускулистыми руками киммерийца поддалось. Медленно показался бледный корень, извиваясь, как

умирающая змея, стебель опустился на песок. Рыбка меж тем уже теребила следующий. Недоумевая, зачем понадобилось выдирать водоросли около этой скалы, Конан, не спеша, принялся за работу. Ему понадобилось немало времени, чтобы расчистить довольно большую площадку. Отойдя назад, чтобы полюбоваться результатами, киммериец чуть не вскрикнул от удивления. Длинные стебли больше не скрывали скалу. В ней легко можно было узнать ту самую каменную руку с поднятым вверх пальцем, которая появилась из болота во время его последней охоты в Аквилонии. Конан вспомнил, что именно упоминание о загадочной скале привело в страшное волнение Гардевира. Что это могло означать? И зачем золотистая рыбка привела киммерийца сюда? На всякий случай он тщательно осмотрел всю доступную поверхность камня, но ничего интересного не нашел. Понимая нелепость своих действий, Конан повернулся к плавающей рядом своей морской спутнице и спросил: — Что это за скала? — Звук собственного голоса показался ему гулким и странным. Но рыбка, похоже, поняла его. Она посмотрела киммерийцу в глаза, легонько ткнулась ему в грудь, потом подплыла к самому каменному пальцу и вдруг резко взмыла вверх. Проследив за ней взглядом, Конан увидел только, как мелькнули в вышине окаймленные черным золотистые плавники. Что этим хотела сказать рыбка, так и осталось неясным.

Оглянувшись по сторонам, киммериец решил идти направо, туда, где сквозь дымку пробивалось сияние. Конан заметил его уже давно, недоумевая, что может так светиться на дне океана. Рыбка не возвращалась, на всякий случай он запомнил, где расположена необычная скала, и отправился на свет. Песок под ногами стал плотным и ровным, вскоре Конан стал замечать, что и водоросли не растут уже как попало, а выглядят словно посаженные опытным садовником кусты. Мимо них шли дорожки, выложенные по краям разноцветными ракушками и мелкими камушками. Что-то знакомое почудилось киммерийцу в темно-красных камнях. Он поднял один и с удивлением убедился, что у него в руках — настоящий рубин. «Богатый же хозяин у этого подводного парка, что украшает дорожки драгоценными камнями», — подумал Конан, но тут же вспомнил, к кому, собственно, шел, и с отвращением отбросил рубин. Теперь уже хорошо было видно, что сияние исходило от огромной лестницы. На нижней ступеньке сидел бедно одетый старик и кормил с рук мальков. Разноцветные блестящие рыбешки сутились вокруг него, дрались, хватая крошки, и издали походили на стайку птиц. В отличие от пернатых, весь переполох происходил бесшумно, слышно было только, как ласково бормочет старик: «Не балуй, не балуй, говорю, всем хватит...»

Конан остановился, озадаченно глядя на эту неожиданную идилию. Старик поднял голову, заметил стоящего киммерийца, тяжело встал, разогнав мальков, и приветливо сказал:

— А, варвар! Дошел-таки!

Начиная тихонько звереть, Конан сообразил, что перед ним тот самый Демон океана, из-за которого вся его устроенная счастливая жизнь в последнее время пошла кувырком. Успев подумать, что этот гнусный старик зря так самоуверенно себя ведет, киммериец сделал только два мимолетных движения: он выхватил меч и что было сил рубанул, надеясь сразу рассечь злодея пополам.

Разноцветными искрами брызнули в разные стороны любопытные мальки, от страшного удара меча на широкой белой ступени появилась трещина.

Улыбающийся Од'О, как ни в чем не бывало, сидел на лестнице в нескольких локтях левее.

Бешенство Конана не имело границ, одним прыжком он вновь оказался рядом с Демоном и рубанул еще и еще раз. Казалось, вода вокруг сейчас закипит от сумасшедших взмахов меча. Он опомнился только тогда, когда осколком мраморной крошки ему оцарапало щеку. Лестница выглядела так, будто ее покорежило сильнейшим землетрясением. Ни малейших следов убитого или хотя бы покалеченного Демона океана не было. Киммериец стоял совершенно один, сжимая в дрожащей от ненависти и бессилия руке бесполезный меч. Стиснув зубы, он несколько раз вдохнул, поймав себя на мысли, что до сих пор не знает, каким образом дышит на дне, вложил меч в ножны и начал подниматься вверх. Борьба еще только начиналась.

Наверное, это был тронный зал. Непонятно, где начинались и заканчивались стены, то ли покрытые затейливыми узорами, то ли увитые водорослями, несколько рядов изящных тонких колонн уходили вверх, потолок отсутствовал, рассеянный жемчужный свет лился со всех сторон, порой казалось, что откуда-то прямо в уши проникает мягкая заунывная музыка. По ногами всеми цветами радуги переливался мозаичный пол. На мгновение странная скованность появилась в движениях, Конан остановился и обнаружил, что вместо простой одежды, порванной и залитой кровью во время стычки с пиратами, на нем теперь великолепные доспехи изумрудно-зеленого цвета. Легкий, необычный на ощупь плащ скрепляла тяжелая цепь, судя по всему, золотая. Первым желанием Конана было сорвать эту дешевую подачку, но, сдержавшись, он, стиснув зубы, двинулся дальше, решив не действовать больше сгоряча.

Зал был огромен. Через несколько десятков шагов перед киммерийцем

внезапно вырос трон. Величественное сооружение, высеченное из черного с золотыми прожилками камня представляло собой пирамиду с широкими пологими ступенями, на вершине которой в креслах с высокими спинками сидели трое. По центру, чуть возвышаясь над двумя остальными, располагался мужчина с жестким некрасивым лицом. Справа от него неестественно прямо и неподвижно сидел другой, помоложе и покрасивей, но такой мертвенно бледности, что это наводило на мысль о тяжелой болезни. И, наконец, слева, чуть прикрыв обнаженное тело прозрачной голубой накидкой, зло кривила красивые полные губы его старая знакомая.

— Наша первая встреча прошла не очень удачно, — звучным голосом начал сидевший по центру мужчина. — Не могу не заметить, что ты сильно попортил мою лестницу. Чего это ты вздумал наскакивать на меня? И, кстати, откуда меч? Панора сказала, что ты остался в лодке совершенно безоружный...

— Мне кажется, вопросов многовато даже для второй встречи, хотя я не помню, где мы с тобой виделись раньше, — презрительно ответил Конан, с трудом сдерживаясь, чтобы не броситься на сидящих на троне. Он уже догадался, что заговоривший с ним и есть Демон Од'О, который просто умеет превращаться в старика. Кто были остальные двое, его не сильно интересовало, хотя имя Панора смущило. Гардевир точно говорил, что уничтожил зловредную колдунью, но эта красотка сама называла Од'О отцом...

Пауза затягивалась. Гость не задавал никаких вопросов, да и хозяева, расположившиеся на троне, не спешили начать разговор, откровенно рассматривая киммерийца. Конан, внешне совершенно спокойный, стоял, чуть расставив ноги, сжимая рукоять меча, и глядел прямо в глаза врагу. Перед повелителем океана предстал уверенный в себе король Аквилонии. Лицо Од'О вдруг странно дернулось, словно он пытался улыбнуться, но не знал как. Он заговорил, и киммериец вновь удивился несоответствию сильного красивого голоса и отталкивающей внешности Демона. Весь он в своих великолепных одеждах, богато украшенных драгоценными камнями, походил на плохо сделанную куклу с грубо вытесанной головой из желтого камня. При разговоре еле двигалась только нижняя челюсть, глаза же вовсе походили на куски серо-голубого льда.

— Вы, люди, ужасно любите всякие церемонии. Признаюсь, я тоже перенял у вас некоторые приемы. К тому же у нас сегодня высокопоставленный гость. Если не ошибаюсь, король... — Демон неуклюже пощелкал пальцами, словно ожидая, что ему подскажут забытое слово. Никто не принял его игру, и он нехотя «вспомнил» сам: —

Аквилонии?

Конана сильно подмывало ответить какой-нибудь подходящей гадостью, которых за время своего долгого пути он подготовил немало, но он лишь неслышно скрипнул зубами и продолжал слушать разглагольствования Од'О.

— Я думаю, — монотонно говорил тот, — что, следуя этикету, мы сейчас отправимся за стол, — киммериец отметил про себя, какая скука отразилась на лице девушки. — А о наших делах поговорим позже. Нашему гостю нужно отдохнуть, мне кажется, сегодняшнюю ночь он провел не самым лучшим образом? — Последний вопрос непонятно к кому относился, как, впрочем, и вся тягучая речь Демона. — Прошу прощения, что не представил сразу: моя дочь Панора, — затем последовал легкий кивок влево: — Октогиум. Сын.

Видно, Конан не сумел скрыть удивления, услышав эти имена, потому что хозяин издал неопределенный звук, лишь слегка похожий на смех:

— Ну, как же, как же, старый болтун Гардевир уже успел напеть о своих успехах в борьбе с моими детьми? Соврал, соврал...

Од'О поднялся с трона и начал медленно спускаться по ступенькам. Его угловатые движения напоминали походку краба.

— Чтобы раз и навсегда положить конец всяческим недоразумениям и неразумным выходкам со стороны нашего гостя, хотел бы заметить, что нападать на меня нет никакого смысла: земные железки не могут причинить мне никакого вреда. — Тут он снова безуспешно попытался скривить лицо в улыбке и доверительно добавил: — К тому же, моя смерть, увы, не разрушит никакие чары. Это там, на земле, достаточно треснуть второсортного мага дубинкой по голове, чтобы все его колдовство рассыпалось в пыль. Я же привык делать все добротно.

Конан невольно сделал шаг назад, когда спустившийся Демон подошел к нему почти вплотную. Од'О был почти на голову выше киммерийца, но очень худ и узок в плечах. Неловкая его фигура, казалось, поникла под тяжестью драгоценных камней, тусклыми гирляндами свисавших с одежды.

— Не бойся, не бойся, не обижу... — Од'О протянул киммерийцу руку. Смерив костлявую фигуру презрительным взглядом, Конан только и прощедил сквозь зубы:

— Кто тебя боится, говорун? Просто противно. — В этот момент лицо стоящего рядом Демона начало странно покачиваться, тело вдруг сделалось гибким. Извиваясь, как змея, он стал подниматься. Одновременно с этим исчез трон черного камня вместе с сидевшим Октогиумом; сердито

плеснув хвостом, уплыла ставшая русалкой Панора. Растворяли колонны, сверху быстро опустилось мутное облако, в котором и пропал Од'О. Конан остался стоять один среди непроглядной белесой мглы.

Глава 16

По-прежнему ничего не видя вокруг, Конан почувствовал, что ноги отрываются от песка, и сильное течение куда-то его несет. Голова закружилась, вспыхнувший ослепительный свет заставил зажмуриться. Когда он открыл глаза, то обнаружил себя сидящим на жесткой лавке. Туман немного рас- § сеялся, киммериец увидел стену, искусно расписанную необычными узорами. Тысячи тонких стеблей с крошечными цветами и бутонами сложно переплетались друг с другом, производя на смотрящего поистине гипнотический эффект. Начинало казаться, что вся картина движется, постоянно меняясь. И вот уже не бутоны и цветы, а маленькие рыбки плавают меж колышащихся водорослей...

Конан тряхнул головой, избавляясь от наваждения. Он сидел в странной комнате, в углах которой притаился мрак. Прямо перед ним стоял стол, и тут только киммериец понял, насколько он проголодался. «В доме врага горек хлеб», — подумал он, глотая слону. С другой стороны верхом глупости было бы закончить жизнь не в битве, а самому уморив себя голодом. Поэтому, отбросив подозрительность, Конан с удовольствием набросился на еду. Он перепробовал почти все блюда, стоявшие на столе. Что-то показалось знакомым, что-то совершенно необычным на вкус, но поел киммериец славно. Не понравились ему только напитки. Конан не мог назвать себя таким уж великим гурманом, но странная густая жидкость только внешне походила на вино, по вкусу это был недосоленный рыбный суп.

— За угощение спасибо, — громко сказал киммериец, ни к кому не обращаясь, и, немного подумав, все же добавил: — Представляю, какая у вас тут тоска, если свою еду вы каждый раз запиваете такой дрянью!

Послышался дребезжащий смех, и тут же невесть откуда взявшиеся гибкие морские змейки, обвив хвостами горлышки, поставили перед ним на стол несколько кувшинов.

— Опять я забыл, что вы на земле пьете совершенно другие напитки! — В голосе невидимого говорившего слышалось искреннее огорчение. — Сам я так и не смог оценить вкус вина. Прошу прощения за мою забывчивость!

— Ничего, ничего, — добродушно заметил Конан, — можешь не извиняться, ты успел уже наделать столько гадостей и мне лично, и людям на земле, что по сравнению с ними несколько кувшинов вина — просто

мелочь!

Темное облако в углу странно заколыхалось, запульсировало, потом вдруг сжалось, и киммериец увидел перед собой пожилого человека, сидящего в кресле с высокой спинкой. Старик заразительно смеялся уже знакомым Конану дребезжащим смехом, мелко-мелко тряся головой и всплескивая руками. Внезапно он замолчал, откинулся в кресле и сказал безжизненным голосом:

— Одна из немногих привлекательных черт в людях — это умение смеяться и смешить. Никогда не отказываю себе в удовольствии принять этот образ, — он неловко провел рукой по лицу, — чтобы отреагировать на хорошую шутку!

— Я уже успел оценить твое чувство юмора, — невозмутимо ответил Конан. Он понимал, что настал, наконец, тот момент, когда Демон океана ответит, зачем ему по надобился король Аквилонии, и спокойно ждал. Вся его ненависть к этому хихикающему старику собралась в плотный тугой комок где-то глубоко внутри, но враг был не так прост, и время решительных действий еще не настало.

— Ты мне нравишься, король Конан, — так же без выражения продолжал Од'О, — я наблюдал за тобой и теперь хочу тебя обрадовать: я уже стар...

— Неужто, помирать собрался? — не сдержался киммериец. — Спасибо, это действительно радостная новость.

— Как вы любите перебивать собеседника, — укоризненно глянул на него Демон. — Все горячитесь, спешите куда-то, оно и понятно, живете-то недолго, а желаний мно-о-ого... — Манера Демона говорить медленно, растягивая слова, раздражала Конана, к тому же после хорошего обеда и вина он чувствовал себя уверенно и поэтому продолжал бесцеремонно перебивать занудливого стариака:

— Ты бы, приятель, поменьше вмешивался в наши земные дела, сидел бы на дне да рыбок кормил...

— Я тебе не приятель, — внезапно взвизгнул Од'О, поднимаясь. Теперь перед киммерийцем вновь стоял высокий худой человек в дорогих одеждах. — Не зарывайся, здесь ты в моей власти, мне стоит только мигнуть, и от тебя и песчинки не останется! Ты, кажется, недооцениваешь мое могущество! А не задумывался ли ты, гордо называющий себя королем клочка суши под названием Аквилония, где ты находишься и как далеко сейчас от тебя ближайший глоток воздуха? Между тем, ты дышишь, разгуливаешь по дну, даже ешь и пьешь вино!

Тут он был прав, Конан не мог с этим не согласиться. Демон

продолжал. Голос его стал спокойней и тверже:

— Я сделай так, что ты пришел ко мне. Пришел, как враг. Но я не хочу с тобой воевать, к тому же это совершенно бессмысленно. Сейчас ты зол на меня, король Конан, я оторвал тебя от привычной жизни. Но все это вернется, ты получишь гораздо больше. — Заметив нетерпеливый жест киммерийца, Од'О чуть повысил голос: — Не торопись, выслушай. Тебе пятьдесят лет, ты правишь большой и богатой страной, у тебя красавица жена, десятилетний сын. Видишь, я все о тебе знаю... Я знаю, кем ты был, и никогда не поверю, что время может так изменить Конана из Киммерии, чтобы он стал спокойно доживать век во дворце, разбирая вздорные тяжбы баронов, пересыпая из сундука в сундук золото, которое и украсть-то не у кого, провожая усталым взглядом хорошенку служанку и завидуя родному сыну, у которого впереди вся жизнь...

Ты ненавидишь меня, но ты сам никогда не был праведником, ты добивался своей цели, чего бы это ни стоило...

— Но я никогда не продавался врагам, — жестко перебил Конан. — Что тебе нужно, говори, хватит читать мне проповеди. Моя жизнь тебя не касается!

— Ошибаешься. Касается. Более того, твоя жизнь в моих руках. И не только твоя. — Од'О немного помолчал, а затем, как бы про себя, задумчиво сказал: — Не представляю, какую душепитательную историю расскажет старина Гардевир малютке Конну, — так ведь, кажется, зовут твоего сына? — когда тот поинтересуется, куда же подевался папа и почему у мамы такое странное лицо...

Конан вскочил, чуть не перевернув стол:

— Что тебе нужно, проклятый водяной? Говори!

— Власти, — кротко ответил Демон, не обращая внимания на гнев киммерийца. — Не тебе объяснять, что это такое. Садись. Разговор будет долгим.

— При чем здесь я?

— Ты правильно заметил, что я водяной. В своем царстве я властвую безраздельно. Теперь мне нужна земля. С твоей помощью я приберу к рукам сушу и стану во главе Мира.

— С моей помощью?

— Да. Ты смел и хитер, достаточно безжалостен. Тебе не хватает только знаний. Я возьму тебя в ученики.

— Меня в ученики? — Конан ошеломленно смотрел на Демона.

— Да. Подумай немного, и ты меня поймешь. Самые заклятые враги могут когда-нибудь стать друзьями, если им нечего будет делить. Ты

станешь могущественным магом, я верну тебя на землю, дам бессмертие и огромную власть. Ты ненавидишь меня за то, что я сделал твоим людям? Во время любой войны всегда есть жертвы. Вернувшись, ты сам будешь распоряжаться их судьбой. Ты вернешь красоту своей жене, спасешь Шамар. Одно движение твоей руки, и берег в Мессантии снова будут покорно лизать лазурные волны.

Демон океана откинулся в кресле, наслаждаясь нарисованной картиной будущего благополучия.

— Я знаю себе цену, — медленно проговорил Конан, собираясь с мыслями, — но я только человек. Почему ты обращаешься ко мне?

— Ты не глуп. Ладно, буду откровенным до конца. Этот вредный старик, Гардевир, наверняка говорил тебе о Великом Равновесии. — Од'О слегка поморщился. — Любое темное порождение магических сил рождает и свою противоположность. Это Равновесие удерживает Мир от самоуничтожения. Ты уже знаешь о моих детях. Их матерью была земная женщина, но мне удалось передать Паноре и Октогируму огромную силу. Они родились на земле, но в них было больше от демонов, чем от людей. Тогда же появился и Гардевир. До меня ему, конечно, не добраться, но дочь мою он все же победил. Октогируму повезло и того меньше. Видно, скверный характер и ум он взял от матери. Ну, и получил. Я сумел вернуть детей в океан. Но на земле они теперь мне не помощники. Панора хоть недолго может выходить, правда, не сама, фантома вызывает, призрака. А Октогирам и вовсе больной стал. Но это со всеми магами, кто через лед проходит, случается. Вот и выходит, что снова я без помощников остался. Вы же, люди, живете по своим законам. Вы бессильны против наших заклинаний, но иногда действия самого обыкновенного человека, словно крохотная песчинка, попавшая в сложный механизм, могут разрушить самые хитроумные и сильные чары. Ваша звериная хитрость, безрассудство, совершенно нелогичная жертвенность порой творят чудеса, недоступные нам...

Демон покачал головой и испытующе посмотрел на Конана. Выдержав его холодный взгляд, киммериец глубоко вздохнул и медленно проговорил:

— Ты забыл еще об одном: эти жалкие, с твоей точки зрения, существа, населяющие землю и вечно путающиеся у вас под ногами, знают, что такое честь. Если ты так хорошо все про меня узнал, с чего ты решил, что я могу быть предателем?

— Ну, вот, я так и знал, — в голосе Од'О послышались капризные ноты. — Я не прошу тебя никого предавать, я предлагаю тебе; власть, новые возможности, новую жизнь, в конце концов!

— В качестве кого? Твоего слуги? — Конан вновь вскочил.

— Упрямец! У тебя нет выхода! — Теперь стоял и Демон. Глаза его излучали мрачный огонь. — Ты можешь изображать праведный гнев, но для меня твои слова пустой звук! Я даю тебе время подумать, знаю, что люди любят сгоряча бросаться самыми страшными клятвами, тебе надо остыть. Но поторопись, я не привык долго ждать.

Последние слова прозвучали глухо, некрасивое лицо Демона стало исчезать, и уже из темного облака, в которое он превратился, до Конана долетели обрывки фраз:

— Поторопись... Тебя ждут... Аквилония — красивая страна...

Голову словно сдавило железными тисками. Сердце бешено колотилось в груди, перед глазами плыли разноцветные круги. Киммериец в бешенстве сжимал кулаки, стоя посреди подводной комнаты. Этот негодяй дал ему время подумать! Ловушка. Дьявольски хитрая и опасная ловушка! Находясь в самом логове врага, поставленный перед выбором, которого на самом деле не было, ибо как выбирать между предательством и смертью, Конан как никогда был близок к отчаянию. Он думал не о себе, ведь, предпочтя гибель, он ничем не сможет помочь людям, оставшимся на земле!

Давая выход накопившейся злости, киммериец что есть силы двинул ногой стол с остатками еды. В любом земном трактире посуда бы с грохотом полетела на пол, но под водой это получилось медленней и не принесло Конану никого удовольствия.

— А ты злой, — услышал он тихий вкрадчивый голос. Резко повернувшись, он увидел стоявшую Панору. Складки голубого платья колыхались вокруг стройных ног, словно девушка стояла под струей воды. Странно, но сейчас ее лицо не выражало привычной уже киммерийцу ненависти. За свою долгую и бурную жизнь Конан перевидел сотни женщин и не раз удивлялся тому, как менялись их лица под влиянием внутренних переживаний. Самая простая и неинтересная женщина становилась красавицей, дав волю своему гневу или страсти. Случалось наблюдать и обратное: ослепительные герцогини и баронессы превращались в сварливых торговок, теряя весь свой лоск во время ссор. И вот теперь стоявшая перед ним девушка, — хоть он не на мгновение не забывал, что это дочь его врага, сама опасная колдунья, — казалась незнакомой, словно умытой свежей утренней росой, и поэтому удивительно красивой. Серо-голубые глаза ее потеплели, легкий румянец играл на щеках, приоткрытые губы, казалось, вот-вот сложатся в славную улыбку. На ней был тот же наряд, что и в тронном зале, но если тогда

киммериец лишь со злостью мимоходом отметил про себя, что девица вы-4ставила напоказ свои формы, то теперь при взгляде на ее грудь под легкой тканью платья его обдало жаром. Конан удивился сам себе: давно забытое ощущение мальчишеского волнения заставило опустить глаза.

— Я слышала, вы резко поговорили с отцом... — В голосе Паноры ясно слышалось смущение.

«Что со мной?» — поразился киммериец, с трудом удерживаясь от желания немедленно броситься к девушке, подхватить на руки и забыть всю свою хлопотную жизнь, утонув в этих смущенных и зовущих серых глазах.

Панора сделала к нему несколько робких шагов и продолжала:

— Он не хотел тебя обидеть, вы оба сильные, достойные противники, почему бы вам не попробовать понять друг друга... — Конану было уже абсолютно все равно, что она говорит, он видел только одно: еще немного, и она будет в его объятьях.

Прикосновение ее руки было таким легким, что он даже не почувствовал, а лишь представил его, задохнувшись от нетерпения. Еще мгновение — и в сплетении тел было уже не разобрать, где Конан, разом помолодевший, горящий от страсти, а где гибкая Панора — отдающаяся и ускользающая.

Словно тяжелые оковы упали с ног — сильные упругие волны подхватили и понесли их, срывая одежды, все сильнее и сильнее кружка потерявшего голову киммерийца. Уже не разбирай, где верх, где низ, не выпуская из рук свою драгоценную добычу, он почти терял сознание, поражаясь ее изменчивости. Как будто десятки разных женщин побывали в его руках: жаркая южная красавица душила его в объятьях, скромная юная девушка покрывала бесчисленными поцелуями лицо, опытная искушенная дама, забыв себя, издавала сладострастное рычание под его сильными руками... Сколько прошло времени? Мягкий ковер из водорослей принял истомленные тела, готовые навеки слиться друг с другом. Не чувствуя ни малейшей усталости, Конан, отстранившись на мгновение, увидел запрокинутое искаженное страстью лицо с закрытыми глазами, приоткрытые зовущие губы...

Что-то с силой ударило его по глазам, заставив зажмуриться. Ничего не понимая, он вновь потянулся к девушке, но вместо горячего страстного рта его губы встретили холодную чешую. Золотая рыбка, его давешняя спутница, металась прямо перед его лицом. Ослепительно яркое воспоминание заставило на миг померкнуть окружающую действительность: Конан увидел Зенобию, державшую на руках сына —

совсем еще крошечного, голенького. Малыш вертел головой, недовольно морщился и готовился заплакать.

Наваждение разом оставило киммерийца. Руки разжались, он в недоумении посмотрел на лежащую рядом Панору, заметил царапины на своей груди, судорожно облизнул все еще горевшие губы. Что это было? Какое гнусное колдовство швырнуло его в объятия этой лицемерной ведьмы?

Наблюдавшая за ним сквозь полуоткрытые глаза Панора среагировала быстрее. Сильным ударом ногой в живот она оттолкнула Конана как раз в тот момент, когда его руки уже были готовы сомкнуться на ее шее.

— Не смей прикасаться ко мне, зверь! — сквозь зубы процедила она и, не ожидая реакции киммерийца, резко взмыла вверх.

Глава 17

Проклятье, — поднимаясь, подумал Конан, испытывая одновременно и стыд и злость. Первым делом он схватился за оружие. Странно, что в пылу страсти он еще не успел сорвать с себя меч. При мысли о том, что могло с ним произойти, холодок пробежал у него по спине. Еще немного, и Од'О получил бы тепленького безоружного Конана, готового к обучению подводным премудростям Демона. Киммериец хорошо знал себя и мог полностью отвечать за свои поступки, если только в дело не вступала магия.

Поискал глазами рыбку, он опять удивился, откуда взялся его неожиданный друг и помощник в этом чуждом мире. Золотистое тельце доверчиво юркнуло в подставленную руку, внимательно глядя на киммерийца умными глазами. Затем история повторилась: снова, как и в прошлый раз, рыбка, грациозно помахивая хвостом, куда-то звала Конана, немного отплывая и вновь возвращаясь. По тому, как нервно вздрагивали окаймленные черным плавники, и как она пугливо вздрагивала, стараясь держаться к человеку поближе, киммериец догадался, что идти нужно осторожно.

«Од'О, видно, сильно во мне заинтересован, — думал Конан, пробираясь между скал. — Скорей всего, это была попытка разоружить меня, ну, и заодно, с помощью чар Паноры лишить меня воли». Он старался не думать, что ожидало его дальше, удавая эта попытка, роль какого монстра уготовил ему властолюбивый повелитель океана. Конан постарался вспомнить, как все происходило после ухода Демона. Только ли колдовство лицемерной красавицы было причиной временного затмения, нашедшего на него? Если Панора, действительно, так сильна, то, — насколько киммериец знал женщин, — первую попытку соблазнить его она должна была предпринять гораздо раньше. Пусть на земле она могла находиться только как фантом, но, уж наверное, можно вести себя и полубезнее с человеком, которого собираешься затащить в уютную постель из водорослей! Нет, она явно терпеть не могла Конана.

— Морская шлюха! — вслух выругался киммериец. Золотая рыбка в испуге шарахнулась прочь. — Прости, малыш, — успокоил ее Конан, — это не про тебя. Я просто снова вспомнил славную дочурку местного царька.

Его золотистая спутница завертелась волчком, выражая согласие с

мнением человека. Киммерийцу даже показалось, что она сплюнула от досады, но тут же вновь прижалась к его щеке, призывая к тишине. Конан разозлился на себя за несдержанность и, кивнув, молча последовал за своим провожатым. Около огромной мрачной скалы рыбка остановилась и стала подниматься, глядя на него.

С легкостью, несмотря на свой возраст, киммериец преодолел несколько десятков локтей почти отвесной скалы, пока не оказался на крохотной, в две ступни шириной, площадке. Странно, но нигде не видно было его маленького проводника, не мелькал у его лица хвост с черной каймой. Осмотревшись, он обнаружил узкую щель, в которую, видно, и нырнула рыбка. Изловчившись, Конан протиснулся внутрь, для этого пришлось снять меч и нести его в руке. Сразу же кромешная тьма окружила его, но легкое прикосновение к щеке прохладных шелковистых плавников подсказало, что идет он верно. Несколько раз больно ударившись о низкий потолок, киммериец вдруг уперся в стену. «Неужели, тупик?» - мелькнула неприятная мысль, но почти сразу справа в темноте забрезжил свет, и, повернув, через несколько шагов Конан оказался перед маленьким окошком. Откуда-то доносились невнятное бормотание.

Затаив дыхание, киммериец выглянул наружу. Удивительная картина предстала его глазам. В огромной котловине, окруженной скалами, беспорядочными грудами лежали затонувшие корабли. Какая-то страшная сила собрала их здесь, свалив на песок. Еще можно было различить гордые линии некоторых галеонов и бирен, другие же, уже неузнаваемые, разломанные и облепленные ракушками, походили на объеденные туши огромных зверей, оставшихся на месте страшной битвы. Теперь уже ясно можно было различить голоса, доносившиеся откуда-то сбоку. Конан сразу их узнал. Говорили Од'О и Панора. И даже не столько говорили, сколько ссорились. Поминутно срываясь на крик, Панора бесцеремонно выговаривала отцу:

— Что за идиотские мысли приходят в твою старую башку! Зачем тебе понадобился этот Конан? Нашел ученика! Он злой! И старый!

— Но, милая, если он согласится, я верну ему молодость, — мягко возражал Од'О. — К тому же, не забывай, сколько лет тебе.

— Я — другое дело! Я дочь Демона океана, а он смотрит на меня, как на девку из кабака! Мужлан!

— Но ведь у тебя почти получилось...

— Получилось, — передразнила Панора, — если бы он не вспоминал все время свою жену! Отними у него память! А еще лучше — убей!

— Но, дочурка, без памяти Конан мне не нужен, к тому же, пока у него

меч Короля Атлантов, я бессилен. Откуда он его взял, ума не приложу.

— А ты приложи! — От ее пронзительного визга у киммерийца заныли зубы. Внимательно ловя каждое слово, он крепче сжал рукоять меча. Вот, оказывается, какой неожиданный дар преподнес ему затонувший корабль! — Только и знаешь, что хвастаться своим могуществом, а первый попавшийся варвар разгуливает по дну у тебя под носом и вытворяет, что захочет! Ты хоть знаешь, где ночевал твой способный ученик? Он между делом убил Черного Малыша и спокойно выспался в его норе! Ненавижу!

— Ну, ну, не сердись. — Демон говорил удивительно мягко и ласково. Конан подумал, что на его месте он, скорей всего, хорошенъко выдрал бы дочурку пучком крепких водорослей. — Не все еще потеряно. Раз он так хорошо помнит о земле, нам это и пригодится. Я устрою ему такую ловушку, в которой по уши увязнет грозный король Аквилонии! — стальные ноты зазвучали в голосе Од'О. Киммериец насторожился. Он осторожно придинулся поближе к окошку, стараясь разглядеть говоривших. Совсем рядом, на каменном выступе словно срезанной ножом скалы, спиной к нему, стояла Панора. Перед ней колыхалось темное облако, в котором то проступал, то исчезал силуэт человека. От неудобной позы у Конана быстро затекла шея, но он боялся пошевелиться, потому что почувствовал, как довольно большой камень во время его перемещений отделился от стены и уперся в плечо.

— Мне понадобится твоя помощь, — силуэт в облаке пропал, оно потемнело, сгустившись, — нанесем несколько визитов на землю.

— Никуда я не пойду! — Это было уже похоже на истерику. — Ты опять обманул меня! Обещал тако-о-ого мужчину, а привел какого-то бешеного пса! — Конану показалось, что скрип его зубов разнесся по всей котловине. — Мне надоело плескаться с рыбами и валяться на песке со скатами, я хочу мужчину!

— Родная, не прибедняйся, я прекрасно знаю, что у тебя в запасе полные трюмы великолепных утопленников, а свои игры со скатами ты забросила еще лет двести назад! Можешь немного развлечься, пока я навещу старых приятелей, но прошу тебя, будь поэкономней, не расходуй Изумрудную жидкость зря, ты знаешь, каких усилий требует от меня получение каждой капли...

— Старый скупердяй, жалеешь для дочери даже крох радости!

— Да нет же, мне для тебя ничего не жалко, но, прошу тебя, потерпи, когда ты получишь живого Конана, ты поймешь, что старик-отец подумал и о тебе. Может, ты пока найдешь Октогирума? Не знаешь, куда он подевался?

— Ах, да где он может быть, шляется где-то здесь по каютаам, ищет всякую земную дрянь. Мне иногда кажется, что он меня не слышит. Спрашиваю его, а он молчит, только смотрит и улыбается, как рыба-луна. Зачем ты его вытаскивал оттуда?

— Он мой сын, в нем заключена часть моей силы. Как и в тебе. Я ведь уже рассказывал тебе. Тысяча лет понадобилась мне для того, чтобы найти Четыре Главных Заклинания, дающие власть над миром. Когда будет закончен мой труд, Первое должен буду произнести я сам, Второе — мои дети от земной женщины, Третье — мой ученик. Лишь тогда можно будет прочесть последнее, Четвертое, уже начертанное невидимыми буквами на каменном пальце, связующем мир Земли и Воды. И я стану Властелином Мира.

— Зачем тебе вся эта суeta? — недовольно спросила Панора. — Не проще ли океану поглотить сушу вместе со всем этим сбродом?

— Ты, по-своему, права, дочка. Но подумай сама: от меня тебе досталась ненависть, от матери ты получила неумеренное сладострастие. Что будешь делать ты, бессмертная, навеки оставшись без мужчин? Перебирать свои запасы?

— Ах, папа, ты изdevаешься! Даже твоя Изумрудная жидкость не может вернуть трупу все дыхание жизни! Мне надоела эта возня с разбухшими телами утопленников!

— Милая! Так ты еще не поняла, зачем нам нужен живой Конан? Он же человек, настоящий, горячий, буйный. Именно он вернет тебя на землю!

Киммериец увидел, как Панора подошла к самому краю площадки и задумчиво посмотрела вниз, на подводное кладбище кораблей.

— На землю... — медленно протянула она. — Я снова смогу жить среди людей... — затем, обернувшись, резко спросила: — А тебе это зачем?

— Ах, дочурка, о чём ты спрашиваешь? Для меня нет ничего слаще власти. Мне мало океана! Реки, ручейки, болота... Земля гораздо интересней! Править миром! Самому создавать и разрушать острова, да что — острова! Континенты! Заселять материки и стирать из истории целые народы, сталкивать и мирить страны... Вот так я себе представляю свое будущее!

Панора благоговейно наблюдала, как облако, извергающее громовые слова, росло,ширилось, по нему пробегали яркие сполохи, как по грозовой туче. Зрелище было впечатляющим, и Конан, скорчившийся в своем тесном убежище, внезапно осознал, какая страшная угроза нависла над миром. Теперь, подслушав разговор Демона с дочерью, киммериец узнал, наконец,

планы Од'О. Сознание странно раздвоилось: с одной стороны, Конан ощущал себя затерянным в толщах океана исполнителем чужой злой воли, а с другой — живое горячее сердце бешено колотилось у него в груди, а холодный разум уже решил разрушить этот дьявольский замысел. Одновременно простая и сложная задача стояла перед киммерийцем: уничтожить хотя бы одного из четырех носителей Главных Заклинаний. В самой глубине сознания Конан уже решил для себя, что если понадобится, то этим одним будет он сам. Это был крайний вариант, пока же киммериец внимательно дослушал разговор врагов. Он никогда не сдавался без боя.

Од'О отправился на поиски Октогиума, еще раз попросив Панору беречь Изумрудную жидкость.

— Рассчитывай свои силы, дорогая, — сказал он на прощание, — иначе получится, как в последний раз. Ты устала и заснула, а шестеро оживленных тобой утопленников разбрелись по дворцу. Мы с Кусаргом два часа гонялись за ними, пока не отловили. Не делай так больше, у меня очень много дел, я не хочу отвлекаться.

После чего Демон пропал, а девушка, немного постояв на краю, отошла, пропав из поля зрения Конана. Сгорая от любопытства, киммериец попытался высунуть голову в окошко, но добился лишь того, что камень, до этого удобно расположившийся у него на плече, свалился на ногу. От неожиданности Конан дернулся, сильно ударившись о каменную стену. Послышался скрежет, что-то зашевелилось у него под ногами, и огромный кусок скалы рядом с отверстием двинулся с места и, увекая за собой крупные и мелкие камни, рухнул вниз. Киммерийцу показалось, что вздрогнули все окрестные скалы. Затаив дыхание, он вжался в узкую трещину, чувствуя спиной каждый выступ камня. К счастью, поднявшаяся после обвала туча песка быстро скрыла его от удивленного взгляда Паноры.

— Проклятье! Все горы изъедены, словно сыр мышами! — услышал он недовольный голос. Надо будет попросить отца поставить здесь новые.

Под прикрытием все еще висевшего в воде песка, Конан быстро нашел новое убежище, откуда можно было незамеченным продолжать следить за Панорой. Колдунья, ничего не подозревая, подошла к скале и положила руку в выемку. Бесшумно открылся проход, в который девушка и вошла. Конан дорого дал бы, чтобы последовать за ней, но сейчас было слишком рискованно покидать укрытие.

Панора появилась довольно быстро. Она несла небольшой замысловатой формы сосуд, на губах ее играла мечтательная улыбка. Не глядя по сторонам, погруженная в свои мысли, девушка стала спускаться

по узкой лестнице вниз в котловину. Краем глаза Конан заметил, что золотистая рыбка снова держится рядом. Киммериец крепко сжал в руке 'волшебный меч. Все это придало ему уверенности, и, стараясь ступать бесшумно, он последовал за дочерью Демона.

Вначале она двигалась быстро и уверенно, потом ее шаги замедлились, и Панора в нерешительности остановилась между двумя почти одинаковыми галеонами. Конан, выглянувший из-за форштевня какой-то полусгнившей галеры, чуть не присвистнул от удивления: так вот где все-таки встретились корабли заклятых врагов! Умышленно или случайно, друг напротив друга лежали старинные знакомые — «Вастрель», капитаном которого Конан был почти двадцать лет назад в Зингаре, и пиратский галеон «Петрель». Время и морская вода уже основательно потрудились над обломками гордых кораблей.

Панора, что-то про себя решив, приблизилась к пробоине в днище «Петреля» и два раза щелкнула пальцами. Сразу же несколько крупных морских змей появились перед ней, угодливо свивая в кольца отвратительные пятнистые тела. Далее девушка произнесла ряд свистящих звуков, судя по всему, отдавая приказ, потому что моментально все чудовища исчезли внутри корабля. Дальнейшее заставило содрогнуться даже Конана, навидавшегося за свою жизнь разного мерзкого колдовства. Одна за другой, змеи появлялись из пробоины, таща за собой погибших моряков. Аккуратно уложив тела на песке, исполнительные слуги отплывали в сторону и замирали, вытянувшись в струнку. Странно, утопленники выглядели так, будто еще вчера ходили по земле. Конечно, красавцами их назвать было нельзя, но они совершенно не походили на пролежавших десяток лет на дне. — Прекрасно, прекрасно... — еле слышно бормотала Панора, — Бальзам Белой каракатицы действует отлично. Пожалуй, этих четырех я оставлю на потом, а эту парочку возьму сейчас- Последовало еще одно шипящее. указание, и змеи исчезли, унося лишних, а около дрожащей от вожделения колдуны лежали два трупа. Киммериец со своего места не мог разглядеть лиц тех, на ком остановила свой выбор морская сластолюбица, ясно было только, что при жизни это были молодые крупные парни. Собственно, среди пиратов редко попадались хлюпики. Мимоходом Конан удивился тому, что все утопленники были совершенно голыми. Неужели эти дрессированные змеи еще и раздеваются моряков в угоду своей хозяйке?

Панора очень осторожно открыла сосуд и, держа его на вытянутой руке, наклонила над одним из тел. Киммериец, вытянув шею и затаив дыхание, старался не пропустить ни единого движения девушки. Слабое

зеленое сияние появилось около горлышка. Оттуда ничего не выливалось. Сияние стало ярче, изумрудным облаком накрыв моряка. Панора тут же закрыла сосуд и быстро отскочила, так что облако ее не коснулось. Через некоторое время она повторила всю процедуру со вторым утопленником, после чего отошла в сторону и стала ждать.

Конану показалось, что бледные тела стали размягчаться, словно глина, расплываясь по дну. Скоро он понял, что это обман зрения и с ними ничего не происходило, просто вокруг волновалась вода. Панора с горящими глазами следила за воскрешением. Взглянув на нее, киммериец на мгновение вспомнил свое наваждение, такой безумной страстью веяло от девушки.

Первый мужчина сел так резко, что Конан от неожиданности вздрогнул. Глаза моряка были открыты, но ничего не выражали. Он, видно, еще не чувствовал своего тела, потому что руки и ноги его были неестественно вывернуты. Зеленое сияние ослабело, но еще окружало его, отчего кожа приобрела жуткий мертвенный оттенок. Следом сел и второй. Более коренастый и смуглокожий, это был совсем молодой парень. Он напоминал только что проснувшегося младенца. Но вот уже их позы стали естественней, первый оживленный повернул голову, несколько раз сжал кулаки, попытался встать.

— Слушать меня! — громко произнесла Панора, убедившись, что мужчины пришли в себя, а изумрудное сияние пропало.

Оба моментально повернулись на звук ее голоса.

— Встать! — Воскресенные резво вскочили, не сводя с девушки глаз. Панора посмотрела на сосуд с Изумрудной жидкостью, который все еще держала в руке, видимо, решая, отнести его обратно или нет. Пересилило же лание, поэтому, оглядевшись по сторонам, она отошла на несколько шагов и аккуратно поставила сосуд рядом с поваленной мачтой галеона. Конан почувствовал, как что-то холодное ткнулось ему в ухо. Но и без этого сигнала его маленького друга он понял, что нужно делать. Киммериец благодарно посмотрел на рыбку и кивнул. Колдунья уже снова стояла перед обнаженными мужчинами и одобрительно их рассматривала. Судя по всему, она осталась довольна.

— Запоминайте: вы никто и пришли ниоткуда. Вы мои рабы и будете выполнять только мои желания. — Сладко зажмурившись, она повторила: — Мои желания. Вспомните, как вы ласкали своих женщин. Теперь будете это делать со мной. Если мне что-то не понравится, я тут же вас уничтожу.

Не дрогнув, воскресенные выслушали Панору и сразу же двинулись к ней. Может, в другой ситуации Конан и не отказал бы себе в удовольствии

понаблюдать за постельной («песчаной», — мысленно поправился киммериец) сценой между двумя пиратами и дочерью Демона океана, но перед глазами еще живо стояла картина извлечения трупов из корабля с помощью морских змей, поэтому Конан брезгливо отвернулся. Теперь предстояло выбрать момент и незаметно выкрасть сосуд с Изумрудной Жидкостью. Рыбка вертелась перед глазами, явно предлагая свою помощь. Киммериец с сомнением посмотрел на слабое тельце. Нет, дружок, эта ноша не про тебя. Тут ему в голову пришла неожиданная мысль: почему, собственно, нужно прятаться? Девица, конечно, опасна, — Конан с содроганием вспомнил, как лихо она превратила в студень нахальных пиратов, — но Од'О сам признавал, что бессылен против обладателя меча Короля Атлантов. А Изумрудной Жидкости, похоже, она побаивается сама... Не очень хорошо представляя, что будет делать после того, как захватит волшебный сосуд, Конан решил рискнуть. Это было вполне в его характере. Он медленно встал, разминая затекшие ноги, вынул из ножен меч и под ошарашенным от такой смелости взглядом рыбки шагнул из укрытия.

Занятая собой троица, уже превратившаяся в рычащий и стонущий клубок, не обратила на него никакого внимания. Он беспрепятственно подошел к мачте и взял в руку сосуд. Теперь можно было разглядеть, что странная посудина формой своей походила на голову необычного животного, отдаленно напоминавшего слона. Горлышко-хобот было плотно закупорено блестящей пробкой. Сосуд был тяжелым и теплым на ощупь.

От страшного вопля, ударившего по ушам, киммериец чуть не выронил добычу. Воскрешенные пираты с ошелевшими лицами валялись на песке, а перед ним стояла совершенно голая Панора со встрепанными волосами. Искаженное яростью ее лицо было неузнаваемым. Казалось, еще мгновение, и она вцепится Конану в горло. Странно, но никакого страха он не испытывал. Приподняв сосуд с Изумрудной Жидкостью и указывая на него мечом, киммериец с веселой злостью спросил:

— Это не ты потеряла, милашка?

Глаза Паноры налились мрачным огнем, она вытянулась, завертелась на месте, стройные ноги превратились в рыбий хвост, взмыв кверху, русалка страшным голосом приказала:

— Убейте его! — Словно завороженные, пираты поднялись и неторопливо пошли на Конана.

— Да, у тебя сильные воины! — смеясь, сказал киммериец, легко поигрывая мечом.

— Идиоты! — завопила колдунья. — Куда претесь с голыми руками!

Оружие! Возьмите оружие!

Растерянные парни топтались на месте, не соображая, что же им делать. Тот, что помоложе, вдруг резво подскочил к борту галеона и, схватившись за торчавший из пробоины кусок обшивки, легко отодрал здоровенную доску. Ни один живой человек этого сделать бы не смог. С утробным ревом он двинулся на Конана. Краем глаза следя за вторым, киммериец приготовился отразить нападение. К счастью, огромная доска не позволяла пирату быстро двигаться. В тот момент, когда он, размахнувшись, уже готов был опустить ее на голову противника, Конан, увернувшись, глубоко всадил меч ему в живот и с силой дернул вверх. Широкая дыра распахнулась посреди голого белого туловища, колени пирата подогнулись, и он свалился навзничь, уронив на себя обломок доски. Ни одной капли крови не вылилось из несчастного тела, второй раз принявшего смерть.

Все произошло очень быстро, однако, повернувшись, киммериец обнаружил, что второй утопленник успел вооружиться получше. Откуда-то взявшийся в его руке меч выглядел похуже, чем у Конана, но, судя по стойке и хорошо заметным на бледной коже шрамам, при жизни это был опытный боец. Первые несколько взаимных выпадов отражались легко, но тут пират провел необычный хитрый прием и чуть не отсек киммерийцу руку, державшую сосуд. Торжествующий крик Паноры подсказал ему, что здесь не обошлось без магии. Притворившись, что отступает под натиском пирата, Конан сделал несколько шагов назад и внезапно, во время очередного прямого выпада увлекшегося атакой противника, резко отскочил в сторону, и присел, одновременно сильно ударив его по ногам. Король Атлантов знал толк в оружии. Волшебный меч, направляемый уверененной рукой короля Ак-вилонии, отсек обе ноги врага, словно березовые прутики.

Конан только и успел, что широко улыбнуться беснующейся Паноре, когда на ее зов из всех щелей полезли морские змеи. Скользкие гибкие твари устремились к киммерийцу, разевая багровые пасти. Несколько взмахов меча, и вода вокруг него заполнилась кусками пятнистых тел и черной кровью. Ничего не различая в этой каше, он попытался выбраться, но почувствовал, как что-то обвилось вокруг ноги. Конан успел перерубить змею, но равновесие не удержал и кубарем покатился по песку. Чудовища и сами, видно, потеряли его в пылу борьбы, потому что, выбравшись из темного облака крови, киммериец беспрепятственно встал на ноги.

И очутился лицом к лицу с Панорой. Их распаленные лица разделяло не больше локтя. Глядя прямо в глаза демонскому отродью, Конан

медленно поднял меч.

Яркая вспышка заставила его зажмуриться, а от громового голоса над головой заложило уши:

— Остановись, варвар!

Глава 18

Секундного замешательства Конана хватило Паноре, чтобы отскочить в сторону. На ее месте уже высыпался Од'О. Сейчас он был раза в три выше человека и выглядел очень грозно, хотя его одежда, несмотря на серьезность ситуации, могла бы вызвать смех: отдельные детали странного вида доспехов были одеты прямо на кружевное белье, на ногах отливали золотом ночные туфли. «Э, приятель, да ты сильно спешил!» — подумал Конан, насмешливо разглядывая Демона. С мечом Короля Атлантов в одной руке и Изумрудной жидкостью в другой, киммериец чувствовал себя уверенно. Чуть поодаль он заметил Октогирума. Все такой же бледный, как и при первой их встрече, сын Од'О, как показалось, с изумлением рассматривал следы битвы на песке.

— Самонадеянный человечишко! — прогремел Демон океана, глядя сверху на Конана, — ты пошел против меня? Твоя дерзость будет наказана! Знай же, что я наложил на людей земли страшное заклятье! Его сила настолько велика, что теперь даже я не смогу его снять! — Конан хорошо видел, как за спиной Од'О злорадно улыбнулась Панора. — Гляди!

Од'О протянул руку и выронил на песок небольшой шарик. На месте его падения образовалась воронка, оттуда брызнул яркий свет, затем, — словно раздвинул занавес, — киммериец увидел перед собой берег моря, город. Не сразу он понял, что перед ним Мессантия. Гниющее море наступало, заливая дома, на улицах лежали разбухшие трупы, тучи мух роились над ними. На широкой площади среди толпы испуганных людей черный стражник спешно зачитывал приговор «колдуна и злодею, гнусному аквилонскому шпиону, именующему себя Зубником». Черные траурные полотнища свисали из окон дворца герцога.

— Мальчик все-таки умер, — услужливо объяснил Од'О. — Виновника быстро нашли. Он обманом проник во дворец, назвавшись лекарем, и даже коварно сделал вид, что вылечил ребенка.

Конан молчал, чувствуя, как внутри начинает закипать гнев. Увы, далее последовали еще более страшные картины.

Изящные дворцы другого старинного города, словно игрушечные, легко ломаясь, падали в реку, знакомый зеленоватый цвет которой мешался с кровью и пылью. Словно обезумевший, Тайбор покинул свое ложе, разливаясь все шире, захватывая новые дома. Жители Шамара, прижимая к себе кто — ребенка, кто — случайно выхваченную домашнюю утварь,

бежали прочь. Как будто глумясь над этими беспомощными попытками уйти от стихии, огромные волны догоняли и безжалостно поглощали несчастных. Где-то мелькнуло искаженное лицо Кастеджо и тут же пропало, сметенное толпой.

— Мне очень нравятся большие озера со спокойной водяной гладью, — снова мечтательно прокомментировал Демон. В этот момент Конан уже был готов вцепиться ему в глотку. Ему захотелось тут же проверить, действительно ли проклятый водяной так неуязвим, как говорил. Словно угадав мысли человека, Од'О спокойно произнес: — Не торопись, варвар, еще несколько интересных картинок, а потом уже поговорим.

Сердце Конана упало. Он уже догадывался, к чему клонит его мучитель. На первый взгляд, никаких изменений в королевском дворце Тарантии, появившемся перед его взором, не было заметно. Странной показалась киммерийцу только мертвая тишина. Вдруг со стороны комнат сына послышались жуткие нечеловеческие вопли и завывания. Двое придворных, в испуге прижавшихся к стене, тихо переговаривались, косясь по сторонам. «Несчастный ребенок, — грустно говорил один. — Он совершенно потерял разум. Вчера он выбил себе глаз, пока метался по комнате». «Да, да, — соглашался второй, — он не смог пережить потрясения. Кто же знал, во что превратилась его мать? Я сам чуть не умер от страха, когда она пробежала, мимо меня по коридору перед тем, как кинуться с башни. Вся Тарантия в панике; Никто не знает, что произошло во дворце, но и Конан так поспешно бежал... Видно, несчастья еще не миновали. Люди говорят, что король бросил нас».

В этот момент киммериец все-таки не выдержал. Со страшным криком он бросился на Од'О. Казалось, меч Короля Атлантов вот-вот вонзится в живот ухмыляющемуся злодею и поразит его на месте.

На самом деле, ничего не произошло. Словно стена тумана разошлась перед человеком и снова сомкнулась за его спиной. Конана сильно бросило вперед, обернувшись, он увидел невредимого Демона, уже нормального роста и в его любимом обличье: перед киммерийцем стоял невысокий старичок с ехидным морщинистым лицом.

— Горяч, ох, горяч, — довольно произнес Од'О и, повернувшись к Октогируму, укоризненно сказал: — Вот, сынок, тебе бы хоть малую толику такого темперамента, а то сидишь на своем камушке, как большая медуза, лишний раз и с места не тронешься! — Однако, Демон тут же сменил тон и прежним грозным голосом, который теперь не очень вязался с его видом, продолжал, обращаясь к Конану:

— Можешь не тратить напрасно свою энергию, я же предупреждал тебя, что эти игрушки мне ни почем. К тому же, не всегда можно разрешить спор оружием. Ты понял, что я сильнее тебя. Придется с этим смириться. Вижу, вижу, что это не в твоем характере, варвар, но другого выхода у тебя нет. Знай же, что все, кого ты сейчас видел, хе, хе, я имею в виду, оставшихся в живых, закляты твоим именем! И для того, чтобы им помочь, тебе, волей-неволей, придется пойти ко мне в ученики. — Од'О хитро посмотрел на Конана и, довольный своей каверзой, добавил: — Я думаю, ты будешь прилежно заниматься, ведь чем быстрее ты станешь Учеником Демона, тем быстрее сможешь вызволить своих близких. — Здесь он притворно вздохнул. — Увы, разделяю твое горе, никто уже не вернет тебе Зенобию, но тут уж я ни при чем, она так решила сама. Я знаю, ты скоро утешишься, это ведь не последняя женщина в твоей жизни? Поживешь у нас, пообвыкнешься, там, глядишь, и с Панорой поладите?

От его глумливой речи у Конана сводило скулы. Он лихорадочно соображал, что же можно сделать. В одном этот отвратительный старик, конечно, прав: глупо размахивать мечом против тех, кому это не причиняет никакого вреда. Киммериец решил потянуть время, в надежде, что его изворотливый ум подскажет выход. Стараясь говорить как можно спокойней, и, будто раздумывая, Конан спросил:

— Ну, хорошо, коварный водяной, положим, я соглашусь. Почему ты так уверен, что, став Учеником Демона, я не обращу полученные знания против тебя самого?

Од'О захихикал, потирая маленькие ручки, и охотно объяснил:

— Правильно мыслишь, правильно. Но я не такой дурак, чтобы просто так обучать тебя волшебству и раскрыть все мои секреты. Чтобы стать магом, ты отдашь мне часть своей души. Ты не будешь больше просто человеком, тысячи невидимых нитей свяжут тебя с миром демонов, это не позволит пойти против меня. Но и свою волю ты не потеряешь, уверяю, ты даже ничего не заметишь. Но подумай, какую огромную власть ты получишь в свои руки! Корона Аквилонии по сравнению с твоим будущим могуществом — детский чепчик! К тому же, человек, я оказываю тебе великую честь: ты будешь не слугой, а Учеником!

Конан содрогнулся, представив, что его ожидает. Мысли все быстрее и быстрее вертелись в поисках спасения. Неправильно истолковав молчание киммерийца и приняв его за согласие, Од'О повернулся к Октогируму и громко приказал:

— Отправляйся в Рубиновый Гrot. Возьмешь там Железный Обруч и Главную Книгу Воды. Все принесешь во дворец, — затем, повернувшись к

Конану, приветливо спросил: — Я думаю, о делах можно поговорить в более приятной обстановке?

«Неужели он думает, что успел сломить меня?» — недоумевал киммериец, наблюдая, как Октогирам медленно поворачивается, чтобы уйти. Все происходящее напоминало ему... нет, даже не сон, но что? Эта странная торопливость, трюки с изменением внешности, страшные картины, родившиеся из упавшего на песок шарика... Кром! Да это же балаган! Дешевый спектакль, наспех придуманный и разыгранный для того, чтобы запугать и сломить волю! Недаром Гардевир предупреждал, что любимое развлечение Од'О — это миражи! Конан быстро припомнил, как развивались события. Демон отправился искать Октогирама, предоставив Паноре развлекаться со своими утопленниками. Он не собирался на землю, хотя и упомянул в разговоре с дочерью о какой-то ловушке, которую готовит киммерийцу. Вот оно! Демон просто не успел бы совершить все те злодеяния, которые он, куражась, демонстрировал Конану! Имея уже богатый опыт общения и борьбы с волшебниками, киммериец понимал, что для того, чтобы наложить заклятие, да еще такое страшное, даже столь могущественному демону, как Од'О, понадобилось бы время!

Конан наклонил голову, чтобы невольная улыбка не выдала его мыслей. Пусть Од'О считает, что его ловушка сработала.

Демон с удовлетворением наблюдал, как могучий киммериец спокойно вкладывает меч в ножны. Его, конечно, больше бы устроило, если бы человек вовсе снял это проклятое оружие и оставил его на песке, но для этого еще не пришло время. Люди ужасно упрямые и своенравны! Единственное, на чем можно играть, это на их поразительной сентиментальности. Од'О не раз уже использовал этот прием и не переставал удивляться, во что превращались самые отчаянные и неподкупные воины, стоило хоть чуть задеть их мать или детей. А эти бессмысленные слюни по поводу жен! Демон гадливо поморщился при воспоминании о черноволосой похотливой красотке, родившей ему Панору и Октогирама. Вначале эта ничтожная тварь возомнила о себе невесть что, а потом, валяясь у него в ногах, молила сохранить ей жизнь... Нет, милая, свое дело ты сделала, больше ни на что не сгодишься. Од'О мельком вспомнил искаженное ужасом и болью лицо женщины, по которому пробегали багровые отблески, огромную мутную волну, поглотившую ее... Сам он стоял у скалы, держа на руках двух новорожденных младенцев, и упивался великолепной открывшейся перед ним картиной разрушения: земля ходила ходуном, по ней разбегались трещины, в которые бушующее море тут же устремляло потоки воды. Поднимавшаяся из глубины лава

превращала воду в пар, со страшным скрежетом раздирая трещины еще шире. Все это стонало, грохотало и шипело, будто вот-вот вслед за детьми Демона Океана и земля готовилась родить своего огненного ребенка. Од'О представил себе на мгновение, что видит свое будущее, и в его руках, наконец-то, сосредоточена вся власть на миром. Два крошечных комочка, пищавшие над ухом, не вызывали в нем никаких эмоций, они были просто очередным этапом в его сложном демоническом плане завоевания суши. И как это женщины могут испытывать нежность к таким жалким своим подобиям? Сейчас его новорожденные дети больше всего напоминали Од'О слепых крысят в трюме затонувшего судна...

Конан спокойно ждал, когда Демон оторвется от своих воспоминаний. Маленький золотой блик мелькнул среди поваленных мачт, и он догадался, что Октогиум отправился в Рубиновый грот не один, а в сопровождении рыбки. «Молодец, малыш, — мысленно похвалил ее киммериец, — не знаю, откуда взялся этот необычный союзник, но, оказывается, и морские твари могут соображать».

В сопровождении Паноры, вновь обернувшейся русалкой, Конан и Демон океана отправились во дворец. Киммериец крепко сжимал в руке сосуд с Изумрудной жидкостью, несколько раз поймав на себе злобный взгляд колдуны. По пути Од'О всячески изображал радушного хозяина, пытаясь расспрашивать Конана о самочувствии, предлагая перекусить и проявляя недюжинные познания в винах. Киммериец отвечал скромно, наотрез отказался есть, помня предыдущий застольный опыт, который чуть не закончился для него плачевно. В его голове уже начал созревать план уничтожения этого подводного демонского гнезда. Почти все увиденное и услышанное постепенно складывалось в четкую картину. Не совсем ясно было с Октогиумом. Этот странный отпрыск по-прежнему оставался для киммерийца загадкой. Судя по рассказу Гардевира, сын Демона океана представлялся Конану злобным и жестоким. Поэтому-то его нынешнее поведение и казалось таким странным. И отец, и Панора явно недовольны Октогиумом... Од'О сам признался в разговоре с дочерью, что демоны, прошедшие через лед, теряют свою силу... Значит... Киммериец так задумался, что чуть не упал, споткнувшись о камень.

Гардевир совершенно уверен, что дети Демона океана уничтожены. Он не может врать. Но Демон океана говорит обратное, и рядом с ним находятся живые и невредимые Панора и Октогиум. Кому же верить? Конан запутался. Да нет же, все решается очень просто! Проклятое демонское отродье действительно исчезло с лица земли и может существовать только в океане! Как там говорил Зубник? «Поганой слизью

по холму растеклась...» Ну, конечно, вся злоба колдуны просочилась сквозь землю, ближайшая же подземная река вынесла ее в океан, где добрый папаша вернул лишенной силы Паноре ее облик. Но на сушу она теперь может являться только призраком, не имея возможности творить свои гадости. Однако, Конан сам наблюдал ее жуткую расправу с пиратами... Выходит, какая-то сила еще осталась в этой красотке. И, скорей всего, это связано с близостью моря. Что еще? Похотливая русалка жить не может без мужчин, для чего ей приходится консервировать, а потом оживлять утонувших моряков. Киммериец вдруг четко вспомнил, как осторожно выливала Панора Изумрудную Жидкость. Отлично! Она боится! Может быть именно этот замысловатый сосуд и пригодится для борьбы с ней.

Теперь уже мысли работали четко. Октогиум. Жестокий, склонный, с легкостью передвигавший скалы. Од'О вызволил из ледяной глыбы и его. Да вот только каким? Растворившая ненависть, смешавшаяся с водами Хорота, наделавшая столько бед, уничтожившая целую деревню и чуть не погубившая столицу Аквилонии, тысячекратно разбавленная впоследствии морем, исчезла без следа. Ну, если только стайка мальков, сгоряча хлебнувших слабой отравы, подралась среди коралловых зарослей. Значит, не зря сердится на сына Демон океана. Лишенный и своей силы, и питавшей ее ненависти, Октогиум, на самом деле, больше всего сейчас напоминает медузу.

Уже входя во дворец, Конан обратил свои мысли к главному сопернику — Од'О. Как выяснилось, даже волшебный Меч Короля Атлантов, защищающий киммерийца, оказался против Демона бессилен. Гардевир предупреждал об этом, но Конан не хотел верить, что поганый водяной, на самом деле, так неуязвим. С какими только жуткими созданиями не приходилось встречаться могучему киммерийцу, на всех находилась управа. Он твердо знал, что всемогущи и недосягаемы одни Боги.

К сожалению, пришлось прервать размышления. Конан уже стоял посреди тронного зала.

— Ну, что ж, — Од'О вновь принял облик сурогата мужчины с некрасивым лицом в дорогой одежде. — Не будем терять времени. Раз наш гость отказывается от угощения, приступим к делу. — Сквозившее в его словах нетерпение еще раз убедило киммерийца в правильности своей догадки. Демон спешил. Он, видимо, считал, что ему удалось обмануть Конана. «Самодовольная каракатица! — зло подумал киммериец. — Плохо же ты меня знаешь!»

Глава 19

С точки зрения Демона Од'О, вся церемония посвящения в Ученики проходила весьма торжественно. Мерцающий голубоватый свет пробежал по колоннам, стало светлее. Стены и пол сделались прозрачными, Конан увидел себя словно парящим на огромной высоте. Под ногами плавно проплывали огромные диковинные рыбы, покачивая плавниками. Киммерийцу стало немного не по себе, однако увидев сидящих на троне Демона с дочерью, он вновь разозлился на этот дурацкий балаган. Од'О опять понавесил на себя драгоценностей, отчего еще больше стал похожим на ярмарочного шута. Панора тоже принарядилась: переливающееся всеми цветами радуги платье, составленное из узких блестящих ленточек, словно живое, шевелилось и извивалось на ней, то и дело приоткрывая соблазнительные формы. Ее злые глаза горели торжеством. В предвкушении скорой победы над непокорным человеком, дочурка нетерпеливо кусала губы. «Тьфу, жаба, — мысленно выругался киммериец, — да чтоб ты знала, любая замызганная девка из портового кабака милей мне во сто крат!»

— Приготовься, человек земли! — Голос Демона океана гремел. — Сейчас ты будешь посвящен в Ученики. Отбросив свою жалкую оболочку, ты станешь равным нам. Все знания, дающие власть над миром, будут для тебя открыты. Гордись, начинается твоя новая жизнь, без суеты и страхов, с новой силой и новыми целями. Наконец ты сможешь открыть ее новый и правильный смысл!

Конану даже показалось, что где-то раздается музыка. Нарастающие по силе мрачные аккорды давили на мозг, сердце сжалось в тоскливом предчувствии.

Внезапно церемония была нарушена появлением Октогиума. Совершенно буднично, словно опоздавший школьяр, зажав под мышкой книги, он почти вбежал в тронный зал. Од'О слегка нахмурился. Похоже, своим неподобающим поведением сын срывал ему важный спектакль. Стараясь не сбиться с тона, Демон царственным движением протянул руку и произнес:

— Подай же мне Главную Книгу Воды, возлюбленный сын мой!

Конан чуть не расхохотался, когда увидел, как тот, послушно подойдя к трону, споткнулся о первую же ступеньку. И тут же, не успев сообразить, зачем он это делает, киммериец негромко окликнул:

— Эй, Октогиум! — Вздрогнув от неожиданности, сын Демона уронил книгу на прозрачный пол и обернулся. Конан смело глядел ему в глаза. Он ясно видел перед собой, нет, не демонское отродье, а лишь растерянного человека.

— Ты что, веришь этому усыпанному стекляшками старому лицемеру? Который за глаза называет возлюбленного сына медузой? А ты не задумывался, кому ты обязан своим нынешним положением?

Вскочивший со своего места Од'О в ярости заорал:

— Молчать, варвар! Октогиум, подними книгу! — Но тот уже внимательно слушал Конана. Мучительная борьба отразилась на его болезненном лице, словно он усиленно пытался что-то вспомнить. Не обращая внимания на вопли Демона и все больше чувствуя свою силу, киммериец продолжал, повысив голос:

— Я пришел сюда не за вашими черными знаниями, а чтобы спасти свою жену, мать моего сына. За них я готов сразиться с тысячей таких злодеев, как твой отец.

— Твоя Зенобия мертва, мертва! — сорвался на визг Демон.

— Лжешь, — спокойно ответил Конан, даже не взглянув на него. Октогиум с горящими глазами, казалось, впитывал каждое слово человека. — Я знаю, на что иду, и знаю, во имя чего я это делаю. — Вкладывая в слова всю свою ненависть, он жестко закончил: — Вашу мать он уничтожил сразу после вашего рождения. А тобой, словно медной монетой, пожертвовал в борьбе с Демоном Небесных Вод, которому и делато не было до этого пакостника!

Больше Конану ничего сказать не удалось. Темное облако, сорвавшееся с трона, накрыло Октогиума. Послышался тяжкий гул, пол под ногами зашатался, киммериец успел заметить Панору, в ужасе метнувшуюся куда-то в угол. Отступив на несколько шагов, он на всякий случай вынул меч. И, как оказалось, вовремя. Словно повинуясь неслышному приказу, из-за колонн начали появляться жуткие твари. Вначале Конану показалось, что это морские змеи — слуги Паноры, но, приглядевшись, он убедился, что ошибся. Эти были крупнее, большие шишковатые головы, казалось, состояли из одних огромных пасть, усеянных тонкими острыми зубами. Гибкие тела заканчивались двумя шипастыми хвостами. При движении чудовища отвратительно подергивались, то раскрывая, то убирай иглы плавников. Они надвигались плотной стеной, вызывая дрожь омерзения и гипнотизируя человека мерцанием красноватых огоньков вдоль хребта. Сосредоточившись на первых подплывающих тварях, киммериец чуть было не упустил других,

незаметно стелившихся по самому полу. Очень тонкие и гибкие, они напоминали живые веревки, и, замешкайся Конан еще хоть на миг, его ноги были бы накрепко спутаны...

Одним резким и сильным ударом киммериец очистил пол вокруг себя и тут же вонзил меч в пасть первому чудовищу. На удивление, зубастые твари были не очень агрессивны, но их становилось все больше, Конан едва успевал поразить двух-трех нападавших, как тут же на их место прибывало пять новых. Одна из плавающих веревок уже опутала ему правую ногу, но стоило лишь опустить меч, как острые зубы уже оказались у лица. В левой руке киммериец по-прежнему сжимал сосуд, поэтому, отшатнувшись, он инстинктивно ударил чудовище прямо по зубам. Раздался отвратительный хруст, и зверюга потеряла интерес к борьбе. Конан медленно отступал, оставляя перед собой изрубленные скользкие тела. Почувствовав спиной стену, он остановился. Рука, державшая меч, стала уставать, а чудовищ не становилось меньше.

Лишь одно неверное движение допустил киммериец, как тут же последовал сильный рывок за ногу. Он поскользнулся на отрубленном хвосте и упал, не выпуская меча. Казалось, еще мгновение — и от человека останутся только кровавые ошметки. Но твари лишь окружили его плотным кольцом, вперив холодные немигающие глаза в близкую жертву. Конан попытался встать, но понял, что ноги связаны. Сжав зубы от унижения и бессилия, он сел, опираясь на меч. Не было и речи о том, чтобы освободиться — для этого подошел бы кинжал, но не меч, первым же ударом он перерубил бы себе ноги. Чудовища расступились, открывая заваленный убитыми зал.

Около трона стоял зло улыбающийся Од'О. Лицо Октогиума было пустым и невыразительным.

— Не перестаю удивляться людскому коварству, — вздохнул Демон, взмахом руки разгоняя уцелевших чудовищ. — Но только не пойму, на что ты рассчитывал, пытаясь обмануть меня? — Кинув взгляд на сына, укоризненно добавил: — И зачем было тревожить мальчика? Он и так очень слаб...

Голос Од'О становился все более и более ласковым, даже слашивым. Перед Конаном стоял слабый немощный старик. Поискал глазами, он тихо позвал:

— Панора, детка, где же ты? Мне понадобится твоя помощь.

Откуда-то незаметно выскользнула Панора и стала справа от него.

— Помоги мне сесть, милая, и подай поскорее Главную Книгу Воды. Наш дорогой гость не может больше ждать. — Повернувшись к

Октогируму, он легонько подтолкнул того в спину: — Действуй, сынок, ты знаешь, что делать.

Конан увидел в руках у Октогирума небольшой обруч. Словно во сне сын Демона двинулся к киммерийцу. Одновременно поддерживаемый под локоть Панорой Од'О, кряхтя, взобрался на трон, открыл поданную книгу и начал вслух читать. Весь зал заполнили странные заунывные звуки, то и дело обрывавшиеся на высокой ноте. Все окружающее стало зыбким и нечетким, стены почернели, с пола исчезли следы только что произошедшей битвы, но ноги Конана по-прежнему были тую стянуты веревками. Он сидел, опервшись о меч, не выпуская из рук Изумрудную Жидкость, и изо всех сил боролся с подступающим отчаянием. В голове появился слабый шум, мысли начали путаться, сознание покидало киммерийца. Сквозь застилавший глаза туман он увидел подошедшего Октогирума. Еще недавно живые горящие глаза его были сейчас неотличимы от пустых глаз зубастых тварей. На неподвижном мертвенно-бледном лице шевелились бескровные губы. Конан из последних сил попытался рвануться, но безрезультатно. Продолжая слышать заклинания Демона океана, киммериец почувствовал, как на голову опустился тяжелый холодный обруч.

Пропало все. И только в обмякшем безжизненном теле человека, сидевшего у стены, продолжало биться горячее живое сердце.

За тысячи лет своего существования Демон океана не испытывал такого потрясения.

Он еще продолжал читать по Книге Воды, когда увидел, что Конан глубоко вздохнул, не открывая глаз, нахмурился...

Железный Обруч, одетый на его голову, чтобы лишить будущего Ученика воли, с оглушительным звоном лопнул.

И тут же, словно сдернули тяжелый пыльный занавес, стало светло. Веревки упали с ног киммерийца, он встал, опалив Демона взглядом злых синих глаз, и поднял меч. Опустившийся на колени Октогирам разрыдался, Книга выпала из рук Од'О. Через мгновение его самого уже не было в зале. — А папаша-то твой, оказывается, трус, — весело обратился Конан к остолбеневшей Паноре. После чего вложил меч в ножны, мельком безо всякой жалости глянул на раскинутого Октогирама и раздумчиво взвешивая на руке волшебный сосуд, произнес: — Кажется, я знаю, где может пригодиться ваша зеленая водичка, и, пожалуй, заберу ее с собой. А пока...

В несколько легких шагов преодолев разделявшее их расстояние, Конан открыл пробку и плеснул из сосуда прямо в лицо колдуны.

— А-а-а... — протяжный звук вырвался из ее горла, тут же

превратившись в нечленораздельное бульканье. Черты красивого лица исказились, смазались, тело быстро теряло форму, стекая вниз, как расплавленный воск. Через несколько мгновений под ногами киммерийца вяло копошилось нечто, напоминавшее то ли крупного моллюска без раковины, то ли сбежавшее тесто. С краю бледно-розового комка ритмично надувался и опадал пузырь.

— О, — удивился Конан, брезгливо пиная студень ногой, — да ты еще и живое!

Оглядевшись по сторонам, он с радостью увидел верного приятеля — золотую рыбку, которая приветливо помахивала хвостом, радуясь победе человека.

— У нас с тобой есть еще одно дело, — обратился к ней киммериец, — пока гостеприимный хозяин не очухался, мне надо срочно побывать у той скалы, похожей на руку, помнишь?

Рыбка завертелась волчком, видимо, одобряя решение Конана, и быстро поплыла прочь. Не оглядываясь, он последовал за ней.

Каменный палец был уже совсем близко, когда он почувствовал, что идти стало труднее. Вода вокруг словно превращалась в плотный кисель, сковывая движения. Но могучего киммерийца уже ничто не могло остановить. В двух шагах от скалы он помедлил, оглядел камень, с которого и началось его знакомство с Демоном океана и задумчиво произнес:

— Четвертое Заклинание, говоришь?

И, вынув из ножен Меч Короля Атлантов, широко размахнувшись, что есть силы ударил по скале. Раздался оглушительный грохот, в котором слились воедино и скрежет металла, и треск камня, и полный злобной тоски отчаянный вой.

Страшная сила оторвала Конана от дна, выдрала из руки меч, что-то с силой ударило его по ушам, он широко открыл рот... И захлебнулся.

Эпилог

Конан сидел около бассейна в уютном внутреннем дворике дворца герцога Эстепонато и с наслаждением вдыхал свежий морской воздух. Даже сюда, сквозь толстые высокие стены доносился тяжелый рокот волн. Чуткое ухо киммерийца уловило, как одна из служанок тихо сказала другой:

— Ну и шторм! В жизни такого не видала — целую неделю беснуется! — Широкая улыбка расплылась по загорелому лицу короля Аквилонии. Мимо с гиканьем промчался его сын Конн. Следом бежал Баджо, заливаясь счастливым смехом и стараясь попасть в приятеля зелеными сливами.

Неслышно подошедшая Зенобия положила Конану руки на плечи.

— Ты получил письмо от Кастеджо? — Этот ласковый голос киммериец мог слушать вечность. Чуть повернув голову, он кивнул.

— Он приедет к нам?

— Не сейчас, милая. Наш друг приносит свои извинения, но он очень занят. Берег Тайбора сильно просел, весь Шамар занят восстановлением разрушенных домов. Но как только работы будут завершены, Кастеджо обязательно навестит нас. Он обещал.

На выложенной разноцветными плитками дорожке появилась белая фигура. Конан тут же встал и направился навстречу Гар-девиру.

— Я пришел проститься. — В руках волшебник держал сосуд с остатками Изумрудной Жидкости. Когда жители рыбацкой деревушки нашли бесчувственного киммерийца, лежащего на песке, им так и не удалось разжать его пальцы, сжимавшие горлышко сосуда. — Это я забираю с собой. Вам эта Жидкость больше не понадобится, — Гардевир с улыбкой посмотрел на Зенобию. Казалось, живительная изумрудная сила сделала женщину еще красивей. — А оставлять такие вещи людям нельзя.

— Ты уже уходишь? — В голосе Зенобии послышалась грусть. Именно этот высокий седобородый маг помог ей выдержать весь ужас и тягость ожидания.

— Мне пора.

Конан не смог бы словами выразить всю благодарность Гардевиру, хотя, с другой стороны, киммериец готов был отдать половину королевских сокровищ, чтобы никогда больше не связываться с магией. Но у него еще оставалось несколько вопросов к волшебнику.

— Почему все-таки Од'О так просто отпустил меня?

— Во-первых, ты пришел к нему по доброй воле, — в своей обычной плавной манере начал мат. — А во-вторых, тебя здорово защищали и. Меч Короля Атлантов, и Изумрудная жидкость. Но самое главное, — Гардевир понизил голос, — скорей всего, он понял, что ты сильней. Недаром лопнул Железный Обруч.

— Да, — задумчиво протянул Конан, — меч был хорош. Жаль, что не удалось его сохранить. А кстати, он-то откуда взялся? И рыбка еще какая-то золотая...

— Да, что уж там, — лукаво улыбнулся волшебник, — мы, чай, тоже не фокусы на ярмарках показываем...

— И все-таки жаль, что не удалось уничтожить эту морскую гиену Од'О! Не начнет ли он снова пакостить?

Яркое солнце заливало крышу, слабый ветерок чуть трогал верхушки пальм. Странно поэтому было слышать отдаленный рокот шторма.

— Побесится и перестанет, — добродушно заметил Гардевир, прислушавшись. — Ведь, разрубив каменный палец, ты лишил его главного — возможности выходить на сушу. А шторма... Что ж мы, штормов не видали?

Зенобия звонко рассмеялась. Она подошла к мужу и, одарив его полным любви взглядом, кивнула волшебнику:

— Переживем.

День заканчивался. Неяркие еще звезды робко загорались на ясном спокойном небе. Пир во дворце был еще в самом разгаре, когда Зенобия заметила хмурую складку на лбу Конана.

— Что тебя тревожит, мой повелитель? — ласково-обеспокоенно спросила она.

— Есть один вопрос, который до сих пор не дает мне покоя. — Киммериец выглядел озабоченно. Внезапно он поднялся и, тихо сказав несколько слов сидевшему рядом Эстепонато, вышел из-за стола.

— Я с тобой! — Зенобия порывисто вскочила и бросилась за ним. Герцог удивленно проводил глазами сильную фигуру короля, чуть пожал плечами и продолжил застолье.

По ночной Мессантии быстро шли двое — крупный мужчина, завернувшись в дорогой плащ, крепко держал за руку хрупкую женщину. Случайные прохожие оглядывались на странную пару, недоумевая, как могло занести в портовые трущобы этаких разряженных господ.

При виде стоящего перед ним Конана, Бо Деревяшка чуть не свалился с табуретки.

— Митра! Живой! — Но тут же, вспомнив, с кем говорит, вскочил. Открыв рот, он переводил взгляд с улыбающегося короля на Зенобию, не в силах больше вымолвить ни слова. Он лишь молча пожал протянутую руку и в растерянности сел.

— Неужели сробел? — смеялся киммериец, подзывая хозяина кабака. — Надеюсь, не откажешься выпить со мной хорошего вина?

Бо кивнул. И скоро, забыв свою робость, уже оглушительно хохотал над шутками Конана.

После пятого кувшина вина киммериец, нахмурившись, задал, наконец, мучивший его вопрос:

— Послушай, капитан, не мог бы ты мне сказать, почему тебя зовут Бо Деревяшка?

Просоленный морской волк совершенно неожиданно залился багровым румянцем и, исподлобья поглядывая на Зенобию, смущенно произнес:

— Простите, Ваше величество, но кто ж такие вопросы при дамах задает?